

В. СТАНКЕВИЧ

**ДИНАМИКА
МИРОВОЙ ИСТОРИИ**

ПАРИЖ - БЕРЛИН

1934

Droits de traduction et de reproduction réservés pour tous les pays.
Copyright 1934, by the Author.

Предисловие

Настоящая книга ставит следующие тезисы:

1. Развитие прежних культур (древней Индии, Эллады, Израиля) приводило их к примерно одинаковым духовным вершинам, выражение которым дано в проповеди Готамо и Иисуса и в учении стоиков.

2. Духовное развитие новых народов проходит те же стадии, совершается в том же направлении, но углубленно и осложненно, так как новые народы начали не с примитива, а с внешнего заимствования высших достижений старых культур.

3. Существо развития новых народов с особой отчетливостью видно в истории англо-саксонских стран, которые создали своеобразный правовой и моральный синтез заветов Израиля и Эллады.

4. Современное развитие нашей культуры свидетельствует о небывалой силе ее творчества и уже превзошло не только средний уровень всех известных эпох и народов, но и все прежние представления об идеальном строе человеческой жизни.

5. Отрицательные стороны современной культуры происходят от непонимания или недостаточной веры в силу положительных сторон ее и от неумения пользоваться имеющимися средствами и силами.

6. Развитие новых народов не достигло апогея. Но исторические аналогии показывают, что мы находимся на расстоянии одного-двух поколений от достижения высот, равных наивысшим точкам развития древних народов. "Динамика мировой истории заставляет нас пристально всматриваться в черту исторического небосклона: не брезжит ли уже свет восходящей новой звезды Вифлеема?..."

7. Технические средства и духовные особенности современной культуры дают право ожидать не только нового провозглашения великих заветов прошлого, но и их осуществления в жизни.

Вывод: перед нами Золотой и Добрый Век!

Автор сознает всю рискованность исторических выводов книги, всю парадоксальность своей оптимистической оценки современности, всю методологическую недопустимость прогнозов насчет будущего. Но неумирающая творческая сила проповеди Готамо и Иисуса, непреходящее очарование образов Сократа и Эпиктета говорят в пользу тезисов, относящихся к прошлому. Сравнение настоящего с прошлым является неопровержимым доказательством подлинного, хотя и не завершенного, величия нашего времени. Аналогии с высшими достижениями прежних культур внушают веру в будущее.

Конечно, тезисы не столько доказываются, сколько лишь иллюстрируются общеизвестными фактами и их сопоставлениями. Лично автор глубоко убежден, что на прошлое, настоящее и будущее **д о л ж н о** смотреть так, как изложено в книге. Но он будет вполне удовлетворен, если читатель согласится, что на судьбы человечества **м о ж н о** так смотреть.

Это самоограничение в задаче обуславливает и способ изложения. Хотя книга основана на значительном литературном материале, но она отнюдь не претендует на научность. Поэтому из нее сознательно удален весь научный "аппарат": ссылки на сочинения, разбор противоречивых мнений. Автор хотел изложить лишь свое мнение, сделать его понятным, ясным. В этом смысле книга является скорее памфлетом или даже разросшимся фельетоном, что сделало допустимым даже маленькие полу-беллетристические вставки.

Из всех частей книги более всего беспокойства в авторе вызывают страницы, посвященные будущему. И он заранее просит читателя ни в коем случае не рассматривать это, как пророчества или предсказания. Во время осады Иерусалима Титом явился пророк-оптимист, который советовал жителям скрываться на деревянной галерее храма, уверяя, что там спасение; многие жители, в особенности женщины и дети, послушались и все до единого погибли в пламени. Автор не хотел бы быть таким ложным пророком, а пророчествовать "истинно" он не имеет никакого призвания. Реальное будущее — для всех темно и сокрыто. И оно, во всяком случае, совсем непохоже на то, что мы ныне можем о нем сказать. Но и не будучи пророками мы постоянно говорим о вероятностях и возможностях.

Газеты нам каждый день сообщают подробные и даже иллюстрированные сведения о новой мировой войне, говорят о перспективах социальной революции, о всеуничтожающих грядущих экономических потрясениях. Поэтому вполне позволительно попытаться с такой же наглядностью нарисовать возможность Золотого и Доброго Века, тем более, что объективный наблюдатель не может не видеть бесчисленных признаков его приближения. Во всяком случае бесспорно, что созерцать возможность Золотого Века гораздо отраднее, поучительнее и целесообразнее, чем углубляться в проблемы грядущей войны и социальной революции. Пусть это даже только мечта, но она незлобивая, безобидная. Она не подрывает творчества, но, наоборот, вдохновляет. И чем больше вокруг торжествует разрушение, тем более она нужна: в ней единственное действительное убежище от всех невзгод настоящего и возможных страшных испытаний будущего. И кто знает: в наших руках столько возможностей превращать мечты в действительность, что и мечта может стать все-сокрушающей программой действия. Не надо забывать, что евангельский завет: "входите тесными вратами" — для настоящего времени уже изжит, ибо перед всеми нами и перед каждым в отдельности, настуже открыты врата большие, врата широкие, врата высокие. Нужно только иметь веру, смелость и волю перешагнуть порог!

Если в наше великое, но жуткое время чтение этой книги даст читателю хоть малую долю того спокойствия, бодрой уверенности, жажды деятельности и веры в человечество, которое дало ее написание автору, — цель книги будет вполне достигнута.

А в т о р.

Каунас. 1934.

ПРОШЛОЕ

Заветы древней Индии

Будда

Идея человечества, как единого, духовно связанного целого, родилась в далекой Индии, в виде первого, всему человечеству данного, учения Будды.

Появление и распространение буддизма, бесспорно, должно быть признано одним из наиболее значительных, а вместе с тем поразительных и даже загадочных явлений мировой истории. Сложившийся в VI веке до нашей эры в северной части Индии на почве местных, исторически создавшихся верований, как одна из многочисленных сект, он на протяжении двух веков был мало заметным, локальным течением религиозной мысли. Но начиная с третьего века до Р. Христова это учение сразу приобретает чрезвычайную силу экспансии, становится господствующим верованием во всей Индии, распространяясь на юг перебрасывается на остров Цейлон, ширится на север и на восток, переходит политические и географические пределы Индии и в неустанном многовековом шествии доходит до берегов Тихого океана, до тундр далекого севера, до островов Японии. Силы этого духовного толчка как бы истощают почву, на которой он родился, и в то время, как идеи буддизма совершают победное шествие по необозримым просторам Азии, овладевая сердца и умами разнообразных и чуждых Индии народов, в это самое время в Индии, на своей родине, он вымирает, вытесняется пришлым магометанством и местным, возродившимся браминизмом... Несть пророка в своем отечестве!

Это мирное, чисто духовное распространение идеи, родившейся

среди одного народа, на другие народы является настолько поразительным, что всякое сведение о зарождении и распространении буддизма представляет выдающийся интерес. И надо признать, что мы обладаем довольно значительным количеством данных для освещения этого момента в истории человечества.

Прежде всего мы обладаем весьма обширными и подробными сведениями о самом Будде и его учении. Его продолжительная учительская деятельность протекала в северной Индии во второй половине VI и в начале V века до Р. Хр. Традиционно считается, что он был сыном царя сакиев, из племени готамо, властвовавшего над небольшой областью у отрогов Гималаев. Имя царевича было Сакия Муни (сын сакия) или, по имени племени, Готамо. Молодость его протекала в роскоши, пышности и наслаждениях. Он был женат и имел сына. Но на 29 году жизни с ним совершился духовный кризис, и он, покинув царский чертог, семью, богатства, ушел в бездомность искать себе и другим спасения. Вот как предание рисует его уход из дома.

**
*

Однажды царевич на своей прекрасной колеснице отправился в загородный парк. При въезде в него он увидел человека, согнутого, как крыша пагоды, сгорбленного, опирающегося на палку, шатающегося, без сил. Царевич спросил провожатого, что стало с этим человеком, почему он не похож на других людей, почему его волосы и его тело иные, чем у других.

— Это старик, господин, — ответил слуга.

— Что такое старик?

— Это человек, которому осталось недолго жить.

— Скажи: неужели и я подвержен старости? Неужели и я не свободен от влияния возраста?

— Нет, господин, и ты не свободен от влияния возраста, и ты не свободен от старости.

— Поворачивай колесницу, мой милый. На сегодня довольно мне поездки по парку.

Вернувшись в свой роскошный дворец царевич в горе и смятении размышлял: "Горе всему рожденному, если всякий рожденный подвержен старости".

Узнав об этом происшествии с сыном, царь страшно обеспокоился и приказал еще щедрее осыпать царевича наслаждениями и радостями всякого рода. И царевич наслаждался всем, что доступно нашим пяти чувствам, и стал опять весел и беззаботен.

Но вот однажды выехав на охоту и въезжая в лес он увидел у дороги человека, который не мог подвинуться и лежал среди грязи и нечистот, так как все боялись притронуться к нему.

— Что случилось с этим человеком? — спросил царевич слугу. — Почему его глаза не такие, как у всех людей, почему его голос иной, чем у всех людей?

— Этот человек б о л ь н о й, — ответил слуга.

— Скажи, мой милый, разве я также подвержен болезни и не свободен от ее власти?

— И ты, царевич, подвержен болезни, и над тобой она властна.

— Поворачивай колесницу, мой милый. На сегодня довольно охоты и удовольствий.

И опять, вернувшись во дворец, в смятении и тревоге размышлял царевич: “Горе всему рожденному, ибо все рожденное подвержено старости и болезни”. Однако, через некоторое время, окруженный роскошью и удовольствиями, царевич стал забывать и эту встречу. Но вот он опять выехал на охоту на львов. По дороге встретил он толпу плачущих людей в траурных одеяниях.

— Скажи мне, милый слуга, почему собрались эти люди, почему они так печальны, почему жены плачут, почему так безрадостны их одежды?

— Они хоронят м е р т в о г о.

— Скажи мне, милый слуга, что такое “мертвый”?

— Мертвым называют того, кто навсегда оставил своих отца и мать, родных и друзей и никогда их более не увидит.

— Скажи мне: разве меня тоже ждет смерть? Разве для меня также настанет время, когда я не увижу более ни царя, ни царицы, ни жены, ни близких, ни друзей?

Услышав в ответ, что все живущее подвластно смерти, приказал царевич повернуть колесницу, и опять долгое время, в одиночестве, смятении и грусти размышлял он среди своих роскошных садов: “Горе всему рожденному, так как всякого ждет старость, болезнь и смерть”.

Напрасно царь старался рассеять его грусть развлечениями и

удовольствиями, напрасно устраивал празднества и игры. Напрасно лучшие музыканты на звонких инструментах играли сладкие мелодии, напрасно пели певцы и певицы: ничто не радовало ни глаз ни ушей царевича. Грустный, как гость бродил он среди своих роскошных комнат, среди великолепных садов. Смятение в душе росло. И даже нежность жены и вид маленького сына не могли рассеять его тревогу и печаль.

И вот однажды глубокой ночью позвал он своего слугу и приказал ему приготовить колесницу. Он вошел в комнату своей жены, взглянул на нее и на спящего на ее руках сына. Хотел было взять сына, но побоялся разбудить жену, вышел на двор, сел в колесницу и выехал из ограды дворца и из ворот города с тем, чтобы более не возвращаться назад.

Выехав из города Готамо приказал вожатому остановиться, сошел с колесницы, снял с себя драгоценное ожерелье и приказал слуге, вернувшись во дворец, отдать его царю. Сам же, оставшись в одиночестве, пешком отправился в лес. Там на рассвете встретил бедного человека и предложил ему обменяться платьем: свое драгоценное, золотом и самоцветными камнями вышитое одеяние он отдал нищему, а на себя надел рваное рубище бедняка. Далее идя в лес он остриг свои прекрасные волосы и как монах обрил голову.

Так началось великое шествие Готамо из приюта отчего дома в бесприют широкой чужбины. "Тесно течение жизни дома, в месте мрака; свобода в оставлении дома", думал при этом Готамо.

**
*

В течение шести лет Готамо размышлял, учился, слушал разных учителей, предавался строжайшему аскетизму. С каким напряжением он искал путей правды в жизни, свидетельствует предание о его способности самоуглубляться. Однажды он задумался в открытом поле. Очнувшись от размышлений он увидел около себя большую толпу людей и с удивлением стал спрашивать, в чем дело. В ответ услышал, что только что над этим местом пронеслась буря, потоки дождя низвергнулись на землю, молния сверкала, гром неустанно грохотал. Два пастуха и четыре вола были убиты молнией. Вот почему собралась толпа. "Но где же ты был, господин?"

— Я все время находился тут.

— Так разве ты не видел ничего?

- Нет, я ничего не видел.
- Так разве ты не слышал ничего?
- Нет, я ничего не слышал.
- Так ты, может быть, спал?
- Нет, я не спал, я бодрствовал.

Беседовавший с учителем отошел в изумлении и стал думать: “Какое удивительное состояние духа у этого аскета. Было бы чудесно, если бы вся жизнь проносилась мимо, а дух сохранял такое спокойствие”.

Но все пути, по которым шел Готамо, не приводили его к желанной цели. Он оставил аскетизм, покинул своих учителей и товарищей по исканиям и стал сам углубленным размышлением искать пути истины. Эту истину он окончательно постиг во время семидневного непрерывного размышления и самоуглубления под священным деревом Боди. Вот какими словами Готамо рассказывал об этом достижении истины путем размышления под деревом Боди:

“Силы мои были напряжены и не поддавались; я упорно бодрствовал, не рассеиваясь; тело мое было покойно и без волнения; мой дух был сосредоточен и направлен на единое.

“И вот, порывая со всеми страстями, со всем нечистым, достиг я первого самоуглубления, рожденного от отрешенности, соединенного с размышлением, полного радости и покоя. Сосредоточенный дух мой, чистый и незапятнанный, гибкий, упорный и сильный, обратил я на познание прошлого, и вспомнил все мои бесчисленные существования: от первого до последнего все их вспомнил мой дух: и место, и время, и форму, и имя, и род, и образ жизни, все радости и все горести, начало и конец всех прежних моих существований. Созерцание прошлого дано было мне в первую ночь первого самоуглубления. И это было мое первое знание.

“Когда размышление и воспоминание затихло, достиг я второго самоуглубления, полного радости и покоя, полного мира и единства духа. Сосредоточенный дух мой, гибкий, упорный и сильный, направил я на познание ухода и возвращения существ. Надчеловеческим оком созерцал я уход и приход существ, высоких и низких, прекрасных и уродливых, благих и злых, и видел, как по делам своим находили они себе место. Это созерцал я во вторую ночь самоуглубления, и это было мое второе знание.

“Когда чувство удовлетворенности прошло, то, сохраняя покой

духа, бодрствуя и сознавая, ощутил я всем существом своим радость и так достиг третьего самоуглубления. Мой сосредоточенный дух, гибкий, упорный и сильный, направился на п о з н а н и е к о н ц а з л а. И я познал: “что такое страдание”, “в чем причина страдания”, “в чем путь к преодолению страдания”. Созерцая и познавая это душа моя освободилась от страстей, желаний, злоучения и неведения. И во мне явилось сознание: я спасен. Рождение уничтожено, закончен священный путь превращений, исполнен долг, нет более возврата в этот мир. Так в третью ночь самоуглубления постиг я т р е т ь е з н а н и е.

“Радость, горе, страдание, довольство одинаково покинули меня, и безгорестно и безрадостно в просветлении и покое духа достиг я четвертого самоуглубления и в нем пребывал. Осужденный на рождение, познал я бедствие закона рождения, так как Старость, Боль и Смерть связаны с ним, и в поисках освобождения от рождения высшего покоя и блага обрел я Нирвану, свободную от рождения и тем свободную от Старости, Болезни, Боли и Смерти. И я понял: вечное спасение духа достигнуто мною. Это последнее Рождение: отселе более Рождения нет”.

Достигнув этого высшего познания Готамо стал “просветленным”, или Буддой, как его с тех пор называют.

**
*

Легенды связывают с этим моментом великое беспокойство духа зла Мары и его попытки мешать Будде или соблазнить его. Еще в то время, как Готамо сидел на скрещенных ногах в размышлении под деревом Боди, Мара послал страшную бурю: ветер ревел, дождь потоками низвергался на землю, гром заглушал все живое. Но царь змей Мукалинда вышел из своего убежища, обвился семикратно вокруг тела Готамо и покрыл его всего с головою: “Да не коснется Благого холод, да не коснется его жара, ни москиты, ни насекомые, ни дождь, ни роса, ни солнечные лучи, ни буря”. И лишь когда закончился седьмой день, Мукалинда развил свои кольца и, приняв вид юноши, со сложенными руками поклонился Будде.

Когда Мара, дух злого, узнал о просветлении Готамо, он ужаснулся, предчувствуя, что близится конец его царствия, и стал придумывать, как потушить пожар познания и преодоления, который грозил уничтожить его царство.

Прежде всего позвал он к себе трех своих дочерей и приказал им идти к Будде и искушать его. Они пришли и сказали: “О аскет, позволь нам в знак почтения облобызать твои стопы”. Но ни на одну из них не обратил Будда своего внимания. Со стыдом вернулись они к своему отцу и сказали ему, что их чары не действуют на Будду.

Тогда Мара, дух злого, решил сам пойти искушать его. Приблизившись он подслушал размышления Будды: “Я познал истину, трудно познаваемую, полную покоя, тонкую, лишь мудрому доступную. Но человечество пребывает в земных страстях и им радуется, и трудно будет ему постичь истину. Если я стану проповедывать, меня не поймут, и это будет лишь огорчением и мучением для меня”.

Подслушав эти мысли, Мара обрадовался. То, что Будда достиг познания, — этого уничтожить уже нельзя. Но пусть это останется уделом одного. И, приблизившись к нему, злой Мара стал нашептывать: “Теперь настало твое время, благой, тебе открылся великий путь покоя и свободы: иди этим путем, уйди в Нирвану”.

Но Будда ответил: “Я не уйду в Нирвану, злой дух, пока я не провозглашу учение, пока не открою истину людям, пока не соберу монахов и монахинь, которые, слыша Закон и Истину, зная его, храня его, соблюдая и осуществляя его, разнесут его по всем сторонам света. Лишь после этого я уйду в Нирвану”.

Видя, что этим путем нельзя отворить распространение истины, нельзя потушить пожар, разрушающий его царство, злой Мара отошел в сторону и стал думать, как спасти свое царство. И опять подслушал он мысли Будды, когда тот в одиночестве размышлял о путях проповеди людям: “Отселе можно править людьми и царствовать над ними в справедливости, не убивая и не давая убивать, не притесняя и не давая притеснять, не страдая и не давая другим страдать”...

Подслушав эти мысли злой Мара поспешил к Будде и стал в тиши наговаривать ему:

“Да властвует благой, как царь над людьми, да правит благой людьми в справедливости, не убивая и не давая убивать, не притесняя и не давая притеснять, не страдая и не давая страдать”.

— С какой целью, злой дух, ты нашептываешь мне это?

— Если благой только захочет, чтобы горы Гималая стали золотыми, они станут золотыми.

— На что истине золото и серебро? Кто познал причину страдания, тот разве может предаться вожделениям? Кто знает, что

земное существование лишь цепь, связывающая с миром, тот предается лишь тому, что освобождает, а не тому, что связывает.

Тут Мара понял, что Будда узнал его, и опечаленный и удрученный удалился в свои пределы.

**
*

Познав истину Будда пошел в мир гласить ее. Прежде всего он пошел искать тех аскетов, с которыми вместе раньше искал истину. По дороге, собирая милостыню, в одной деревне встретил он монаха Упаку. Видя Будду Упака поразился и, идя с ним вместе, стал его спрашивать:

— Скажи: почему образ твой так совершенен, лицо твое так любовно, твой вид так полон мира и покоя? Какая вера дает такое блаженство и такой покой?

Будда, слыша этот вопрос, пояснил Упаке все, ничего не скрывая, рассказал ему о своих сомнениях, исканиях, борьбе, рассказал о своих размышлениях под деревом Боди, о четырех знаниях, постигнутых им, о просветлении, покое и Нирване.

Внимательно выслушал его Упака. Но, когда подошли они к перекрестку дорог, Упака сказал Будде:

— Достопочтенный Готамо, твой путь лежит вот в том направлении.

Сам же Упака повернул в противоположную сторону.

Когда Будда достиг Бенареса, в окрестностях которого, в диком парке Изипатама, пребывали пятеро аскетов, которых он искал, те издали увидели его и сказали друг другу:

— Смотрите, друзья, вот идет аскет Готамо, живущий в изобилии, оставивший искание и обратившийся к довольству. Мы не окажем ему знаков почтения, мы не встанем перед ним, не снимем его плаща, не примем чаши милостыни. Но мы предоставим ему место: если хочет, пусть садится среди нас.

Однако, по мере того, как Будда приближался, все труднее становилось аскетам исполнить свое решение. Один за другим, поднялись они со своих мест, пошли ему навстречу, один из них принял чашу, другой снял верхний плащ, третий поставил ему сидение, четвертый принес воду для ног, пятый поставил скамейку под ноги.

В сомнениях аскеты стали вопрошать его: "Прежними исканиями, умерщвлением плоти тебе не удалось, о Готамо, достичь

сверхчеловеческого совершенства, полного знания и священного созерцания. Как же теперь, когда ты живешь в изобилии и оставил искания, мог ты достичь своей цели?"

— Слушайте, монахи, — ответил Будда, — имеются два конца, которых равно должен избегать ищущий дух. Вы спросите: какие два конца? Один — это жизнь страстей, полная желаний и наслаждений: она низка, недостойна, противна духу, ничтожна. Другой — это жизнь самоистязаний, она полна мучений, недостойна, ничтожна. Избегая обоих этих концов, избрал я срединный путь, который открывает очи, озаряет дух и ведет к покою, познанию, просветлению и к Нирване.

— Слушайте, монахи, великую правду о страдании: Рождение — страдание, Старость — страдание, Болезнь — страдание, единение с нелюбимым — страдание, разлука с любимым — страдание, не достичь желаемого — страдание.

— Слушайте, монахи, великую правду о причине страдания: это жажда, которая от рождения ведет к новому рождению, жажда страстей, жажда бытия, жажда господства.

— Слушайте, монахи, великую правду о преодолении страдания: оно в преодолении этой жажды, уничтожая желание, освобождаясь от него, отчуждаясь от него, не оставляя ему никакого места.

— Слушайте, монахи, великую правду о пути преодоления страдания: это восьмисоставный путь, имя которому — правдивая вера, правдивая решимость, правдивое слово, правдивое дело, правдивая жизнь, правдивое стремление, правдивое размышление, правдивое самоуглубление.

— Так гласят четыре правды. Пока я их не постиг, закрыт был путь к высшему просветлению, к освобождению, к совершенству. Но когда эти четыре правды открылись мне в полной ясности и глубине, с тех пор я знаю, что в этом мире людей и богов, в мире Браммы и Мары, среди всех существ, среди аскетов и браминов, среди людей и богов, я достиг высшего просветления. И увидел я и познал: освобождение моего духа не может быть потеряно. Это мое последнее рождение. Отселе нет для меня дальнейших рождений.

— Слушайте, монахи, мои слова: тем, что я говорю их Вам, поворачивается великое Колесо Закона.

Так говорил Будда. И восхваляли аскеты речь его и стали его учениками. Таким образом во всем мире в это время стало шестеро святых.

С этого времени началась учительская деятельность Будды. Круглый год он, в сопровождении своих учеников, обходил, питаясь нищенством, разные области Индии. Только на время дождей он выбирал себе постоянное местопребывание. В своих речах развивал он учение о преодолении страдания, проповедуя правдивость, милосердие, прощение обид, стремление к добру для всех. Вот, например, в поучении Рагуле Будда указывает, как надо обсуждать свои поступки:

— Как ты думаешь, Рагула, на что годится зеркало?

— Чтобы созерцать себя, господин.

Вот именно так надо созерцать себя, созерцая себя прежде, чем совершен поступок, созерцая себя прежде, чем сказано слово, созерцая себя прежде, чем родилось помышление.

Когда является позыв к поступку, слову или мысли, надо посмотреть на это слово, на эту мысль. И если этот поступок, это слово, эта мысль влекут недоброе для тебя, влекут недоброе для другого, влекут недоброе для обоих, тогда нехорош этот поступок, нехорошо это слово, нехороша эта мысль: с ними рождается страдание, с ними растет страдание. И тогда не надо делать этот поступок, не надо произносить это слово, надо подавить эту мысль. И в ясный день и в темную ночь надо работать над собой, созерцая заранее свои поступки, свои слова, свои мысли.

Число слушателей и учеников Будды росло. Среди них были и простые люди, и богатые купцы, и вельможи, и цари: его проповедь была внесословная и внекастовая. Хотя сам Будда ушел из царского дворца, хотя он отверг искушение Мары “добрым царством”, но он в своих поучениях не избегал царей, и среди его почитателей сохранились имена царствующих лиц. Суровое христианское противопоставление “кесаревого” “божьему” чуждо идеологии буддизма. В одной из речей, являющейся чарующим соединением сказочных мифологических образов с возвышенным духом человечности и космополитизма, Будда рассказывает об идеальном царе “Поворачивателе Колеса”.

Однажды правил справедливый и добрый царь. И на небе все

время был виден знак: Небесное колесо с тысячью спиц. Под старость царь отказался от власти и передал правление сыну. И только тот взошел на престол, как Небесное Колесо исчезло. Тогда огорченный сын пошел к отцу спрашивать совета, как вернуть Колесо.

— Не огорчайся, не горюй, сын мой, — ответил ему отец. — Небесное Колесо не передается по наследству. Оно снова появится, если ты будешь править, как этого требует долг и закон, как подобает царю — Поворачивателю Колеса.

— Но в чем состоят обязанности царя — Поворачивателя Колеса? — спросил сын.

— Этот долг, дорогой сын мой, состоит в том, чтобы ты принял Закон Благочестия, почитая, уважая и преклоняясь перед ним, разглашая его, служа ему знаменем, служа ему вестником, приняв Закон Благочестия за своего повелителя, дал справедливую стражу, охрану и защиту своему народу, воинству, знатным, вассалам, браминам, домохозяевам, жителям городов и деревень, духовенству, животным и птицам. Да не будет злодеяний в твоём царстве. А кто в нем беден, да будет тому дано богатство.

“Да будет так”, — сказал его сын. И стал править по совету отца. И Небесное Колесо с тысячью спиц, с ободом и осью, со всеми частями появилось опять. И царь сказал: “Мне сказано было, что если такое колесо появляется, то царь становится Поворачивателем Колеса. Я хочу тоже стать повелителем мира”.

И вот, братья, царь поднялся со своего престола, сбросил плащ с одного плеча, и взял в левую руку чашу, а правой фуюкой брызнул на Небесное Колесо, говоря: “Катись вперед, Господин Колесо, катись вперед и овладей миром”.

И вот, братья, Небесное Колесо покатилося вперед на восток, а за ним шел царь, с ним его армия, кони, колесницы, слоны, пешие слуги. И где только Колесо ни останавливалось, там царь-победитель избирал свое местопребывание со всем своим воинством. И все цари-соперники востока приходили к царю и говорили: “Приходи, о великий царь, привет тебе, о великий Государь! Все твое, могущественный повелитель! Учи нас, владыка земли!”

И царь-вождь говорил им так:

— Не убивайте живого. Не берите того, что вам не дано. Не поступайте несправедливо для земных желаний. Не говорите ложного. Не пейте одуряющих напитков. Пользуйтесь своими владениями, как вы хотите.

И вот, монахи, все, кто был врагом на востоке, стали вассалами царя - Поворачивателя Колеса.

Точно так же покорил он и все другие страны света.

**
*

Этот яркий образ царя - Поворачивателя Колеса не должен заслонять действительности: предание сообщает, что царь, наиболее проникшийся учением Будды при его жизни, не только не покорил соседних народов, но дождался резкой оппозиции среди своих собственных подданных: буддийский царь "Поворачиватель Колеса" появился два с половиной века спустя, после смерти Будды. И Будда понимал и чувствовал трудности, которые связывали, спутывали всех имущих власть и богатство. Проповедуя всем — и царям, и вельможам, и купцам, и земледельцам, Будда уделял главное внимание и возлагал главные надежды на таких же, как он, братьев-монахов, ушедших из тесноты дома в простор бездомности. К ним направлены, главным образом, его речи ("слушайте, монахи" — так обычно начинаются его поучения). И множество текстов посвящено изображению существа жизни монахов и радости их бытия. Во многих своих поучениях Будда такими словами изображает размышления человека, вступающего на путь монашества:

"Мой дом — это тюрьма, грязный закоулок; пилигримство — просторное небо. А что, если я теперь с бритой головой и бородой уйду из дома в бездомность?" Затем он отказывается от малого или большого состояния, покидает малый или большой круг родных и с бритой головой и бородой, в блеклом одеянии уходит из дома в бездомность.

"Он стал пилигримом и принял обеты монашества. Умерщвление живого отбросил он: без палки, без меча, чуткий, полный сострадания, ко всему живому питает он любовь и жалость. Любострастие отбросил он и живет в чистоте: в даль уходит он, отказавшись от парности, закона повседневности. Ложь отбросил он, вдали держится он от лжи: он говорит правду, преданный правде, не лицемера, не льстя. Сплетни отбросил он — услышанное здесь не рассказывает там с целью внести раздор; он примиряет поссорившихся, укрепляет единение, согласие радует его, согласие дает ему счастье, слова, ведущие к согласию, произносит он. Грубые слова отбросил он: слова чуждые брани, благозвучные для слуха, любовные, сердеч-

ные, вежливые, радующие, бодрящие произносит он. Болтовню отбросил он: во благовремении говорит он, обдуманно, в согласии с учением и порядком, содержательны его речи, украшены притчами, ясны, определены, соответствуют предмету.

“Сеяние и сажание отбросил он: раз в день принимает пищу, ночью он свеж, воздерживаясь от еды не вовремя. От танцев, пений, игр и представлений держится он вдали. Он доволен одеянием, покрывающим его тело, нищенскою едою, которою он питается. Куда он ни направляется, идет он в своем плаще с чашей для подаяний. Подобно птице, которая летит во все стороны, имея на себе только свои перья, монах всегда доволен своим одеянием и нищенской пищей. Исполняя эти заветы добродетели, испытывает он счастье, ничем не омраченное”.

Образ монаха по древним буддийским текстам отнюдь не мрачный. Это не только лишения и ограничения, но и высшая безмятежность, спокойствие, радость и счастье. В песне о жизни монаха говорится:

Равнодушный к хвале и порицанию,
Как лев, не трепещущий ни перед каким звуком,
Как ветер, не уловимый ни в какие сети,
Как Лотос, к которому не пристанет никакая капля,
Вождь для других, ни за кем не идущий...

Дитя мира, несдержанный, не щадит чужой жизни,
Мудрый же оберегает жизнь всех существ.
Как павлин, пернатое животное с голубой шеей,
Не может равняться мощному полету лебедя,
Так дитя мира не может равняться нищему монаху,
Мудрому, созерцающему в тиши лесов.

Более того, имеются указания, что счастье и радость монашеской жизни не только в свободе и отсутствии страстей и желаний. В той же речи о жизни монаха, начало которой приведено выше, Будда, отвечая на вопрос царя, какая награда ожидает монаха в этой жизни, говорит о достижении сверхъестественных способностей носиться по воздуху, созерцать далекое прошлое, слышать голоса и звуки, “как близкие, так и далекие, как земные, так и небесные”.

В учении Будды поражает отсутствие того, что обычно считается основным понятием всякой религиозной системы. В ней нет понятия бога: упоминаются только “боги”, но они стоят ниже “просветленного” Будды, хотя тот просто человек, достигший напряжением воли познания. Точно так же нет идеи вечности души, нет загробного мира. Было бы неосторожно это умолчание отождествить с отрицанием. Но во всяком случае, Будда неоднократно подчеркнул свое нежелание заниматься этими потусторонними вопросами и уклонялся от ответа на них.

Однажды, когда Будда был в Саватти, в той же местности собралось много браминов, аскетов, странствующих монахов всяческих сект. Одни из них учили: “Мир вечен. Только это истина. Остальное — ложь и глупость”. Другие же утверждали: “Мир не вечен. Кто утверждает противное, тот глуп или лжец”. Одни говорили: “Мир конечен”. Другие возражали: “Мир бесконечен”, “душа и тело одно и то же”, “душа и тело различны”... В ссорах и брани велись эти споры. Ученики Будды, слыша вечную брань и раздоры, рассказали ему об этом.

Учитель выслушал и сказал: “Эти люди напоминают мне слепых и слона. Слушайте, монахи: однажды царь этой местности велел собрать всех слепых от рождения, привести к ним слона и дать каждому из них дотронуться до одной части слона. Один коснулся хобота, другой — спины, третий — клыка, хвоста, уха и т. д. И вот, когда слона увели, слепые стали спорить между собой. Тот, кто коснулся уха, утверждал, что слон похож на опахало; коснувшийся клыка находил сходство с сохой, коснувшийся головы говорил, что это горшок, коснувшийся ноги утверждал, что это столб. Так спорили они, горячились и бранились между собой. Спор этих слепых напоминает мне распри монахов и аскетов разных сект”.

Все ученики удовлетворялись этим объяснением. Один лишь Малунка в одиночестве продолжал размышлять об этих вопросах. Ему показалось несправедливым, что Будда оставлял своих учеников в незнании. Он пошел к учителю и стал просить дать положительный ответ: мир вечен или не вечен, конечен или бесконечен, живет ли совершенный после смерти или не живет, тело и душа одно и то же, или они различны.

— Почему ты хочешь ответов на эти вопросы? Разве из-за них ты отворотился от жизни, Малунка?

— Нет, учитель.

— Или, может быть, я обещал тебе ответить на них?

— Нет, учитель.

— Так слушай, Малунка. Один человек был ранен стрелой. Ядовитой стрелой был ранен этот человек. Его родные и друзья позвали к нему врача, чтобы вынул стрелу, промыл рану, облегчил боль и спас от смерти. Раненый же воспротивился. “Не дам вынуть стрелу, не дам промыть рану и унять боль, пока мне не скажут: кто ранил меня? Как его имя? Какого он роду и звания? Высок он или низок? Черны волосы его или светлы?... Прежде, чем дать себя лечить, я хочу знать, каков был лук, из которого пущена стрела, какова была его тетива, перьями какой птицы — коршуна, сокола или павлина — оторочена его стрела, жилами какого животного — буйвола, оленя или льва — прикреплен ее ядовитый наконечник?...” Неправда ли, Малунка, если раненый станет так спрашивать, он умрет раньше, чем получит ответ. Разве священное просветление возможно только, если “Мир вечен и бесконечен” или, наоборот, лишь в том случае, если “Мир не вечен и конечен”? Ведь и в том и в другом случае остается Рождение и Старость, Болезнь и Смерть, Горе и Боль, Отчаяние и Страдание. Их преодолеть я пришел. Поэтому примите объясненным то, что я объяснил, и оставьте необъясненным то, чего я не объяснил.

Несколько иначе и уже совсем по современному звучит ответ Будды на вопрос Кевадды: “Где кончаются четыре великие вещества: земля, вода, огонь и воздух?” Ни люди, ни боги до Браммы включительно не могли разрешить этот вопрос. Брама и тот лишь отослал Кевадду к Будде. Ответ последнего гласил: “Ты не получаешь ответа, потому что неправильно ставишь вопрос. Надо спрашивать не о том, где без остатка кончаются земля, вода, огонь и воздух, а о том, “В чем земля, вода, огонь и воздух и все, что имеет имя и форму, без остатка преодолено?” И на это гласит ответ: “Во всеосвещающем и безграничном познании преодолено все, что имеет имя и форму. Преодолением через познание преодолено то, о чем ты спрашиваешь”.

До 80-летнего возраста проповедывал Будда свое учение. Во время своего последнего странствия Будда, почувствовав близость кончины, лег в тени между двумя деревьями. Хотя это не было время цветения, но оба дерева покрылись цветами и осыпали ими тело Будды.

Видя, что монах Ананда плачет, Будда сказал ему: "Не плачь и не жалуйся, Ананда. Разве я вам не говорил заранее: со всем, что мы любим, и что ценно нам, вынуждены мы разлучиться. Разве можно, чтобы рожденное, сделавшееся, оформившееся и подлежащее разложению, не разложилось?"

Потом, обращаясь ко всем монахам, Будда спросил:

— Может-быть, монахи, кто-либо из вас имеет сомнения или неуверенность относительно Будды, относительно учения или общины, относительно пути, относительно упражнений? Спрашивайте, монахи, чтобы потом у вас не было сожаления: "лицом к лицу видел я учителя, но не спросил его, когда он был среди нас".

Но монахи молчали. И во второй, и в третий раз повторил Будда свой вопрос, но никто не отозвался.

Последними словами Будды было: "Воистину говорю вам, монахи: преходяще все, что имеет форму. Не ослабевайте в вашем искании".

Это было последнее слово Будды. И стал он погружаться в первое самоуглубление, потом во второе, третье и четвертое, из четвертого поднялся и вступил в Нирвану. И в этот момент погружения в Нирвану произошло страшное землетрясение, и раздался бой барабана богов.

Когда Будда погрузился в Нирвану, то те из монахов, которые не были еще свободны от страстей, стали простирать руки, плакать, дико бросаться на землю и корчиться на ней. "Слишком рано ушел Благий в Нирвану. Слишком рано закрылись его глаза в мире!" Но те монахи, которые были свободны от страстей, те бодрствуя и в сознании восприняли то, что случилось: "Преходяще все, что имеет форму... Разве может быть иначе?"

Приведенные выше отрывки являются ничтожной каплей в безграничном море буддийской древней литературы, непосредственно от-

носящейся к жизни и учению Будды. Кроме биографий, кроме огромных сборников больших, средних и малых речей Будды, кроме сборников правил монашеской жизни, до нас дошло необозримое количество преданий, легенд, рассказов, хроник. Нет момента в долгой жизни Будды, о котором не дошло бы сведений, нет вопроса, на который в этой чаще документов нельзя было бы найти нескольких текстов. Не даром сами буддисты число предписаний Будды исчисляют десятками тысяч (84.000).

Однако, это обилие сведений не должно нас обольщать. Во времена Будды (6-ой век до Р. Х.) письменности или вовсе не было, или она была в самых примитивных зачатках — первые памятники индийской письменности относятся к третьему веку до нашей эры. Значит, речи Будды повторялись изустно. При первоначальной малочисленности секты (грек Мегастен, в конце 4-го века долго живший в Индии, в своем описании страны ни словом не упоминает буддизма) нельзя себе представить, чтобы устное предание могло сохранить такой обильный материал. Поэтому не менее, чем в течение пяти веков учение Будды, повторяясь изустно, отчасти забывалось, отчасти дополнялось, во многом изменялось и искажалось. А за это время буддизм из секты превратился в господствующую в Индии религию, получил мощное распространение за ее пределами, потом подвергся преследованиям и сохранился лишь на периферии. Сколько разных впечатлений наслоилося и заслонило первоначальное предание, сколько раз новые точки зрения вдохновляли передатчиков и рассказчиков! Уже в приведенных текстах без труда даже самый поверхностный взгляд отличает наносное и легендарное от исторического или хоть вероятного или возможного: психологически правдивое повествование об исканиях Будды, о размышлениях, о первых беседах с учениками явно отличается от рассказов о царе змей, о Маре, духе злого. Высоко драматичное в необычайной простоте своей изображение кончины учителя явно разукрашено картиной цветущих не вовремя деревьев, рассказом о небесных звуках, о бое барабанов богов.

Но эти чисто внешние искажения и добавления сравнительно легко отличить. Гораздо труднее отличить легендарное по существу в биографии и учении Будды. Если высказанное мнение, что Будда вообще как историческая личность никогда не существовал, что это только персонификация солнечного мифа, в науке не пользуется кредитом, то даже такие основные данные о личности Будды, как

его происхождение из царской семьи и уход из дворца, серьезно оспариваются; и установление бесспорных данных о жизни Будды тем труднее, что буддизм знает не одного Будду, а 24, которые появлялись в прежние времена. Даже тот отрывок об уходе из дворца, который приведен выше, формально относится не к Будде, жившему в Индии, а к одному из его предшественников. Понятно, как трудно в этом множестве друг на друга надвигающихся образов уловить жизненные черты исторической личности. Поэтому можно сказать, что из биографии Будды совершенно достоверна лишь его смерть.

Еще труднее отличить подлинное от наносного в самом учении и мировоззрении. Подлинно и несомненно, так как без всяких противоречий проникает все тексты, все жизнеописания, соответствует всей истории и всему самосознанию буддизма — всечеловечность, признание всех людей принципиально равными. Уже основной образ предания — уход Готамо из царского дома и добровольное превращение в нищего — свидетельствует об этом уравнительном космополитизме буддизма: в человеке ценны только его разум и душа, которые у всех людей одинаковы; лишь на этом пути свобода, просветление и действительная сила; власть, богатство, высокое положение не дают преимущества, а скорее служат препятствием и помехой. В свете этого ухода и отказа от власти и богатства отпадают основания всех человеческих противоречий, распрей и конфликтов. Национальные, расовые или ограничительно-географические моменты чужды учению Будды: его проповедь всегда направлена ко всему человечеству, ко всем “четырем частям света”, и основанный им монашеский орден является первой во всемирной истории космополитической организацией.

Точно так же бесспорно, что целью исканий Готамо было найти преодоление страдания всего живущего: образ старости, болезни и смерти заставили его уйти из отчего дома; преодоление страдания — основная тема его поучений и проповедей, и этой теме подчинены все советы, наставления и правила поведения.

И еще одна сторона учения не вызывает сомнений: преодоление страдания дано на пути человеческого познания путем напряжения собственной воли и самоуглубления. Нет религиозной системы, в которой с такой последовательностью, упорством, и постоянством подчеркивались бы значение и сила человеческой воли и мысли: высшее мыслимое достижение, “просветление”, не дается свыше, а достигается индивидуальным и свободным напряжением чело-

веческой воли. Достигнув же этого просветления личность становится выше и совершеннее богов.

Будда не только нашел путь спасения людям, но, идя по нему, он достиг конечной цели, нашел избавление от страдания, стал "просветленным". Непосредственно этим решалась только проблема его жизни, его личности. Но, как нашедший путь, он мог указывать его другим, избавляя от необходимости исканий, остерегая от ложных путей. Однако, чтобы найти личное спасение, каждый должен проделать весь этот путь.

Но в чем заключается это просветление и это спасение? Куда, с какой целью зовет Будда уйти из тесноты дома в простор бездомности? Теперешняя догма отвечает: высшею целью является достижение Нирваны. Современный организационный принцип отвечает: путем к спасению является монашество. Но насколько прежнее монашество похоже на монашество наших дней? Каково было это первоначальное монашество, которое такими светлыми, восторженными красками изображает Будда, и которому он сулит такие значительные награды еще в этом мире? И далее, что такое эта великая безликая бесформенность, которой дано ныне имя Нирваны? Подлинно ли дошел до нас ее образ со времен Будды? Почему Будда сам остановился на ее пороге, когда получил просветление? Почему, если сущность спасения в порвании всех связей, он в искушении Мары, зовущего в Нирвану, понял зло и выше личного блаженства поставил исполнение долга перед всем человечеством: "Я не уйду в Нирвану, пока не открою истину людям"... Значит, самая крепкая, хотя и самая страшная связь человека с жизнью, долг перед людьми, осталась нетронутой, неповрванной? А главное, если считать, что понятие Нирваны понималось так же, как ныне, и играло ту же роль, как ныне, и во времена зарождения буддизма, то как объяснить, что, воодушевленный этими идеями ухода от жизни, этими идеями высшего бездействия, высшей безнадежности, буддизм мог вызвать такую действенность, такой энтузиазм, мог проявить такую экспансию, покорив себе весь восток? Не забудем: буддизм не знает понятия бога, ни загробной жизни, и, уводя от нынешней жизни, он не мог сулить потусторонних наград. Не следует ли допустить, что истинный смысл спасения, найденного Буддой, был иной, чем Нирвана в понимании современного буддизма?

Традиционно из-за понятия Нирваны, понимаемого к тому же очень примитивно и заслоняющего все остальное в буддизме, учение это считается мрачным и чуждым европейскому духу и мысли. Если

же мы с осторожностью и с обоснованным скептицизмом отнесемся к этому неотчетливому и бесформенному понятию, то весь буддизм встанет перед нами в ином свете, и под покровом явно наносного и легендарного мы найдем систему мировоззрения наиболее близкую, наиболее примиримую, а до известной степени поразительно совпадающую с фактическим современным мировоззрением. Не только наше недавнее прошлое и наше настоящее, но даже наше будущее видится в нем: недаром лучший переводчик речей Будды на немецкий язык сказал, что хотя речи эти прозвучали в 6 веке до нашей эры, но они подчас производят впечатление, как если бы были произнесены в 6 веке после Шопенгауэра! Уже общая концепция достижения совершенства и просветления не на пути благодати свыше, не на пути сверхъестественного откровения, а исключительно собственными усилиями и напряжением, на пути углубленного размышления, на пути свободного индивидуального искания и познания — дает образ наиболее адекватный современным путям искания правды на земле. Из четырех стадий самоуглубления Будды под деревом Боди три стадии без особой натяжки могут быть сопоставлены с основными направлениями современной науки. Сдержанная осторожность Будды в разрешении метафизических вопросов может быть рекомендована, как образец некоторым современным мыслителям. Его ответ на вопросы Кевадды методологически буквально совпадает с ответом современной космогонии. Как это ни парадоксально, но рассуждения Платона, размышления Сенеки, система Плотина и послания апостола Павла бесконечно более чужды и принципиально непримиримы с нашей эпохой, чем большая часть речей Готамо. Сближение буддизма с современным мировоззрением, взаимно обогащая одно и другое, дается очень часто просто, без насилия, само по себе, на пути исторической критики.

Асока

Историческая наука дает поразительное, совершенно неожиданное, а вместе с тем неопровержимое доказательство того, что древний буддизм резко отличался от буддизма современности: она дает нам возможность заглянуть в подлинность древнего буддизма и познакомиться с действительной психологией личности, которая после Будды оказала наибольшее влияние на судьбы самой древней

космополитической идеи человечества, а именно с деятельностью и помышлениями царя Индии Асоки.

Царя Асоку мы знаем по двум источникам. С одной стороны, он является одним из излюбленных героев буддийских легенд, подробно рассказывающих нам о царе Ямбудвипы (Индии) Асоке, который вероломными убийствами своих братьев достиг престола и вначале правил царством с исключительной жестокостью, так что получил прозвище “жестоккого Асоки”. Впоследствии же, под влиянием буддийских учителей, принял “Закон Благочестия” и стал ревностно служить ему, щедро жертвуя на монастыри, храмы, духовенство и заботясь об организации церкви. Ему легенды приписывают широкую строительную деятельность — постройку 84.000 “ступ”, т. е. буддийских религиозных сооружений. С его инициативой связывается созыв третьего “вселенского” буддийского собора в его столице Паталипутре. Легенды Китая, Цейлона и самой Индии с разными прикрасами говорят о различных эпизодах из его жизни и царствования, о вероломной жене Тиснараксите, о брате Зосиме, о сыне Кунале, об интригах царедворцев, о паломничестве по местам, связанным с воспоминаниями о Будде. Во всяком случае, из царей-последователей буддизма имя Асоки наиболее крепко осталось в памяти различных и чуждых друг другу народов.

Цейлонские исторические хроники дополняют эти сведения и сообщают, что царь Асока был сыном царя Биндусары и внуком великого Чандрагупты, основателя династии Маурия (“павлина”), который после смерти Александра Македонского сверг господство греков в Индии и основал огромную державу со столицей в Паталипутре. Однако, если о Чандрагупте сохранились довольно обширные сведения у греческих писателей, то об Асоке эти источники, точно так же, как исторические хроники самой Индии, совершенно умалчивают, что могло сделать сомнительным само существование его.

Но эти сомнения ныне рассеяны без остатка. Дело в том, что уже в течение многих веков внимание правителей Индии, а впоследствии европейских ученых привлекали надписи, в разных местах разными письменами высеченные на скалах и колоннах. Но в Индии давно уже никто не мог прочесть этих надписей и даже объяснить, кто, когда, какими письменами и на каком языке их начертал. Только в первой половине 19-го века англичанин Джэме Принсеп разгадал тайну этих письмен, расшифровал сперва несколько букв, потом все надписи и, прочтя фонетически, установил ключ логического понимания их: событие в науке истории и филологии, ко-

торое смело может быть поставлено в один ряд с расшифрованием египетских иероглифов Шамполионом или прочтение ассирийских клинообразных надписей Раулинсоном.

Но и прочтенные эти надписи на первых порах оказались еще более таинственными. Все они исходили от царя “Приадарзина” или “Пиадази” — имя, совершенно неизвестное историкам. А между тем их распространение в разных местах Индии — на севере, юге, западе и востоке — свидетельствовало, что этот царь властвовал над одной из величайших когда-либо существовавших мировых держав. Необычное содержание надписей свидетельствовало о моральном величии и духовном своеобразии царя. Словом — история оказалась перед лицом небывалой загадки. Но тут на помощь пришли опять цейлонские хроники, которые упоминают, что царь Асока иногда называл себя царем Пиадази. В последнее время найдена новая надпись, в которой упоминается имя Асоки, и это окончательно рассеяло все сомнения в тождестве царя Пиадази и Асоки.

Надписи эти уже внешне выделяют царя Асоку из всех древних властителей Индии. Его держава была, несомненно, одна из самых обширных: кроме всего полуострова (за исключением южной конечности его), в пределы царства Асоки входили все области до Гималаев и Гиндукуша, что по размерам превосходит современную британскую Индию. Постройки, связанные с надписями или именем царя Асоки, являются наиболее древними памятниками каменного зодчества в Индии: до этой эпохи в ней преобладали деревянные постройки — даже дворцы, даже городские стены строились из дерева, и царь Асока первый заменил для построек дерево камнем. Этим оправдывается характеристика Асоки в легендах, которые говорят о нем, как о великом строителе. Далее, его надписи являются наиболее древними памятниками индийской письменности: от эпох до него сохранились лишь примитивные начертания по несколько слов. Это свидетельствует, что царь Асока был ревнителем культуры и прокладывателем новых путей для нее. Все это рисует нам его, как незаурядную личность, духовно превосходящую как предшественников, так и преемников.

Но содержание надписей не только выделяет царя Асоку из владетелей Индии, но делает его одним из самых замечательных властителей всего мира и всех эпох. Всего до нас дошло около 35 различных текстов, подчас многократно повторенных, которые обычно в литературе об Асоке именуются “эдиктами”. Но это слово не передает правильно существа содержания. Ибо, это не только распоря-

жения и приказы царя, но вместе с тем повествования о его делах и помышлениях, как бы страницы мемуаров, исповеди, вычеканенные на скалах и колоннах.

Самым характерным является XIII эдикт из серии эдиктов на скалах, хотя по содержанию правильнее было бы назвать его не тринадцатым, а первым, читая эдикты с конца к началу. Этот эдикт высечен в разных местах Индии. Сохранилось и найдено семь надписей, включающих его. Он настолько замечателен и исторически связан с такими значительными событиями, что мы даем его почти целиком.

Истинная победа.

“Царь Деванамприя Приадарзин на девятом году от коронования покорил калингов.

“Сто пятьдесят тысяч человек было взято в плен. Во много раз большее число людей погибло.

“Со времени покорения калингов царь стал ревностным последователем Закона Благочестия (dhamma), посвятил себя этому закону и возгласил его заповеди.

“Царь ныне испытывает угрызения совести по поводу завоевания калингов, так как во время покорения до тех пор свободной страны неизбежно совершаются убийства, смерть и взятие в неволю людей, что наполняет царя чувством горести и раскаяния... В этой стране живут брамины и аскеты, люди различных сект и люди в миру, и все они соблюдают повиновение старшим, повиновение отцу и матери, повиновение наставникам, доброе отношение к друзьям, знакомым, товарищам, родственникам, рабам и слугам, сохраняя верность и преданность. И вот к такому народу пришло насилие, убийство и разлука с любимым. Даже тех, кто лично спасся, постигло горе: несчастье обрушилось на их друзей, знакомых, товарищей и родственников, и таким образом насилие совершено и над теми, кто лично остался невредим. Все это громадное горе составляет предмет раскаяния царя...

“Потеря даже сотой, даже тысячной части людей, убитых или взятых в плен, или преданных гибели в стране калингов, была бы предметом глубокого раскаяния царя.

“Хотя бы кто совершил ему обиду, царь считает, что это надо терпеливо переносить, пока возможно. Даже по отношению к лесным жителям в его владениях царь питает сострадание и хочет их обра-

щения, так как царь желает всему живущему безопасности, господства над страстями, покоя в мысли и радости.

“Царь полагает, что главная победа — победа Законом Благочестия. Это возглашено царем как в его собственных пределах, так и в соседних царствах на расстоянии 600 лиг во все стороны, даже там, где обитает греческий царь, по имени Антиох, и за владениями Антиоха, где обитают четыре царя, по имени Птоломей, Антигон, Магас и Александр, и на юге в царстве Хола, Пандиас и Цейлона, точно так же здесь, во всех владениях царя, чтобы все следовали закону Благочестия, как объявлено царем.

“И победа, таким образом где-либо достигнутая, победа, где-либо осуществленная, доставляет чувство радости...

“Сей благочестивый эдикт написан с целью свидетельствовать, чтобы мои сыновья и внуки, сколько бы их ни было, не думали, что их долг совершать завоевания; даже когда они будут втянуты в завоевание оружием, пусть найдут они удовлетворение в терпении и мягкости и пусть истинной победой считают победу Законом Благочестия, который имеет значение для этого мира и для будущего. Пусть их радостью будет стремиться к тому, что имеет значение для этого мира и для будущего”.

**
*

Несомненно, что во всей истории нам не найти аналогии этой надписи, где царь после победы во всеуслышание, перед лицом всех подданных и перед потомками, выражает сожаление и раскаяние в этом, и в распространении и служении идеям всечеловечества ищет действительных побед.

В других эдиктах царь Асока подробно рассказывает о своих взглядах, переживаниях и предприятиях в деле распространения Закона Благочестия. В этих эдиктах перед нами вырисовывается исключительная личность царя-гуманиста, терпимого по отношению ко всем религиям, — принципам религиозной свободы посвящен целый особый эдикт. Мы видим заботливого хозяина, который как отец заботится о своих подданных. Мы видим, как он приказывает сажать деревья, копать колодцы, чтобы была пища и питье “людям и животным”, и приказывает делать это не только в своей стране, но и за ее пределами. Мы видим, как он приказывает заботиться о лекарственных травах и растениях для “людей и животных” в своем

царстве и за его пределами. Видим искания соответственных организационных форм для обеспечения торжества в жизни его идеалам, для господства всюду покоя и радости. Мы видим, как он отменяет прежние кровавые жертвы и вместо них вводит в быт шествия и религиозные мирные празднества. И не только современникам, но и своим потомкам царь Асока завещает идти в этом направлении и стремиться к победам не оружием, а Законом Благочестия.

При оценке этих эдиктов прежде всего бросается в глаза несоответствие их духа тому, что мы теперь связываем с буддизмом. Тут нет следа ухода от жизни, тут нет ни слова о Нирване, как избавлении от страданий, тут нет пассивности и отрешения от жизни теперешнего монашества. Здесь наивная, но пламенная вера в человечество, здесь чрезвычайная действенность, выходящая за пределы и так уже необъятно-великого царства, здесь забота о жизни, о старых и сирых, стремление к радости не только людей, но и животных, забота о дорогах, о колодцах. Все элементы того, что мы теперь связываем с понятием культурного, правового и социального реформаторства на благо страны и всего человечества, в яркой форме выражены в этих эдиктах. Если таким был величайший буддистский царь в эпоху зарождения буддизма, если память народов сохранила его имя, как ревнителя буддизма, то надо думать, что это не противоречило, а соответствовало духу подлинного буддизма, каким он был в эпоху его зарождения. Древнейшие символы буддизма — ветвь дерева Боди и Колесо, — выражающие живую природу и человеческое творчество (колесо в то время было единственной машиной человека) подтверждают, что буддизм не был отрешением от жизни. Характерно, что легенды царя Асоку именуют знакомым нам эпитетом “Поворачивателя Колеса Закона”. Путь к пониманию настоящего буддизма, к пониманию, чем он приобрел победную силу, — лежит через эдикты царя Асоки.

Историки, говоря о царе Асоке, обычно прибавляют, что его добрые намерения не осуществились, и что в конечном счете он потерпел неудачу. Но слово “неудачник” менее всего соответствует историческому облику царя Асоки. Если иметь в виду, что его царство не было вечным и скоро распалось, а династия вымерла, то царство, например, Александра Македонского было еще эфемернее и скоротечнее: оно рушилось сразу после смерти великого завоевателя. Но там рушилось то, что составляло главную цель честолюбивого и гениального полководца. Здесь же Асока сам, и за себя и за потомков, *urbi et orbi* признал несущественность и эфемерность

внешнего владычества и ими дорожил только во имя возможности служить делу Благочестия и обретенной им Правде. Его достижения связаны с его вторым периодом царствования, с его "истинными" победами, с посылкой миссионеров. Но хроники Цейлона в один голос подтверждают, что буддизм на Цейлон занесен сыном и дочерью царя Асоки, посланными туда с целями проповеди. И одна из самых трогательных страниц мировой истории — картина, как дочь царя Асоки привезла на Цейлон ветвь священного дерева Боди, под которым Будда обрел конечное просветление и нашел спасение для себя и всех других. Факт посылки миссионеров в северные страны исторически является вполне доказанным совпадением имен миссионеров, указанных в цейлонских хрониках и найденных в древних, относящихся к эпохе царя Асоки, гробницах в Индии. 500 миллионов буддистов, до сих пор объединенных общим верованием, на необъятных просторах Азии, являются достаточным результатом этих миссий и притом соответствующим стремлениям царя Асоки. Так как с его именем связывается и несомненно к его эпохе относится экспансия буддизма в Индии и за ее пределами, то мы видим теперь, что если не им одним, то при его решающем участии был дан толчок, превративший одну из сект в первую универсальную религию человечества, с рождением которой явилась, как действенное практическое понятие, идея Человечества, как такового, стоящего выше народов, наций и государств. Тринадцатый эдикт царя Асоки свидетельствует о том, что это рождение не было случайным, что глубокое моральное потрясение человеческой души и искание путей правды лежит в основе этой идеи. Уже это одно дает нам право ставить царя Асоку на первое место среди всех царей мира: в нем для буддизма соединены в одной личности и апостол Павел и император Константин.

Конечно, в этом сближении имеется не только положительная, но и отрицательная оценка, как и в истории христианства апостол Павел и Константин тоже представляют не только положительные элементы. Очень возможно, что внешний блеск, внешнее могущество и богатство буддизма, приданное ему царем Асокой, пошло не только на пользу, но и во вред, привлекло к буддизму чуждые ему элементы, придало характер государственной организации, сближившей впоследствии, например, буддизм Тибета с католической организацией. Но это вопрос чрезвычайно глубокий и далекий. Он ставит перед нами ту проблему, которая выражена в искушении Будды

“добрым царством”. Будда не поддался на это искушение, и, получив просветление, он вернулся во дворец не для того, чтобы “справедливо”, “не обижая” и “не убивая” править, а лишь для того, чтобы вывести из него своего сына. Асока пытался соединить монашество с царской властью. Возможно, что блеск внешних результатов достигался за счет внутренней чистоты и стойкости. Но эти глубочайшие проблемы мы покамест вынуждены оставить в стороне. Во всяком случае, если в деятельности Асоки были ошибки, то эти ошибки с ним разделяли и Платон в Греции, и Марк-Аврелий в Риме; но они не достигли и малой части того положительного, чего достиг царь Асока. Это дает нам право признать его величайшим из властителей всех царств, времен и народов.

Но возможно, что его значение не исчерпывается влиянием на судьбы одного буддизма. До сих пор мы говорили о царе Асоке только в связи с распространением буддизма, с победным шествием “Закона Благочестия” в Азии. Но было бы странно и противоречило бы всем законам истории, чтобы могущественное духовное движение, так неотвратимо и победно шествующее на юг, на восток, на север, только в одном направлении, в направлении на запад, было бы совершенно бессильно. Сам царь Асока упоминает о посылке послов-миссионеров и на запад, и исторические имена греческих царей, которые приводятся в эдикте, свидетельствуют о точности и правдивости этих сведений. Но где следы его миссий? Неужели греки после Сократа и Платона оказались менее восприимчивыми для объединительных универсальных идей царя Асоки, чем варварские, дикие народы Азии? Разве не вероятнее думать, что влияние с востока просто слилось с местными, органически выросшими явлениями, и мы их только не видим, не различаем в массе однородных явлений?

В пользу такого предположения говорит многое. Вот, например, царь Асока упоминает о посылке послов к царю Македонии Антигону Гонату. Из истории известно, что царь этот был покровителем философов и другом основателей стоической школы — Зенона, Хризиппа и Клеанта, впервые в греческой философии возгласивших, как положительное начало, принципы космополитизма. Но эти принципы до того были совершенно чужды греческой мысли. Ни Сократ, ни Платон, ни Аристотель не только не высказывали их, но весь образ их мысли стоит в резком противоречии с этим началом. Поэтому уже древние писатели указывали, что принцип космополи-

тизма был заимствован у варваров. Если так, то разве трудно допустить, что этими "варварами" были как раз те, у которых идея универсализма уже три века тому назад была возглашена и уже начинала победное шествие во все четыре стороны света? Разве не напрашивается допущение, что среди этих "варваров" были и послы благочестивого царя Асоки? Во всяком случае с этого времени в греческой философии не исчезают элементы известного сродства или заимствования с востока. Учение неоплатоников о мистическом самоуглублении для созерцания бога является как бы искаженным, далеким эхом размышлений Готамо под священным деревом Боди.

Далее, как раз около того времени, когда Асока рассылал своих послов, в Египте, в Александрии и в Палестине, главным образом в Галилее, появились странные монашеские секты, носящие название "терапевтов" и "ессеев". О них с уважением подробно пишут и Иосиф Флавий и Филон, подчеркивая, однако, их чужеродность. Анализ сведений об этих сектах показывает, что это было как бы смешение местного израильского благочестия и религиозных воззрений с правилами буддийского монашества. Между тем ессеи, несомненно, были тем окружением, которое исторически объясняет появление проповеди Иисуса. Правда, об ессеях нет ни слова в евангелиях. Но зато в прекрасном и загадочно-таинственном сказании о виффлеемской звезде и трех мудрецах-волхвах с востока, которые первые принесли весть о пришедшем спасении человечества, до нас как бы доносится смутный, далекий отзвук посольств царя Асоки... Организационные принципы монашества, чуждые как греческой, так и израильской жизни, с тех пор не исчезают в странах Средиземного моря и впоследствии вырастают в крупнейшую социальную и духовную силу западной культуры... При свете этих разительных фактов, конечно, было бы неосторожно отрицательно решить вопрос о влиянии буддизма на западные страны, а значит на всю современную европейскую цивилизацию, тем более, что следы этого влияния мы находим, как раз в непосредственной близости ко всем важнейшим духовным источникам современной европейской культуры.

**
*

Конечно, не следует думать, что все это поистине **В е л и к о е П е р е с е л е н и е** идей из Индии является следствием толчка

одного человека, царя Асоки, или двух: Будды и Асоки. Несомненно, что здесь мы видим только конечную стадию многовекового развития идей и их органического роста. Многие элементы этого развития запечатлены и сохранились в древних священных книгах Индии, в учениях браминов; многое остается неизвестным, быть может, навсегда. Но ясно, что почва для новых идей была подготовлена, соответствующие мысли и чувства уже носились в воздухе, и каждому слову был обеспечен гулкий резонанс в умах и сердцах людей. Готамо и Асока замечательны не только как отдельные личности, но также как представители древней культуры Индии, как конечный, высший результат духовной работы многих столетий, а может быть, и тысячелетий.

Заветы античного мира

Греция

Переходя от Индии к Греции, мы из мира чуждого, незнакомо-го, с непривычными идеями и образами, с впервые услышанными именами, переходим в область истории, нам с раннего детства наиболее знакомую, к именам, фактам и событиям духовно близким, почти что родным. Герои гомеровского эпоса для нас ярче и ближе, чем герои наших родных эпосов. История Греции знакома лучше, чем события отечественной истории. Все развитие этой изумительной культуры, от примитивного родового быта, изображенного у Гомера, до космополитической державы Александра Македонского, со всей сопутствующей эволюцией идей, известны нам во всех существенных чертах. И оценка как отдельных стадий, так и всей судьбы древней Греции не представляет труда: несомненно, из всех известных исторических эпох она наиболее гармоничная, красивая и счастливая.

Уже внешняя политическая история во всех главных событиях дает поистине эпические картины, перед светом которых меркнут события из истории других народов. Наиболее драматичной в истории Греции была несомненно эпоха персидских войн. Грандиозная воинственная азиатская монархия, опирающаяся на неисчислимые ресурсы громадных подчиненных областей, обрушилась со всей своей мощью на небольшие обособленные греческие республики. Эта борьба греков за независимость составляет наиболее славную из всех оборонительных войн мировой истории. Имена Мильтиада, Леонида, Фемистокла стали нарицательными для характеристики мужества, искусства и воодушевления. Если имеются

справедливые войны, — то это оборонительная война Греции против Персии. Если в войне когда-либо торжествует правда, — то она торжествовала у Марафона, Саламина и Платей.

Но не только оборонительные войны Греции дают необычайную картину торжества духа над грубой силой. Политическая история Греции кончается эпохой завоевательных, наступательных войн, апогеем которых являются походы Александра Македонского. Конечно, здесь историческая оценка не может быть так ясна и бесспорна. Для Греции эти великие завоевания были до известной степени концом ее политического существования: походы Александра Великого начались разгромом восставших греческих государств, разрушением Фив, продажей в рабство всех свободных жителей этого города; закончились же эти походы тем, что ученик Аристотеля перенял обычаи азиатских деспотов и заставлял гордых и свободолюбивых греков выполнять перед ним весь церемониал восточного двора, до падения ниц включительно: порабощение Греции, которого не могли достигнуть ни Дарий, ни Ксеркс, было достигнуто путем победных войн, ведшихся от имени греков. Но если для самой Греции эпопея войн Александра окончилась явным политическим упадком, то все же с точки зрения мировой истории походы Александра составляют незабываемые по необычайной яркости годы. Почти еще юношей достигнув престола, он, отправившись с горсточкой войск в поход на Азию, в течение 11 лет покорил Малую Азию, Сирию, Египет, всю переднюю Азию и всю северную Индию. За это время он одерживает одну блестящую победу за другой: битва у Граника, у Иссы, у Гавгамел, поход в Индию, сражение у Гидаспа не имеют себе равных в истории войн. Для оценки этих походов не забудем, что в течение одиннадцати лет были покорены области, на завоевание половины которых Рим впоследствии потратил свыше 300 лет. Поход в Индию составлял мечту многих римских императоров, но так и остался неосуществленным. Притом Александр Македонский не только завоевывал и разрушал. За время своих походов он заложил основы десяткам городов, из которых Александрия до сих пор остается одним из мировых центров торговли и культуры. Правда, на другой год после смерти Александра его великая держава распалась на ряд отдельных сатрапий, и все его походы оказались лишь, как бы подготовкой для последующего господства Рима. Но в памяти всех народов имя Александра осталось, как завоевателя, в победах которого был минимум внешней силы и максимум духа и

искусства. Как оборонительная, так и завоевательная война Эллады не имеет себе равных в мировой истории.

Но блестящие внешние события не составляют главного в истории Греции: как оборонительная, так и наступательная войны велись ими не добровольно, а против желания, были так или иначе им навязаны. Настоящая история Греции не внешняя, а внутренняя: не на полях битв, а в области духа развивается она. И тут во всех областях мы видим достижение таких высот, которые до сих пор не только не превзойдены, но подчас даже не достигнуты. Религия греков — самая богатая мифами, и образы небожителей Олимпа незабываемо яркие, отчетливы, определены, близки и понятны. Но греческие боги не требовательны, не навязчивы; с развитием мысли и знания они скромно, без шума, без боя стали удаляться, превращаясь из конкретной жизненной реальности в символы, в идеи, в абстрактные силы философских систем, в великое “ничто и все” пантеизма. Искусство греков от грубых примитивных изображений достигло пределов, не переступленных и даже не достигнутых за последующие два тысячелетия после Эллады. Их архитектура создала самые гармоничные и вечные стили. Их литература создала образцы, которым подражают до сих пор все народы.

Не меньше значение греков в области истории права. На протяжении многих веков Греция состояла из целого ряда независимых государств-городов. Каждый город был по идее абсолютно независимым, или, говоря нашим юридическим языком, обладал полным суверенитетом. Однако, это не мешало всем грекам мыслить себя духовно едиными, противопоставляя всему остальному миру “варваров”. Но в этом объединении было меньше всего насилия и более всего свободы: даже во время политического преобладания одного из государств — Афин, Спарты или Фив — говорилось о “гегемонии”, о “предводительстве”, но не о господстве. Но и эта гегемония переносилась неохотно и рассматривалась лишь как временное зло. Жизненная же сила связи греческих государств была в области духа, в единстве верований, в единстве учреждений культа (Дельфы), в единстве мысли, в единстве празднеств и игр. Лавровый венок, полученный гражданином города на олимпийских играх, значил в глазах греков значительно больше, чем победа над соседним городом в бою. Идея свободной федерации государств была осуществлена Элладой, как жизненная, реальная, много веков суще-

ствовавшая историческая сила. Эта идея до сих пор может служить идеалом в поисках форм международных отношений.

Точно так же право, определяющее внутренние отношения в каждом отдельном городе-государстве, при всей пестроте и разнообразии, носит общие черты, которыми право греков выделяется из права всех других древних народов. Греки первые ясно отграничили право от религии, от культа. Они первые поняли значение права, как человеческого учреждения, изменчивого, гибкого, приспособляемого к интересам людей. Идея светского, человеческого права, идея закона, идея законодательной власти и соответствующих органов ее — почти что в современном понимании — явилась впервые в Греции. Но, освободившись от стесняющих религиозных и метафизических пут, право греков по идее никогда не освобождалось от контроля морали. Их законодатели — почти всегда лучшие, избранные люди. Имена Солона и Дикурга дошли до нас, окруженные ореолом мудрости, справедливости и добродетели. Идея права, как средства достичь справедливого устройства на земле, — была создана впервые в Греции. И нельзя не подивиться их упорной изобретательности в этой области: уже внутреннее устройство их маленьких государств, их конституционная история дает нам калейдоскоп чуть ли не всех мыслимых форм правления. Классификация этих форм и их сравнительная характеристика у Платона и Аристотеля сохраняют поучительность и злободневность до наших дней.

***

Греки рано поняли, что право является лишь средством к достижению правильного государственного устройства и справедливого взаимоотношения между людьми. Но какое устройство будет правильным? Какое взаимоотношение является справедливым? Где мерило, где средство оценки, где основной принцип правильных законов?

Вначале этот вопрос не смущал уравновешенной мысли и гармоничных душ греков. Практическое решение находилось инстинктивно в реальном соотношении социальных сил каждой городской общины. Солон был поэт, мудрец и законодатель, воплощая собой эту синтетическую монолитность духа древней Эллады. И только с развитием и углублением философской мысли проблема соотношения

между государством и справедливостью приобрела драматическую остроту и для греков.

События истории греческой мысли знакомы нам не менее, чем события политической истории. Имена Сократа, Платона, Аристотеля и Диогена, Зенона и Эпикура нам знакомы более, чем имена наиболее выдающихся философов нового времени, и каждое имя связано для нас с ярким личным образом и служит воплощением одного из основных направлений человеческой мысли. Если еще можно спорить о значении того или иного из греческих философов, то по отношению к греческой философии в целом можно только удивиться творческой силе сравнительно немногочисленного народа. Уже внешне греческая философия оказалась наиболее устойчивым и влиятельным элементом эллинской культуры: после того, как пала греческая государственность, греческая философия создала направления чрезвычайной яркости и действительности, составившие духовный остов всего тогдашнего языческого мира, дала духовное содержание наиболее одухотворенным римским правителям, просуществовав таким образом еще почти целое тысячелетие после гибели греческой политической свободы. Этой внешней мощи греческой мысли соответствует ее внутренняя сила. Не как представители исторически создавшегося культа, не как жрецы, не как пророки, вещающие богом внушенное слово, не как особо "просветленные", не как представители государства или народа, а как отдельные личности, опирающиеся исключительно на человеческий разум и логику, являются перед нами греческие мыслители. Их основная вера в том, что законы мира и законы человеческого разума тождественны. В этой вере во все постигающую силу человеческого разума источник влияния и очарования греческой философии.

Сперва греческие мыслители касались, главным образом, вопросов теоретических: вопросов мироздания, строения материи, существа всех вещей. Много наивностей было высказано при этом, и весь чисто спекулятивный метод недостаточно обоснованных обобщений, без достаточного запаса наблюдений, без понимания значения опытного метода, нам представляется давно изжитым. Нам ныне, быть может, более по духу мудрая сдержанность Готамо, чем нетерпеливость греческих философов при решении вопросов о "конце всех концов", или о "начале всех начал". Но мы не должны забывать, что по сравнению с прежними учениями о мире принципиальная вера греков в то, что человеческий разум может все понять

и объяснить, и что законы мысли человеческой тождественны с законами, управляющими небесными светилами и всеми явлениями мертвой и живой природы, — была колоссальным шагом вперед. А, кроме того, если вдуматься в результаты размышлений греческих философов, то разве не поразит современного читателя то, что почти в каждом из них мы находим зерно истины, приближающее к тому, что мы знаем о природе теперь? В утверждениях, что основным принципом всего сущего является вода, или воздух, или огонь, мы должны видеть первую попытку понять и обобщить законы, господствующие над всей природой. В соединении этих учений и в утверждении, что мир состоит из четырех элементов: воды, воздуха, земли и огня, мы видим уже следы рациональной систематики явлений природы. В учении пифагорейцев о том, что в основе всего лежит число, мы подходим к современному математическому пониманию законов природы. В учении о вечно движущихся атомах, из которых состоит весь мир, мы встречаем разительное предвосхищение современного понимания мироздания. В учении Эмпедокла мы находим прообраз дарвинизма. И не только смутные предчувствия истины оставила нам греческая мысль. Наука географии создана ими. Система Птолемея господствовала до Коперника, геометрия Эвклида изучается до сих пор.

**
*

В сущности, с первого момента зарождения греческой философии были все условия для **к о н ф л и к т а** с существовавшими представлениями, во всяком случае, с традициями культа и верования в богов, так как место богам в рационалистическом мировоззрении было весьма проблематично. Но свободолюбивые греки не обращали внимания на эти ереси, и, пока мысль философов витала в облаках общих принципов и небесных сфер, конфликт мысли с жизнью не был замечен.

Но вот **С о к р а т** первый свел философов с неба на землю. Вопросы мироздания его мало занимали. То, что Ксенофонт вкладывает в его уста — в смысле объяснения всего мира, мертвой и живой природы, не идет далее неглубокой, традиционной телеологии, согласно которой боги всю природу создали целесообразно, чтобы она служила человеку. Он наивно предостерегает своих слушателей перед увлечением геометрией и астрономией. Он плоско высмеивает замечательное учение Анаксагора о том, что солнце — раска-

ленный, пламенный камень. Чисто городской житель, сам признававшийся, что не выходит за стены города, так как вид полей и деревьев ничему не учит, целые дни проводивший на площадях шумных Афин, он основной принцип греческой философии — “все подчинено законам познания” — применил к тому, что его занимало, к отношениям между людьми. Возгласив, что “добродетель в познании”, он стал критической мыслью освещать все, что определяло отношения между людьми в окружающем мире. Задача оказалась трудной, почти неосуществимой. Сократ мог лишь со всей резкостью ставить вопрос, но не мог дать положительного ответа. “Я знаю, что я ничего не знаю” — это было излюбленным его изречением, и его он сделал основой своей замечательной речи на суде. Поэтому он не уходит от греческих богов и покорно приносит им установленные жертвы. Он не восстает против афинского государства и послушно выполняет все законные веления властей. Он снисходительно относится ко всем окружающим его нравам, как ни претят они нашему моральному чувству. Он с одинаковой готовностью дает практические разумные советы и другу, как выйти из затруднительного материального положения, и мастеру, как лучше изготовлять оружие, и юноше, как следует изучать военное искусство, и гетере, как приобрести верных друзей. В его учении об отношениях между людьми мы почти не находим новых элементов, кроме ярко выраженного бытового демократизма, уважения к человеку, как таковому, уважения ко всякому, даже к физическому труду. Даже по отношению к рабству Сократом не было сказано ничего нового. А на вопрос, нужно ли делать добро только друзьям или также и врагам, сам Сократ, повидимому, не имел точного ответа.

Как на современников, так и на последующие поколения произвело впечатление не столько учение Сократа, сколько его личность. Высшее очарование его заключалось в полном слиянии его убеждений с его жизнью, до самой смерти. Жизнь Сократа мудрее, чем его дошедшие до нас слова. Некрасивый по наружности, скромный в потребностях, чрезвычайно умеренный в пользовании жизненными радостями, он отчасти напоминает нам монаха. Но в его добровольной бедности, в его самоотречении, в его дырявом плаще, который он носил и летом и зимой, в его убогой пище не было ни тени насилия над собой, не было трагического разрыва с жизнью, не было ни намека на аскетизм, на страдание. Глядя на массу выставленных на продажу вещей он радостно говорил: “Как много существует вещей,

в которых я не нуждаюсь". В его скромной бессребренности — он никогда ни от кого не принимал даров, хотя имел богатейших друзей — нет ухода от жизни, а лишь забота о полной независимости. Он не бросает семью, он воспитывает детей, он терпеливо переносит нападки своей сварливой жены Ксантиппы и на вопрос одного из друзей, следует ли жениться или нет, с добродушным юмором отвечает: "Как ни поступишь, все равно будешь раскаиваться". Он не бежит от людей, не чуждается пиршеств; он уже в зрелом возрасте учится играть на лютне, он признает пользу танцев. Он не против радостей жизни, но он лишь против всего, что может хоть несколько ограничить его свободу или стеснить независимость его духа.

По образу жизни он был самый бедный, убогий из всех афинян. "Последний раб сбежал бы, попав в такие условия жизни", — говорили о Сократе его враги — софисты. Его мудрость заключалась лишь в знании своего незнания. Но вместе с тем все афиняне знали, что Сократ самый свободный, самый независимый из них. А дельфийский оракул сказал, что он также самый мудрый из всех. Если то, что Сократ говорил и чему учил, не выходило из рамок традиционных верований, взглядов и убеждений, то весь образ его личности и его жизни говорил иное. Его внешняя покорность и законопослушность не могли обмануть никого. Если выводов еще не было, то во всем методе его рассуждений было восстание, ниспровержение, революция. Сократ не шел против традиционных богов, но он почитал их постольку, поскольку это было совместимо с голосом его внутренней совести, его "демониума", прислушиваясь к которому Сократ часто подолгу оставался погруженный в неподвижную задумчивость. Он не шел против законов, но он уже заявлял, что своей совести он будет повиноваться более, чем афинянам. Сократ не восставал против государства, но он уже ушел от него, ибо понял, что все государственные деятели не понимают своих задач, и он, Сократ, поняв это непонимание и незнание, тем самым стал мудрее их всех. Он не только сам лично не идет служить государству, отказываясь говорить с трибуны, на публичных собраниях, но он уводит и юношество, приучая своих слушателей к принципиально критическому отношению к государству. Государство, вместо послушных граждан, принадлежащих ему душой, умом и телом, увидело перед собой личности, внешне еще послушные, но духовно совсем независимые, автономные, исполняющие требования государства, лишь поскольку это отвечает началам добра, справедливости и человечно-

сти. Принципы преодолевающего государство космополитизма и преобразовывающего общество всечеловеческого равенства, хотя о них Сократ не сказал ни слова, заключены в его образе.

Эти черты Сократа заворожили его почитателей, создали ему бессмертие и делают его духовно наиболее современной фигурой во всей греческой истории. Но эти черты привели к суду, осуждению и смерти Сократа. И римлянин Катон был прав, когда говорил, что это был самый справедливый из приговоров: принципы всех революций и переворотов заложены в образе Сократа... Но когда мы теперь сопоставляем борющиеся стороны: благодушного, ко всему дружелюбного Сократа с афинским государством, мечущимся между разными формами правления, мы видим поразительное неравенство их сил. Афинское государство духовно явно развалилось. А в образе Сократа мы видим скрытыми все силы дальнейшего развития греческой мысли, господствовавшей над миром еще целых тысячу лет.

**
*

Смерть Сократа была воспринята и врагами и друзьями с возможным спокойствием, со всегдашней эллинской мерой и сдержанностью. Только один из учеников счел нужным бежать. Остальные остались в Афинах, не скрывая своих симпатий к учителю, и никто их не трогал, и они никого не трогали. Но вместе с тем эта смерть была духовной смертью греческого государства: размышляющая личность и греческое государство разошлись навсегда. Греческие философы с Платоном во главе, со спокойной ясностью оставив судилище Сократа, ушли навсегда из государственных учреждений и стали искать себе самостоятельный путь для осуществления идеала справедливости, вне условий исторической греческой государственности.

Правда, в Платоне, этом олицетворении нравственной красоты, силы мысли, меры и гармонии греческого мира, мы видим еще попытки построить мост между мыслью и государством. Не ограничиваясь отрицательными выводами Сократа, уводящими личность от реального государства, Платон, как прямое продолжение дела Сократа, пытается дать образ идеального государства, в котором мыслящая личность могла бы не только найти применение своим силам, но и осуществление своих идеалов. И вместо реального, исторически сложившегося и идее справедливо-

сти несоответствующего государства, Платон, в своей "Республике", одной из поразительнейших книг мировой литературы, дает образ справедливого государства.

По существу идеал Платона представляет собой наивную смесь философского радикализма с аристократической реакционностью. Подчиняя государство и все его учреждения высшему моральному принципу, логически постигаемой справедливости, Платон не останавливается перед требованием общности имущества, уничтожения семьи, принадлежности детей не родителям, а государству, равноправия женщин, приспособления всех личных сил и способностей целям общего и подчинения стоящим во главе государства философам-мудрецам, не связанным в своей деятельности никакими правилами, никакими законами, а руководящимися познанием и созерцанием идеи блага. Наряду с этими чертами крайнего радикализма, мы в государстве Платона узнаем идеализованные черты древней Спарты: это маленькая городская община, построенная на кастовом принципе строгого разделения по профессиям, где высшим сословием являются воины-стражи, проводящие все время в занятиях музыкой и гимнастикой, и духовные качества которых должны соответствовать качествам сторожевого пса: быть ласковым со своими и злым по отношению к чужим. Все другие сословия отрешены от участия в государственных и общественных делах, а люди, занимающиеся физическим трудом, считаются настолько низко стоящими, что рекомендуется избегать с ними общения.

Конечно, идеал Платона, как он изложен в "Республике", стоит не только ниже самой реакционной современной программы, но он значительно уступает даже действительному, реальному афинскому государству времен Платона. В этом отношении книга Платона навсегда останется уроком и поучением для реформаторов всех стран и народов, как трудно на основе одной мысли нарисовать идеальный государственный и общественный строй. Но как ни курьезны мечты и идеалы Платона по существу, все же нельзя не признать совершенно необычайной принципиальной важности хода мысли и метода "Республики" Платона. То, что в учении Сократа было лишь в зародыше, в философии Платона выражено полными словами. В общественной жизни выше всего поставлен нравственный идеал, который личность познает самостоятельно, при помощи своего разума, при помощи размышления. Не откровение, не традиция, не народная воля, не заветы прошлого, не действующие законы подчи-

няют себе личность. Наоборот, личность со своими идеалами подчиняет себе, как средство, как орудие для достижения своих целей, все учреждения: и государство, и законы, и семью, и имущественные отношения. "Республика" Платона не только родоначальница всех "утопий", но это также первая попытка рационализации государства и общественного строя, это первая радикальная политическая программа, родоначальница всех последующих политических и социальных программ от древности до нашего времени.

Сам Платон отнюдь не смотрел на свои идеи, как на голую, оторванную от жизни теорию. Видя, что в Афинах нет условий для осуществления идеального государства, он три раза совершил путешествие в Сицилию, к сиракузским тиранам, надеясь, что там "достаточно было бы убедить только одного, чтобы все благие надежды были счастливо осуществлены". После троекратной неудачи он опять берется за перо и пишет "Законы", новую, уже менее радикальную, программу идеального государства. Но и этой программе не суждено было осуществиться. Через пропасть, образовавшуюся между мыслью и государством, перекинуть мост Платону не удалось.

**
*

Как бы иллюстрируя бессилие и платоновского идеала и греческой государственности, история Греции дает поучительный эпизод попытки осуществить идеал справедливости на земле со стороны государства. Как известно, в основе идеала "Республики" Платона лежала идеализация строя древней Спарты. Между тем, в самой Спарте порядки уже давно значительно изменились. В результате целого ряда успешных войн в Спарту в массе нахлынуло золото и другие богатства. Старые законы Ликурга были забыты, богатства, добытые победами народа, сосредоточились в руках немногих, а масса населения, отвыкшая от труда, потеряла свои земли или находилась в кабальной зависимости неоплатных должников. И вот в III веке до нашей эры молодой, полный благими намерениями спартанский царь Агис, озабоченный восстановлением прежней спартанской доблести, решил провести глубокие социальные преобразования в виде уничтожения долговых обязательств и нового распределения земли народу. Для того, чтобы дать пример, царь Агис пожертвовал значительную часть своего личного состояния, и его

примеру последовали его родственники и друзья. Но даже соединенных сил царя и народа оказалось недостаточным для того, чтобы сломить сопротивление спартанской олигархии. Агис был свергнут, заточен в тюрьму и убит. Его преемник, царь Клисфен, пытавшийся довершить дело Агиса, кончил свои дни в изгнании... Греческие государства были способны на "реальную" политику мелких взаимных раздоров, на беспредметную борьбу партий. Но значительные социальные преобразования были им уже не по плечу.

**
*

Путь сближения и примирения личности и государства был длиннее и сложнее, чем можно было предполагать. И будущее принадлежало не попыткам на расчищенном Сократом месте создать положительное содержание, а, наоборот, направлениям, разрабатывающим отрицательное, негативное в учении Сократа, углубляющим пропасть, разделяющую личность от государства и его учреждений. Школа циников, во главе с Диогеном, всяческими способами, вплоть до самых неэстетичных, подчеркивала пренебрежение и насмешку ко всем человеческим учреждениям и верованиям. Безразличие к государству, олицетворенное просьбой Диогена к Александру Македонскому не заслонять солнца. Пренебрежение к семье во имя безразличия и свободы. Пренебрежение к имуществу, доводя простоту и нетребовательность Сократа до примитива в виде бочки Диогена. Безразличие к человеческому неравенству в виде насмешки Диогена, который, когда его продавали в рабство, спрашивал всех: "Кто хочет купить себе хозяина?". Тут уход от государства был полный, без всяких попыток возврата к нему и даже без всякой попытки создать на смену ему новое человеческое общежитие.

Но, может быть, еще полнее и законченнее уход человека от государства в замечательном образе одного из величайших мыслителей всех времен Эпикура. В резкой, нервной, парадоксальной и, можно сказать, рекламно-крикливой критике циников чувствуется лишь что-то переходное, разрушение, за которым еще должно следовать созидание. В Эпикуре же дышит спокойствие полного завершения. Слабого здоровья, страдаемый разными болезнями, часто не имеющий сил ходить, Эпикур был убежден, что люди рождены для счастья, и учил о том, как надо быть счастливым в жизни. Не как сделать счастливыми других, всех, не как осчастливить госу-

дарство или человечество, а как тотчас, непосредственно, несмотря на все испытания и условия жизни, сделаться самому счастливым и дать совет другим, как им тоже немедленно стать счастливыми. Его советы в краткой форме сводятся к четырем положениям, составляющим своего рода евангелие Эпикура:

1. Боги не страшны, потому что боги далеко и высоко и не вмешиваются в людские дела.

2. Не бойся смерти, ибо прихода ее мы не чувствуем.

3. Того, что составляет благо, легко достичь.

4. Зло легко перенести.

И это не была теория. Даже на смертном ложе, терзаемый болезнями, Эпикур, как свидетельствуют его письма, и лично был полон всепоглощающим счастьем и сеял чувство радости среди своих учеников и друзей.

Но если счастье, ненарушимое и невозмутимое и никакими силами неразрушимое, было доступно путем личного усилия, то какой смысл имела государственная деятельность? И Эпикур, ушедший в тень своего сада в окрестностях Афин, учил, что жизнь рядового незаметного гражданина полезнее, чем жизнь озабоченного судьбою государства и общества политического деятеля. Крикливый, шумливый демагогический патриотизм афинян казался ему недостойным человека. Но Эпикур не борется с ним, а просто уводит людей в тень своих гостеприимных садов. "Пройди жизнь в тени" — учит он своих последователей. Чрезвычайная, неумирающая сила обаяния заключена в образе этого мудреца. Его учение можно рассматривать, как противоположный полюс, как равную силу идеологии аскетизма. Поэтому его так не любили все религиозные энтузиасты, все общественники и государственники; поэтому его, как величайшего еретика, преследовала христианская церковь; оттого враги, не довольствуясь физическим уничтожением книг Эпикура, с таким старанием искажали его учение, что до сих пор со словом эпикуреизм связываются представления чуждые и даже противоположные мудрому учению самого счастливого из философов. Открытие подлинного "сада Эпикура" — одно из значительнейших, хотя духовно еще не вполне использованных достижений современной истории философии.

Если школы циников и Эпикура завершили негативную сторону учения Сократа, довели до предела увод граждан от государства, то положительное новое понимание соотношений между людьми со-

здада исторически примыкающая к циникам школа с т о и к о в, с Зеноном, Клеантом и Хризиппом во главе. Две противоположные идеи являются определяющими для этой школы. С одной стороны, стоики явились крайними индивидуалистами. Для них проблема отношения к государству была окончательно преодолена. Они не ищут дороги к нему, не пытаются перебросить мост к нему и все свое внимание направляют на познание личного, индивидуального пути человека в жизни, на личные добродетели, ища в разуме и совести критерия тому, что правильно и справедливо.

С другой стороны, не порывая окончательно с традиционными верованиями, они в него вносят новый смысл, объясняя и истолковывая мифы и предания и всю языческую теологию в смысле резко выраженного пантеизма, где Бог является не только создателем всего, но сливается с созданной им природой, как движущая, всегда и всюду присутствующая сила. Известный гимн Зевсу Клеанта, один из наиболее древних и достоверных текстов, дошедших до нас от старых стоиков, дает поэтическое выражение этому новому воззрению.

Противоположностью этих двух крайних идей, атомистического индивидуализма и космического пантеизма, определяются две отчетливо различаемые струи в этических воззрениях стоиков. Суровая требовательность к себе и к другим, неумолимость, бесстрастность, доходящая до бесчувственности, доктринерская узость и негнущийся рационализм — вот комплекс стоических правил жизни, соответствующий идеологии от всего отказавшегося, от всего ушедшего, ничем, кроме своей рационалистической этики, с жизнью и миром не связанного мудреца. Ему противопоставляется, а вместе с ним органически сливается другой образ: мудреца, чувствующего во всем и всюду незримое присутствие божественного создателя и носителя всего сущего, всепроникающего, всенаправляющего разума мира. Дыхание этого вездесущего божества создает уверенность, радость, покой. Строгость и бесстрастность сменяются детской радостной уверенностью. Требовательность сменяется любовью ко всему миру, благожелательством, добротой, мягкостью, всепрощением ко всем людям, созданным единым божеством. Идея, которая впоследствии в завершающей форме была выражена Эпиктетом: по богу все люди братья.

Между двумя полюсами философии стоиков: личностью, с ее разумом, и всепроникающим божеством, с его отеческой благодатью, бледнеют, исчезают все промежуточные явления и противоположно-

сти: свобода и рабство, греки и варвары, сограждане и иностранцы. Стоики были первыми греками, почувствовавшими себя гражданами всего мира, и, начиная с Зенона, ярко выраженный, безоговорочный космополитизм является одним из основных и характерных устоев всей философии стоицизма.

Этой идеей стоицизм органически завершал все развитие греческой моральной философии. Вместе с тем, этим он положил основу мировоззрению, органически соответствовавшему реальным потребностям жизни, соответствовавшему универсальному распространению эллинской культуры того времени, открывая путь эллинизму ко всем народам и всем народам к эллинизму. Именно благодаря этой идее стоицизм, как живая и творческая духовная сила, на много веков пережил греческое государство. И замечательно: стоицизм явился формой, в которой впоследствии философия и государство опять неоднократно пытались сблизиться и органически слиться.

Но это уже совершилось в рамках не греческой, а римской государственности. Главу же, посвященную греческой истории, приходится закрыть. К сожалению, ибо это бесспорно наиболее светлая глава мировой истории.

Рим

Греческая история создала федерацию небольших государств-городов, и греческие мыслители периода до стоиков провозгласили это идеалом политического устройства. Политический универсализм Греции был навязан Александром Македонским, и лишь впоследствии стоики идейно оправдали его. В противоположность этому, Рим не довольствовался никакими пределами, всегда был полон экспансии, жажды распространения, расширения. И вся его история состоит из непосредственно одно за другим следующих завоеваний и покорений. Рим не разбирал поводов войны: всякое другое государство уже самим фактом своего существования казалось Риму обидой и вызовом. "Карфаген должен быть разрушен" уже просто потому, что он существовал. И так разрушались сперва одна родственная городская община за другой, потом одна область Италии за другой: Сицилия, Карфаген, Испания, Галлия, Македония, Греция, Лидия, Сирия, Иудея, Египет, пока Рим фактически не вообрал в себя все страны вокруг Средиземного моря, весь тогдашний культурный мир,

с придатком Галлии до Рейна, Британских островов, областей при Дунае и побережье Черного моря.

Такой громады царств и народов, объединенных длительно под одной властью, древний мир никогда не знал и не видел. Царства Вавилона, Ассирии, Персии, Александра Македонского значительно уступали по размерам этому колоссу, практически для того времени осуществившему космополитизм.

Это внешнее величие и могущество Рима до сих пор влечет мысль и воображение. До сих пор человечество вспоминает эту великую организацию, вмещающую в себе, в сущности, все народы, до сих пор блеск ее ослепляет нас, до сих пор римская история кажется нам осуществлением силы, удачи и победы. И, зачарованные внешним блеском владычества Рима, мы склонны одухотворять эти успехи, приписывать их силе римского духа, а в истории Рима склонны до сих пор искать поучений, указаний и образцов для подражания. С предельной силой и краткой выразительностью сформулировано это во вступительных словах труда Иеринга "Дух римского права": "Три раза Рим дал миру законы, три раза объединил народы воедино: первый раз, когда римский народ был в цвете силы, — единством государства, второй раз, когда он уже погиб, — единством церкви, третий раз в средние века после рецепции римского права, — единством права; первый раз — при помощи внешнего принуждения силой оружия, в обоих же последних случаях силой духа"...

Вслушиваясь в эти слова мы подавлены и зачарованы, и "сила римского духа" нам кажется бесспорным историческим фактом. Но если вдуматься даже в приведенные выше слова, то мы сразу заметим, что о Риме в двух случаях из трех говорится здесь не как об историческом, а как о географическом понятии, что сила духа Рима проявилась лишь тогда, когда исторического Рима уже не существовало. Однако, стоит только встать на путь сомнений и вопросов, стоит только, отрешившись от внешних результатов, трезво взглянуть на историческую действительность Рима, как вопрос о силе его духа предстанет в совершенно ином свете.

Говоря о Греции мы упомянули, что, несмотря на необычайную удачливость и блеск греческих войн, не в этих успехах на полях сражений, а в области духа совершались важнейшие события греческой истории. "Познать существо вещей приятнее, чем покорить всю Персию", говорил Демокрит. О Риме этого сказать нельзя. Во всех

о б л а с т я х д у х а он поражает крайним убожеством и беспомощностью. Его культ почти целиком заимствован у греков, и ни одной новой религиозной идеи, ни одного образа не создано Римом за все время его существования. Его литература, его поэзия является подражанием греческим образцам. Несмотря на широкое строительство Рим не создал ни одного нового архитектурного стиля, ни одной архитектурной существенной детали. Его ваяние можно рассматривать, как упадок греческого искусства. Его философия заключалась в повторении и упрощении мыслей греческих философов, и ни одного нового направления в истории мысли мы не сможем связать с именем Рима. Даже создав колоссальную державу и нуждаясь в духовном объединении ее Рим мог только повторять и развивать космополитические идеи стоиков, ничем в сущности не обогатив их содержания. Строя гигантские сооружения, водопроводы и амфитеатры, проводя во всех направлениях дороги, сооружая боевые тараны, баллисты и катапульты, римляне все технические способы заимствовали у греков, не добавив от себя ничего; они убили Архимеда, но ни единого нового положения механики они не добавили к его богатому наследию. Во всех этих областях Рим количественно творил много, но он почти ничего не выдумал, не изобрел, не нашел.

Обычно считается, что римляне были гениальны в области военного искусства, что их изобретательность проявилась в создании и управлении армией и в способах ведения войны. Легион — это главное творение римского духа. С этим трудно спорить, ибо результаты, в виде покорения всего мира, говорят красноречиво об этом. Однако, нельзя не отметить, что за всю историю Рима мы не находим ни одной победы, вроде победы греков над персами у Марафона, у Платей, или вроде побед Александра Великого в Азии, или даже вроде побед еврейских zelотов над римскими же легионами. Великие военные таланты почти всегда в лагере противников Рима: не только Пирр, Ганнибал или Антиох Великий, но даже Югурта и Митридат несомненно талантливее римских полководцев. Из римских военачальников только Цезарь подлинно может быть назван военным гением, хотя и ему приходилось воевать только с варварами Галлии или с римскими же генералами во время гражданской войны. И мы видим, что Риму за все время его истории наносятся одно поражение за другим: его войска разбивают галлы, и первая несомненная дата римской истории — взятие галлами Рима в 396 году до нашей эры. Потом он терпит ряд поражений со сторо-

ны самнитов, его войска разбивают греки, ему наносят кровавые поражения карфагеняне, как на море, так и на суше, как в Африке, так и в самой Италии, его войска разбивают нумидийцы, его полководцы терпят поражения и от диких тевтонов и кимвров, и от шаек Спартака, его легионы погибают в Германии. Даже во время величайшей мощи Рима такой маленький народ, как иудеи, притом раздираемые внутренними распрями, ухитряется наносить Риму тяжкие поражения и оказывает потом длительное сопротивление. Риму понадобилось два века, чтобы объединить окрестности Рима между морем и горами; маленький городок Вей Рим вынужден осаждать в течение десяти лет; ему понадобилось свыше ста лет, чтобы одолеть Карфаген, с которым один на один справлялись сиракузские тираны. Войска Рима вступили в Азию в 191 году, и борьба в Азии за расширение владений Рима велась до времени Траяна, т. е. в течение 300 лет. И за это время Рим сумел завоевать лишь малую часть того, что Александр Македонский завоевал в течение десяти лет.

Правда, в конечном счете Рим, после всех неудач, после всех поражений и испытаний, все же всегда и неизменно торжествовал над противником. О его стойкость, упорство и внутреннюю организованность разбились и дикость варваров, и богатства Карфагена, и гениальные замыслы Пирра и Ганнибала. Но все же дело не столько в силе Рима, а скорее в слабости или отсутствии противника. Равных по силе противников Рим имел только на заре своей истории: в латинянах, самнитах и этрусках. В дальнейшем же он всегда пользовался раздорами противников: самнитов с греческими колониями, этрусков с галлами северной Италии, Карфагена с Сиракузами, Македонии с греческими республиками. Начиная с третьего века Рим, в сущности, уже не имел равных противников. На юге, на западе и на севере были или оторванные от метрополий и безнадежно ослабленные колонии финикийцев и греков, или же варварские племена, только в борьбе с Римом, в порядке спешной импровизации, начинавшие образовывать государства. На востоке же Рим встречал только развалины царства Александра Македонского, подготовившего торжество Рима и, что еще более важно, почти неизменно благожелательное отношение руководящей духовной силы того времени — Э л л а д ы. Вечно воюя со всем миром Рим, в сущности, ни разу не воевал с Грецией, если не считать небольшого эпизода столкновения с эгейским союзом. Более того, все самые большие войны Рим вел не столько во имя своих, сколько во имя греческих интересов. Мор-

ская торговая держава Карфагена почти ни в чем не затрагивала сухопутной, земледельческой державы Рима, но зато она, в течение многих веков была опаснейшим врагом греческих мореплавателей, торговцев и колонизаторов Средиземного побережья. И все другие войны почти всегда возникали из-за греческих распрей. Рим так часто воевал во имя греческих интересов, что не удивительно, что за это греки почти всегда стараются содействовать Риму. Они помогали ему в борьбе с самнитами. Без помощи греков первая Пуническая война едва ли кончилась бы в пользу Рима. Несмотря на то, что эти войны уже показали, что судьба союзников Рима немногим лучше судьбы его врагов, греки были на стороне Рима во время первой и второй Македонских войн и во время борьбы с Антиохом и сохраняли терпеливый нейтралитет во время всех перипетий римских междоусобиц. Греческое царство Пергама и эллинизированный Египет добровольно отдались под власть Рима, и греческие города Малой Азии и Александрия были оплотом римского владычества на востоке. Греки дают Риму принципы местного самоуправления и стоическую идею космополитизма, духовно подготавливая почву и для господства Рима и ломая сопротивление местных сил. Историки — как греческие, так и римские — оставили нам яркое описание того, как Рим, разгромив Македонию, провозгласил независимость Греции. Но нигде нет указаний, чтобы эта свобода была формально отнята или стеснена более, чем во времена гегемонии одного из греческих государств. И это не было только тенью независимости. Рим всегда испытывал трепетное уважение к Греции. Безумнейший император Нерон не боялся сжечь Рим, в котором повелевал, но, путешествуя по Греции, он не решился показаться в Афинах, боясь, что свободолюбивые греки его там освищут. Самый одухотворенный из римских императоров, Адриан, известный своей любовью к постройкам, оставил много великолепных построек в Риме, но самые дорогие сооружения возводил в Афинах. Греция существовала до Рима; греческая восточная империя на тысячу лет пережила латинский Рим. Даже в историографии самого Рима самое старое дошедшее до нас сочинение — по-гречески написанная история грека Полибия, с энтузиазмом приветствовавшего начало великой объединительной державы Рима; по существу последнее историческое сочинение, давшее, наряду с изложением фактов, объяснение гибели Рима — история грека Аммиана Марцеллина. Римляне сами даже своей собственной истории не могли осмыслить ни в момент ее вос-

хождения, ни в годы ее упадка... При свете этих фактов получается впечатление, что вся римская история была лишь мрачным эпизодом в истории эллинской культуры, и что эллинский мир сознательно или бессознательно предоставил воинственному Риму совершить то объединение народов, которое эллинские мыслители признали необходимым для человечества. И то, что все войны, несмотря на все ошибки и неудачи Рима, кончались его победой, — в этом заслуга, может быть, не столько римских легионов, сколько эллинской объединительной культуры.

**
*

Традиционно считается, что Рим проявил свою гениальность в области права. Не даром юристы всех стран до сих пор считают своим долгом изучать институты и пандекты. И, несомненно, распространение римского господства было не только связано, но, повидимому, отчасти и обусловлено распространением римского права. Свободное от теократических и религиозных элементов, свободное от каких-либо национальных традиций, чисто человеческое, утилитарное, индивидуалистическое, гибкое, оно для большинства покоренных народов несло значительный и явный прогресс. Но было ли оно римским правом? То, что в комплексе правовых норм Рима было приспособлено для всех народов, сами римляне называли не римским правом, а правом народов, *ius gentium*, совсем не претендуя на авторское право на него. Более того, если вчитаться в римские источники о римском праве, то мы найдем, что сами римляне с простодушной откровенностью указывают, откуда они заимствуют свои правовые начала. Основание первой общины, из которой вырос Рим, легенды приписывают грекам — Энею и его спутникам, приплывшим к берегам Италии и соединившимся с аборигенами. Первый царь, который занялся вопросами культа и права, был Нума-Помпилий, который, согласно римским взглядам, находился под сильным влиянием греческих мыслителей. Перед составлением первого свода законов — 12 таблиц — специальная комиссия отправилась в Грецию изучать тамошнее законодательство, и грек Гермодор принимал живое участие в составлении этих таблиц. Реформа Гракхов была, повидимому, вдохновлена реформой спартанских царей Агиса и Клисфена. Римские *quaestiones perpetuae*, составляющие основу позднейшего уголовного законодательства, очень

напоминают формы афинского народного суда. Реформы Антонинов производятся под непосредственным воздействием греческих гуманизирующих влияний. И, наконец, свод римских законов, *Corpus iuris Civilis*, составлен в то время, когда Рим уже не существовал, в греческой половине римской империи, по приказанию императора, славянина по происхождению, и юристами — греками; и не забудем: без этого греками составленного памятника мы не имели бы ни малейшего понятия о “римском” праве, так как тексты римских законов до нас почти совсем не дошли. Если ко всему этому добавить, что концепция светского, изменчивого, приспособляемого к целям людей права создала Эллада до Рима, что в греческом праве мы находим все элементы римского права и многие начала, до которых Рим никогда не возвысился (например, начала представительства), — то на долю Рима остается одно: практическое осуществление эллинских космополитических тенденций и распространение единой системы права на все народы.

Конечно, было бы великой заслугой Рима, если бы эта задача им подлинно была осуществлена. Но история показывает, что Рим лишь начал, но не закончил этой задачи. Обеспечить торжество единого права Рим не мог уже просто потому, что он сам потонул в чистейшем беспорядке: умея воевать, Рим был совершенно неспособен мирно управлять.

При рассмотрении истории римского законодательства, наряду с указанным выше постоянным заимствованием у греков, бросается в глаза еще другая черта: Рим не знает великих законодателей. Римское право не только а-религиозно (“*de religione in legibus paucis sunt*”), — говорил уже Цицерон), но оно почти анти-религиозно и а-морально. Рим не только не имеет Моисея, который вещал бы Богом данное слово, но даже Солон и Ликург, как светские законодатели, овеянные ореолом мудрости и нравственного величия, не явились в его истории. Его законодатели — или безличные имена, или люди довольно сомнительной репутации, вроде децемвиров, которые свою деятельность по насаждению права кончили грубым беспорядком и преступлениями. Самый крупный законодатель Рима, Сулла, был кровавым тираном, изобретшим систему проскрипций. Из реформаторов чисты имена лишь Гракхов, но они погибли, не внося в жизнь Рима ничего, кроме начала долго не прекращавшейся гражданской войны.

Скептицизм по отношению к римскому вкладу в творчество

права не исчезает, если взглянуть на его отдельные отрасли. Ч а с т н о е право Рима долгое время было проникнуто двумя ограничивающими моментами. В пределах громадных автономных семей царил почти ничем не стесняемый и не ограниченный произвол домовладык; многочисленные рабы были вне права, они рассматривались не как люди, а как вещи, и этот суровый, жестокий принцип с чрезвычайной логической элегантностью и бесчеловечной последовательностью проводится через всю систему права. Лишь впоследствии, под явным влиянием Греции, смягчается суровое квинитское семейное право, и вносятся некоторые робкие ограничения в право рабовладельца. До конца дней своих римское частное право сохранило крайний индивидуализм и формализм, ограждая себя от доступа чужеродных моральных влияний или идей социального служения. Единство права и нравственности — идея, чуждая Риму. В области у г о л о в н о г о права мы видим, что законы регулировали лишь небольшой круг явлений: конфликты между домовладыками в самом Риме. Все же остальное: и громадные провинции, управляемые по усмотрению военных начальников, и рабы, и домочадцы, и даже сами римляне в Риме при уликe с личным судились не в порядке, установленном законом, а по усмотрению военного начальника, домовладыки, хозяина раба или магистрата. Поэтому во всем уголовном законодательстве мы видим лишь жалкие обрывки ничем между собой не связанных отдельных законов, или же разбор дел в порядке гражданского судопроизводства. Идея административного права, несмотря на колоссальную потребность в нем громадного государства, до Диоклетиана почти не существуют вовсе, и все провинции управлялись или военачальниками, или в порядке импровизации; только города имели развитое самоуправление; но это было греческое, а не римское право.

Еще беспомощнее римское творчество в области государственного права. Римская светская концепция права имела смысл и значение только при условии правильно и надежно функционирующего законодательного аппарата. По идее законодателем был весь народ. Но даже и в то время, когда народ еще можно было технически собрать, эта идея осложнялась тремя видами народных собраний, без строго разграниченной компетенции между ними. Кроме того, во время войны — а Рим воевал постоянно — граждане отсутствовали, и законодательный аппарат совсем не функционировал. Поэтому народные собрания являли картину полной случайно-

сти, и Цицерон рассказывает, что подчас пять граждан признавались народным собранием и принимали важнейшие законы. Вскоре же, с ростом римского гражданства, народное собрание фактически стало невозможностью, фикцией. Но другой организации законодательная власть не получила, и в дальнейшем она осуществлялась уже только в порядке незаконной узурпации отдельными военачальниками, Марием, Суллой, Помпеем, Цезарем, и впоследствии императорами. Какой-либо регулировки правилами или законами она уже никогда не имела.

Но более всего беспомощность римлян в области права проявилась в организации исполнительной власти. Для мирного времени, для борьбы со злоупотреблениями, еще во времена республики Рим не мог придумать ничего иного, как своеобразное нагромождение друг на друга взаимно контролирующих властей: консул был ограничен вторым консулом, а оба вместе были под постоянным стеснительным контролем трибунов. Так как в минуты опасности такая власть явно не годилась, то этот принцип дополнялся действительно оригинальным, своеобразным, лишь воинственному Риму известным принципом военной диктатуры, сперва по назначению Сената или народа, а впоследствии осуществляемым в порядке насильственного захвата. Но этот принцип по существу даже едва ли может быть назван правовым институтом, так как состоял в частичной приостановке или в фактической отмене права. Неудивительно поэтому, что диктатура вскоре выродилась или вернее привела к необходимому результату: люди, способные быть диктаторами, перестали ожидать, пока над Римом стрясется беда, и пока их в законном порядке назначат диктатором, а стали сами, при помощи войска, назначать себя таковыми. Но и выкристаллизовавшись в виде императорской власти, этот принцип не получил даже подобия правового института. До Диоклетиана римские императоры правили громадной империей при помощи военных сатрапов, самовластие которых ограничивалось лишь остатками прежнего греческого самоуправления. И опять новое и своеобразное явление: чувствуя свое бессилие справиться с многообразием потребностей различных народов, императоры стали править вдвоем, присоединяя к себе еще полдюжины "цезарей", без всякой руководящей идеи в разграничении компетенции и без координации деятельности, пока, наконец, раздел империи на две части окончательно засвидетельствовал правовое бессилие Рима. И еще более поразительный факт:

когда в течение веков Римом правили императоры, даже вопрос о преемственности не был разрешен и координирован, и после смерти почти каждого императора вопрос о преемнике решался в порядке спешной и чаще всего кровавой импровизации. При такой беспомощности законодательного аппарата, при такой неотчетливости организации высшей власти, неудивительно, что римская историческая действительность полна чистейшего бесправия. Всякая попытка реформ сопровождается или гражданской войной (как попытки реформы Гракхов) или узурпацией (Сулла). Мало того, что власти в Риме нельзя было достичь иначе, как через военную карьеру — это воинственному, на принципе войны построенному Риму так и подобает. Но вскоре создалось положение, что власти в Риме нельзя достичь иначе, как грубым насилием. Война из пределов и границ империи словно возвращается в Рим. Замирив весь мир, Рим не мог замирить себя. Сулла явился в Рим во главе легионов, как победитель: проскрипции, насилия и открытый грабеж римских граждан были по отношению к Риму не менее жестоки, чем расправы в чужих покоренных городах. И это было не случайностью, но системой, примером и образцом для других властителей в момент прихода к власти. Наконец, с установлением императорской власти этот принцип получает небывалое выражение. Из 70 императоров, властвовавших в Риме, не менее 50 были убиты, чаще всего своими же солдатами, по приказу своих будущих заместителей или соперников. И почти каждый раз римский сенат санкционировал убийство еще недавно “божественного” императора и признавал убийцу новым “божественным” императором. Такого принципиального, все проникающего, неприкрытого, беспросветного, веками продолжающегося бесправия, как в Риме, не знает история ни одного народа. Голая сила доминирует над моралью, доминирует над религией: императоры, как известно, требовали себе божественных почестей, их статуи воздвигались в храмах. При частых переменах практические римляне меняли уже только головы статуй, оставляя прежние туловища.

Величие и падение Рима составляло неоднократно на протяжении многих веков тему для размышлений философов и историков, начиная от блаженного Августина и кончая Ферреро: как причина его падения чаще всего указывается приход варваров и распространение христианства. Но зачем искать внешних причин, когда они таятся в самом существе Рима? Созданный войной, воз-

высившийся войной, Рим погиб от войны, обращенной внутрь. Достаточно пересчитать, сколько раз римские легионы с бою брали Рим, сколько лучших граждан погибло от междоусобиц, сколько семей было истреблено, сколько правителей было убито, сколько правителей Рима достигло власти через убийство и кровь предшественников, — чтобы гибель Рима стала сама собой понятна, а загадочным стало не то, что Рим погиб, а то, что он так долго мог существовать. Поистине: “Поднявший меч от меча погибает”. И даже не от чужого, а от собственного меча.

**
*

Теперь величие Рима ослепляет нас. Но не так об этом величии судили сами римляне. И если поставить вопрос, как жили и чувствовали себя люди в течение первого века империи, от Августа до Траяна, когда Рим достиг максимального расширения, и за ответом обратиться к римским источникам, то мы придем к убеждению, что в эпоху величайшего внешнего могущества Рим являл картину глубочайшей массовой не удовлетворенности и даже бедственности.

Одним из самых многочисленных классов Рима были рабы. И вся эта масса людей как была, так и осталась совершенно бесправной. Принципиально считалось, что это не люди, а вещи; даже в эпоху Антонинов законы, ограничивавшие права собственника по отношению к рабу, были не многим более стеснительны, чем ныне законы, охраняющие животных. О бесправии рабов может свидетельствовать закон, что, в случае убийства домохозяина, все рабы, живущие в его доме — а знатные дома содержали сотни рабов — были умерщвляемы. И это не было просто буквой закона: известно, что при Нероне, когда был убит префект Педаний Секундус, все 400 рабов были умерщвлены, несмотря на живой протест римского общества.

Между тем, в руках этих бесправных людей находилось все, что наиболее радует в жизни: находился почти весь труд. Рабы возделывали землю, виноградники и поля; рабы строили здания, рабы сооружали дороги, рабы занимались мастерствами, вся техника искусства и ремесел находилась в их руках. Свободный человек, не имевший собственного имущества, не мог найти работу,

ибо не мог конкурировать с рабом; свободный не мог найти применения своим силам и вынужден был в качестве бездельного пролетария питаться подачками, бесплатно раздаваемым хлебом и мясом. Историки находят, что Рим в значительной степени потому и погиб, что в нем не было возможности свободного труда. Рабы принудительно работали, свободные принудительно бездействовали. Что лучше — могли бы рассказать только сами римляне.

Значительная категория неимущих свободных поступала в армию и составляла легионы. Армии фактически принадлежала вся власть в Риме. Но только в минуты восстания. В годы же между восстаниями служба была тяжелая. Надежды на улучшение малые. Обещания легче было давать, чем их исполнять. Да и исполненные обещания сводились к выдачам денег, которые быстро прожигались, или к раздаче конфискованных у политических противников участков земли, которые при отсутствии навыка к труду и невозможности конкурировать с громадными рабовладельческими поместьями, скоро продавались за долги. Армия была только путем к дебошам, к насилию, к распутству, но над ней не витает уже величие прежнего Рима. Это уже не народ, а наемники, ландскнехты, ненасытная орава жадных людей, истинная профессия которых — нажива путем грабежа, бунта и измены, для которых из всех походов самым заманчивым был поход на Рим.

Не в лучшем положении были высшие классы. Если в прежнее время Рим мог гордиться своими патрициями, если во времена республики сенат производил на иностранцев впечатление собрания царей, то император Тиберий, уходя из заседания сената и раздраженный его раболепием, воскликнул: "О люди, вы рождены быть рабами". От царей до рабов пали сенаторы гордого Рима в результате победы над всем миром! Но мы не должны быть слишком строги к ним. Если вспомним, что за политический радикализм еще при республике люди платили жизнью, если вспомним, сколько жертв принес оппозиционный дух во время гражданских войн и проскрипций, если вспомним число жертв императорского режима, мы не должны удивляться этому. Анналы Тацита и Светония, описавших первых императоров, — это сплошной перечень убийств среди знати, и каждая страница — это уничтоженная знатная семья, так что сам историк, пораженный однообразием своих кровавых описаний, восклицает: "Столько рабской покорности и столь-

ко крови, пролитой во время мира, утомляют душу и ввергают ее в печаль", и толкует это, как проявление гнева богов.

Но если подданные были неправы, порабощены и запуганы, то, может быть, наверху, у тех кто имел всю полноту власти, было то, что можно назвать если не счастьем, то хоть удовлетворенностью? Однако, из императоров первого века только добродушно-ограниченный циник Веспасиан, повидимому, не был несчастен. Уже Август, несмотря на долгое и блестящее царствование, всегда был полон тревоги и забот, и семейные горести отравляли годы его могущества: и дочь и внучку за разврат он должен был выслать из Рима. Одареннейший император Траян погибает в формально победных, но по существу уже начавших серию поражений Рима походах. Остальные же императоры, от Тиберия до Домициана, были жалкими, несчастными людьми. Они не только жалко погибали, как Нерон, не находивший в себе сил покончить с собой и убитый вольноотпущенником, или как Домициан, который, окруженный верными войсками, погибает от удара кинжалом и, уже смертельно раненный, пытается полуотрезанными пальцами вырвать глаза своему убийце... Их жизнь подчас страшнее их смерти. Мы видим, что даже не худший из них, Тиберий, унаследовавший власть от Августа, чувствовал себя затравленным зверем и, гонимый страхом перед близкими людьми, удаляется из Рима как бы в добровольное изгнание на пустынный остров, что не спасло его от гибели. Рассказывая о его жизни в последние годы царствования Тацит говорит: "Не без основания наиболее мудрые из смертных повторяют, что если бы раскрыть сердце тиранов, то мы увидели бы, что они измучены и истерзаны страстями и дурными мыслями, как тело преступника под бичом палача"... Конечно, причиной всему этому было отчасти то, что римская система замещения императоров способствовала тому, что престола достигали не лучшие, а худшие. Но спрашивается: почему Рим не нашел лучшей системы подбора своих властителей?

**
*

При изучении состояния Рима и положения всех частей населения, от рабов до императоров, невольно является вопрос: что создала римская мысль, чтобы осмыслить, одухотворить громаду римского государства, чтобы найти выход из этого положения и

создать условия жизни и власть, достойные великого внешнего могущества? И надо сказать, что и тут нас поражает необычайная бездейственность и слабость духа. Хроника Рима приводит чуть ли не единственный случай вмешательства философа в события истории: во время борьбы легионов Вителлия и Веспасиана, стоик Муссоний бросился между сражающимися войсками и стал говорить о прелестях мира и спокойствия. Попытка, как и надо было ожидать, была безрезультатной, и сам Муссоний с трудом спасся от ярости солдат одной и другой стороны.

Роль философов в жизни Рима с пластической наглядностью выражена в трагической судьбе величайшего римского философа Сенеки. По всем внешним данным казалось, что он мог воплотить собой все положительное, что могла дать римская жизнь. Богато одаренный, стоик по убеждениям, он был учителем, а впоследствии первым министром одного из наиболее талантливых из римских властителей, императора Нерона. Но историки замечают, что в Риме императорский сан делал плохими даже хороших людей. Закон этот с особой силой сказался на Нероне, который из поклонника греческой культуры стал воплощением духа жестокости и тирании. Роль Сенеки, его учителя, советника и правителя, в то время, как действия Нерона стали принимать черты безумной жестокости, после того, как он убил свою мать и жену, была более чем странной. Но до нас не дошло сведений о какой-либо активности, проявленной Сенекой, чтобы отвлечь своего ученика от ложного пути. Наоборот, видя, что злые влияния берут верх, что его положение при дворе пошатнулось, Сенека, чтобы спасти себя, сам добровольно удалился в уединение. Тацит приводит слова прощальной речи, с которой стоик-философ обратился к тирану: она полна лесть, и он упрекает Нерона только за то, что тот был слишком расточителен в своих милостях и щедротах по отношению к Сенеке. Прощание окончилось трогательными объятиями и взаимными лобзаниями. Эта покладистость величайшего римского философа не спасла его от гибели. По беспочвенному и бездоказательному навету Нерон решил избавиться от молчаливого и ушедшего в уединение учителя и послал к нему центуриона с приказанием лишить себя жизни. Сенека покорно исполнил приказ тирана. Нельзя без содрогания читать ужасное описание смерти мудреца. Из вскрытых на руках вен старческая кровь текла слишком медленно. Тогда Сенека приказал вскрыть вены на ногах. Но это лишь увеличило стра-

дания, но не принесло избавления. Он принял яд. Но на обескровленный организм яд не подействовал. Тогда его положили в горячую ванну. Наконец, огнесли в парильню, где пары задушили его. Ужас и неэстетичность этой смерти усиливается от ее бесполезности: ни слова правды не услышал тиран от своего учителя ни при жизни, ни при смерти.

Судьба Сенеки страшна. Но еще поразительнее судьба другого значительного философа-императора **М а р к а - А в р е л и я**. Когда во главе римской империи стал Марк-Аврелий, можно было думать, что осуществляются наиболее светлые мечты человечества. Марк-Аврелий был стоиком, с 11 лет одевшим тогу философа. Он сам о себе говорил, что он избегает не только злых дел, но даже злых мыслей. И это не был только ученик философов, повторяющий чужие мысли. Мужественный, трудолюбивый, талантливый, он среди тревог бранной жизни написал "Размышления", которые до сих пор считаются выдающимся памятником стоицизма, этого высшего достижения античной мысли. Во всяком случае, среди властителей мира Марк-Аврелий до сих пор остается самым видным мыслителем.

И вот в его руках оказался власть и сила, невиданная в мире ни в прежние ни в будущие времена. Все могущество римской державы, в момент наибольшего его расширения, было в его руках. Даже среди римских императоров Марк-Аврелий, может быть, был самый могущественный: ему не приходилось, как Августу, еще закладывать основы новой единоличной власти и примирять ее со старыми привычками и навыками республиканского Рима, ибо единовластие до него существовало уже свыше 150 лет и стало привычной формой правления как для Рима, так и для всех его частей. Если большинству римских императоров всегда приходилось трепетать за свой престол, захваченный в порядке восстания и насилия, то Марк-Аврелий получил его законно, не только с согласия, но по настоянию сената, по наследию от приемного отца Антонина-Пия, который, в свою очередь, получил ее законно от Алриана, преемника великого Траяна. Во всей истории римской империи не было такого длинного ряда императоров, легально друг от друга получающих власть, как ряд предшественников Марка-Аврелия. При этом все эти императоры были один выше другого и по талантам и по качествам характера: не даром этот век называют "Золотым Веком" в истории Рима. Словом, власть была бесконтрольной, обширной, легальной, устойчивой. Поэтому можно было

ожидать, что новое правление будет попыткой внести в жизнь людей максимальное, на что только способно человечество: даже строгий Сократ не мог пожелать лучшего. Идеалам Платона, Зенона и Эпиктета пробил благодатный час.

Марк-Аврелий оставил свои размышления. Небольшая книжка отрывочных мыслей, написанных в лагере на берегу Дуная, во время войны с наступающими варварами. В ней нас поражает все: и то, как она написана, и что в ней написано, и чего в ней нет. Прежде всего мы видим, что она написана не на латинском, а на греческом языке; это лишний раз убеждает нас в силе греческих духовных влияний на Рим. Далее, перечитывая ее мы не находим в ней ни малейших следов порыва, энтузиазма, веры в свое дело, надежды на будущее, порыва к радостному строительству. Основная тема, основная мысль книжки: смерть и примирение с ней. "Подумай, например, о временах Веспасиана. Посмотри на все эти вещи — людей, вступающих в брак, рождающих детей, больных, умирающих, воюющих, празднующих, занимающихся делами, возделывающих почву, льстящих, вступающих в заговоры, желающих другим смерти, озабоченных настоящим, любящих, собирающих сокровища, жаждущих консульства, царской власти. И вот жизнь этих всех людей более не существует"... Так утешает себя и других Марк-Аврелий. Но он не находит успокоения. И почти на каждой странице, как основная тема, как главный предмет размышлений — смерть, смерть, смерть. И главное средство преодолеть эту мысль, этот страх перед смертью — изображать жизнь утомительной, беспокойной и скучной тягостью. Экклезиастом дышат слова: "Как в амфитеатре постоянный вид тех же однообразных вещей делают спектакль утомительным, так и вся жизнь: над нами и под нами все то же и то же. Долго ли еще"! Но жизнь, этот бурный поток, увлекающий все явления, все еще продолжается. Поэтому надо исполнить свой долг. И без радости, без энтузиазма, а как бы стиснув зубы, как тяжкий и трудный долг исполняются обязанности перед богами, перед природой и людьми. Но как формально, безрадостно выполняется этот долг. Поистине классические слова: "Я выполняю свой долг. Все же остальное меня не касается". Для себя же мыслитель ищет только покоя и убежища, чтобы быть как скала, о которую разбивались бы волны моря жизни, чтобы настоящее не тревожило и будущее не пугало... Размышления написал римский император. Но напрасно мы будем искать в них хоть след пси-

хологии вождя, пророка, несущего в жизнь веру в идеал, напрасно мы будем искать призыва к творчеству, порыва, стремления использовать для достижения своего идеала необычную власть, данную ему судьбой. Если бы мы не знали, кто автор, то по содержанию книжки можно было бы подумать, что размышления написал последний из рабов великого царства. Марк-Аврелий был только пленником царской власти. И размышления, которые он написал, были только убежищем от горестей, которые ему приносил его сан. И психологически становится понятным, почему он писал не по-латыни, а по-гречески...

Но если в размышлениях Марка-Аврелия мы не видим императора, то в императоре Марке-Аврелии мы мало видим философа. Не только как полководец, но и как законодатель и администратор он не выше своих предшественников, и ни одной большой реформы не связывается с его именем. Как политик он недалек, и свою власть он завещал своему сыну, единственной страстью которого были гладиаторские игры. Даже странное бессилие поражает нас в императоре Марке-Аврелии. Он не любит публичных игр. Но когда он пытается гладиаторов отправить на фронт, на защиту Рима от варваров, то недовольство народа побуждает его отказаться от этого плана. Он не любит кровавых зрелищ. Но свое недовольство он демонстрирует только тем, что, сидя в театре, в императорской ложе, он занимается государственными делами. На его глазах прекрасно выдрессированный лев с замечательным проворством разрывает одного человека за другим. Театр в восторге, театр требует свободы рабу-дрессировщику. "Он ничего не сделал такого, чтобы заслуживать свободы", заявляет император, и этим ограничивается его оппозиционность. И спрашивается: нужна ли была могущественному императору такая боязливая податливость по отношению к привычкам своих подданных? Как раз в эту эпоху среди самих римских граждан с чрезвычайной, всепокоряющей силой сказались страстные искания новой правды, новых взаимоотношений, и миллионы уст его подданных повторяли слова душевного мира и кроткой любви к ближнему. В амфитеатрах, кроме зрителей, смотревших, как разрывали людей, были и жертвы, которых разрывали за желание жить по-иному. И здесь слово императора могло иметь решающее значение. Но из истории известно: император Марк-Аврелий был одним из самых суровых гонителей христиан. Во имя чего? Во имя веры? Во имя иного идеала? Пусть

христиане со своим мистицизмом были не по душе Марку-Аврелию. Но от христиан ему нечего было защищать. И, надо сказать, христиане были дальновиднее Марка-Аврелия: несмотря на преследования, они относились к нему с признанием и уважением. Поистине, Марк-Аврелий не познал своих подданных!

В историографии заслуженно пользуется дурной славой рассуждение: что было бы, если бы события сложились по-иному? Но мы не пишем истории, и нам позволительно поставить вопрос: что было бы, если бы слова Иисуса дошли до сердца не сыно- и женоубийцы Константина, а благочестивого, ищущего добра Марка-Аврелия? Быть может, история Рима, христианства и всего мира стали бы иными.

Рим мечом создал колоссальные внешние формы, лишённые всякого духовного содержания. Греческая мысль пыталась заполнить эту пустоту. Судьба Марка-Аврелия показывает, что эта задача оказалась не под силу Элладе. Античный мир поставил вопрос о "справедливой" организации человечества, но справиться с этой задачей он не сумел.

Заветы Израиля

В стороне от больших дорог мировой истории, в провинциальной глуши, замкнуто, обособленно, уединенно накапливаясь росли идейные сокровища израильского народа.

Путь к истории этого странного народа лежит через еще более странную книгу, через Библию. Еще недавно для людей христианской Европы эта книга считалась единственным, полным и окончательным источником всяческой правды и всяческой истины. Потом наступило охлаждение и сомнения, и послышались голоса, что эта книга для нового человека не дает уже ничего. Но с недавнего прошлого растет и ширится новое значение ее: это не все, но очень многое, и зато это многое значимо не только для людей христианской культуры, но для всего человечества, независимо от верования, независимо от языка и народности.

Уже чисто внешне, как литературное произведение, Библия является ни с чем несравнимым по красоте памятником. Количество незабываемых образов в ней, поистине, неисчислимо, начиная от космических картин создания мира и всемирного потопа и кончая тремя конями Апокалипсиса. Все струны души задеты в этих образах, от гордыни людей, строящих башню до неба, до жертвы Богом своего сына для спасения человечества. По краткой выразительности и пластичности во всей мировой литературе нет страниц равных описанию боя Давида с Голиафом или моления в Гефсимании. Все стили: возвышенный эпос, нежная лирика, сжатое слово законников и судей, реляции военачальников, повествование историка, технический отчет строителя, мы встречаем в ней; крайний реализм и натурализм чередуется с предельным романтизмом и мистицизмом. И свирепая дикость первобытного человека,

и лукавый обман варвара, и непоколебимая правдивость просветленной личности, и всепрощение, и безграничная жертвенность, и почвенная мудрость жизненного опыта, и рвущий все земное взлет божественного вдохновения, и небывалое сочетание голубиной кротости со змеиной мудростью — с одинаковой правдивостью и выразительностью отражены в Библии. При первом сравнении перед нею меркнут величайшие произведения духа древних народов: и восточных стран, и греков, и римлян, и современной литературы. Рассуждения Будды с их бесконечными повторениями утомляют внимание. Платона современный читатель может одолеть только по долгу научного исследования. Шекспир и Гете уже во многом явно устарели. Но Библию, как литературный памятник, можно прочитывать десятки раз, каждый раз все более удивляясь ее нетленной красоте, ее умению единым словом выразить целый мир сложнейших и глубочайших ощущений. “В поте лица своего будешь есть хлеб, пока не возвратишься в землю, из которой ты взят” — так сказано в начале. “Прийдите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас” — так сказано в конце... Какая противоположность стилей, мыслей и чувств! Но как одинаково неисчерпаемо глубоко, прекрасно, выразительно и вечно! Где можно найти равное по силе?

Но внешней красотой стиля, яркостью образов, глубиной и разнообразием мыслей не ограничивается значение Библии. Книга эта является замечательным памятником истории, незаменимым для науки по своей древности и подробности сведений, рисующих рост и развитие идей замечательного народа. В этом смысле, быть может, нет равного по значению памятника и источника наших исторических познаний. Правда, так ставя вопрос, подходя к ней с точки зрения науки, мы много теряем. Мы теряем наивную веру, наивное восприятие всего, что там сказано. К ней ведет только путь критики, исторического исследования, через море сомнений, топи вопросов, через чащу разномыслий и разноучений. И нет надежды, что, пройдя все эти препятствия, мы там обретем окончательный покой, разрешим все сомнения, найдем универсальную и вечную правду. Но зато ныне в ней ждет нас многое неожиданное, не предполагаемое, живое ощущение тайников творящейся истории, понимание мудрой сложности человеческих взаимоотношений, созерцание действительных исторических чудес и, наконец, непоколебимая вера в человечество. Как астрономия, разбив хрустальный свод не-

бес, в который веровали древние, раскрыла перед нами бесконечность мироздания, так научная историческая критика Библии, разбив застывшие догмы, открыла перед нами великую и многообещающую подлинность исторических творческих процессов.

Но и это не все. Библия является не только отражением истории, но вместе с тем и фактором ее. Для еврейского народа с того времени, как пророк Эзра в 444 году до нашей эры прокламировал окончательный текст Торы, книга, созданная еврейским народом, стала создавать себе народ и из отражения жизни превратилась в небывалую творческую силу, оставаясь таковой в течение 2500 лет. С другой стороны, Ветхий Завет совместно с Новым Заветом стал фактором истории не одного народа, а всего христианского мира. И конец античного мира, и средние века, и новое время прошли под влиянием и воздействием этой книги. Ее наиболее читали, ее наиболее комментировали, наиболее переводили; из-за нее более всего умирали и более всего убивали. И даже теперь, в век безверия, за последние сто лет одно только общество по распространению Библии напечатало ее и распространило 300 миллионов экземпляров на 800 языках. Достаточно этого, чтобы понять, какая чудовищная динамика таится в каждой фразе, в каждом слове и букве этой поразительной, ни с чем не сравнимой книги. Мы, сами того не замечая, мыслим ее образами, говорим ее словами, чувствуем ее переживаниями. В ней отражение нашего прошлого; в ней глубочайшие тайны нашего настоящего; в ней наиболее точный ответ о нашем будущем.

Ветхий Завет

Что путь к Библии не простой и не прямой, об этом лучше всего свидетельствует факт, что эта наиболее известная книга как памятник истории раскрыта чуть ли не позднее всех. Иероглифы египетских фараонов прочтены и поняты в начале 19 века; немного позже прочтены надписи царя Асоки и клинообразные вавилонские письмена, хотя и иероглифы, и памятники индийской письменности, и надписи Ассирии и Вавилона начертаны неизвестными письменами и на неизвестном языке. Но Библия, которая написана всяческими письменами и двадцать веков читается всеми народами

на родном языке, расшифрована для широких масс только в конце 19 века. Достаточно сказать, что до конца 19 века Ветхий Завет обычно представлялся как единое целое, как выражение мысли и Закона, данного Богом через Моисея и, как таковое, противопоставлялся следующей ступени — Новому Закону, выраженному в Новом Завете. Теперь же нам ясно: уже Ветхий Завет дает выражение не одной сразу сложившейся правды, а многих ступеней развития, наслоений “правд”, или “законов”. Мы научились различать в ней период до Моисея, период Моисея и период после Моисея. Мы знаем, что период “до Моисея” обнимает много веков, пока кочующие обособленные семьи слились в роды и племена и, как союз племен, создали народ. Мы знаем, что период, в который сложился “Закон Моисея”, обнимает около 1000 лет, при чем первоначальные древние обычаи, достаточные для примитивных кочевников, эволюционировали и превратились в законы, которыми управлялся оседлый народ со сложной государственной организацией. В текстах “заповедей” или в “договоре союза” с Иеговой мы теперь без труда различаем тексты более древние от текстов более новых, улавливая переходы, которые замечательной тонкостью нюансов очаровывают внимательного читателя. Мы знаем, дальше, что и период “после Моисея” не был монолитным, и мы видим рост заложенных в прежнее время идей, и разные течения мысли, и взаимную борьбу различных тенденций.

Две особенности бросаются в глаза при сводке и оценке материала, который дает нам Ветхий Завет, как исторический памятник.

Прежде всего, сопоставление отдельных стадий развития воззрений народа дает нам понятие о существе эволюции основ морали и права. Одной из основных проблем исторического исследования любого человеческого комплекса, объединенного единой моралью и правом, является идея ответственности за поступки, нарушающие право и нравственные заветы. Исследование этого вопроса подводит нас вплотную к тайникам той психологической силы, которая из отдельных людей создает коллектив. И вот, именно в этом вопросе ни единый народ, не исключая новейших, не дает нам такой строгой, выдержанной и детальной картины, как история евреев, отраженная в Библии. От примитивного позыва неограниченной мести в песне Лемеха (семьдесят семь жизней за одну жизнь!), от первобытной ярости дикаря, который не отличает зла, причиненного человеком, от зла, причиненного зверем, который идеалом ставит месть винов-

ному и всем близким, и даже потомкам “до третьего и четвертого поколения”, — мы видим в дальнейшем постепенные переходы к все большему стеснению и ограничению этой мести, из порыва ярости превращающейся в орудие божественной справедливости, в возмездие не за внешний вред, а за духовное преступление, за нарушение закона. Пусть подчас в наивных формах, как, например, в правилах, о “городах-убежищах”, но неустанно растет сознание, что человек отвечает за поступки по внутренним побуждениям, растет умение разбираться в том, что происходит в душе ближнего. И вместе с тем, как бы в виде иллюстрации слов: “все понять — все простить”, редакция становится внешне все мягче все большие возможности даются согрешившему раскаяться, исправиться и “спастись”. Круг ответственных лиц тоже все время ограничивается и суживается, пока новое начало, провозглашенное Иезекиилем: “Отец не отвечает за сына, сын не отвечает за отца”, завершило эволюцию принципа ответственности. Все растущая индивидуализация и все углубляющаяся спиритуализация показывают, как прежняя слепая связь крови уступает место связи по духу в громадном психологически сросшемся коллективе.

Но, наряду с яркой картиной этого процесса, главнейшие черты которого мы найдем или угадаем в истории любого народа, в истории израильского народа мы видим и черты особливые, выделяющие его из других народов. Эту особенность можно выразить одним словом: семейственность. Вообще семья и война являются двумя основами, на которых образуется государство; в судьбе каждого народа обе основы имеют известное значение. Но если у римлян почти все в их государстве было построено на принципе войны, то в противоположность этому в Израиле почти все построено на принципе семьи. Семья — вот прообраз, вот форма общежития которая все время стоит перед очами учителей и законодателей. Родство по крови объединяет всех сынов Израиля и выделяет их из всех других народов. Поэтому и Бог Израиля особый Бог, не всего человечества, а только одного избранного народа. Отношения народа и Бога поэтому особенно тесны и неразрывны: не только нет народа вне Бога, но, в сущности, нет и Бога вне народа. Все элементы жизни: личность, отдельные семьи, народ, государство, право, мораль, вера, Бог — монолитны, связаны узами неразрывного Союза все спаяно, слито воедино. Нет системы, в которой земные учреждения были бы настолько проникнуты сакральностью, религиозным элементом: еврей, по идее, не живет, не работает, не воюет,

не царствует, — он во всем и всегда священнодействует, служит идее, осуществленной в жизни живым народом. Все за одного, один за всех, — ибо все связаны круговой порукой, и грех и преступление одного ослабляют позицию всех, но зато благочестие и подвиг одного — спасают, приближают торжество всех. Если в римском праве отношения граждан между собой определяются понятием “чужой”, “alienus”, то в праве израильском эти отношения регулируются понятием “ближний”. Если в Риме реальная семья сохранила полную внутреннюю автономию, противопоставляя себя государству, то в Израиле она растворяется в более широком понятии семьи-народа. В связи с этим для внутренних отношений нет права более человеческого, альтруистического, пропитанного чувством близости и единства сынов народа. Право Израиля не столько защищает, сколько ограничивает права собственности. Рабство хотя и существует, но оно лишь терпимо, и с неохотой, с оговорками, со стеснительными формальностями допускает его Ветхий Завет. И чувствуется: и в собственности и в рабстве Ветхий Завет видит временное зло, которое должно быть преодолено тенденциями семейственности, альтруистичности и коллективности. Формальный, договорный союз с Богом должен замениться непосредственным духовным руководством, ближние тогда станут братьями. В идее единобожия заложены все начала эгалитарности и общности. В идее тесной связи народа с Богом — заложено чаяние царства Божия на земле.

Но принцип семейственности, сближая сынов народа между собой, тем самым отделял их от всех других народов. Древний Израиль, по существу, не знает другого отношения к чужим народам, как истребление. Он не знает другой надежды, как распространиться, “как звезды небесные”, “как песок морской”, и вытеснить все другие народы. Самый факт существования язычников вызывает духовное изумление израильских мыслителей, и с трудом их мысль находит примирение с этой неправдой. Нужны были беспощадные удары судьбы, разрушение Иерусалима, увод лучших сынов народа в неволю для того, чтобы примитивный народный эгоцентризм, опирающийся на всю силу религиозных верований, стал искать себе выражения в новых путях чаяния не физического вытеснения и размножения, а духовного господства над всеми народами.

В пророках последнего десятилетия до первого разрушения Иерусалима и в последующие века все время пробивается эта мысль,

это стремление придать идее Израиля черты идеи всечеловеческой. Но на этом пути, как и на других путях развития замечательных начал еврейской идеологии, путь загородила Книга. Отражая в себе то, что великий законодатель народа Моисей дал народу со слов и из рук Бога Израиля, законы книги не могли быть ни уничтожены, ни изменены, ни дополнены: ведь Бог не мог не знать все, что нужно, и что нужно навсегда. Древние, первоначальные записи “законов Моисея” были на исторической памяти народа существенно дополнены и изменены всего один раз. Но и это изменение было совершено не в виде написания новой книги, или новых законов, а в виде “находки” старой, якобы забытой книги. И замечательный контраст: когда римляне нашли “старые книги”, приписываемые первому римскому законодателю Нуме-Помпилию, то народ, найдя в них противоречие жизни, сжег их. Но когда царь Иосия прочел “найденную” “старую” книгу и увидел, что жизнь идет по-иному, он разорвал свои одежды, приказал всюду читать книгу и поступать согласно ее предписаниям, приспособлявая жизнь к книге. Таким образом родилось так называемое “второзаконие” или пятая книга Моисея, которая на ряду с первыми четырьмя, не отменяя их, принята в канон. Такое пополнение или изменение закона не расшатывало старого закона, но, наоборот, сугубо утверждало его. И с тех пор закон считается неизменным. Книга, спланивая народ, спасая его от ассимиляции, вместе с тем тяжелым камнем легла на его дальнейшее развитие. Обрывки законов, годившиеся тысячу лет тому назад, должны были неизменно нормировать жизнь новых поколений, живущих в новых условиях, придавая им характер связанности, отрешенности, окаменелости. Входя в состав мира, объединенного эллинской культурой, еврейский народ был максимально духовно отграничен от нее. Этот конфликт между жизнью и книгой нашел себе замечательное выражение в Талмуде, который, толкуя, якобы на основании устного предания от времен Моисея, ограничивает и модифицирует Закон. В этой борьбе мы опять с особой яркостью чувствуем контраст между новыми тенденциями и старым законом и познаем законы роста объединяющих человечество идей. Но все же это только поправки, а не органический дальнейший свободный рост. Толкование фактически отменило ставшее жестоким правило талиона: “око за око”, и заменило его денежными штрафами. Несмотря на то, что закон щедро рассыпает смертную казнь за целый ряд преступлений, толкование почти отменило ее и торжественно прокламировало: “кровав тот синедрион, который

присуждает к смертной казни один раз в семьдесят лет". Но, значительно смягчая суровость закона, толкование со своими бесчисленными правилами и предписаниями само, как сеть, окутало личность, связало ее бесконечными обрядами и требованиями. И от этой связанности и стесненности не было земного спасения, ибо все освящено религиозным ореолом. Только новое слово Господне могло освободить человека от гнета закона и правил. Ожидание Мессии является морально правовой психологической необходимостью для еврейского народа. Внутри отграниченного от внешнего мира народа накапливались силы, готовившие чудовищный взрыв.

Новый Завет

Если исторически научная оценка Ветхого Завета вскрывает нам разнообразие стадий духовного развития, пройденного еврейским народом за свою двухтысячелетнюю историю, то, с другой стороны, она в значительной степени смягчает контраст между Ветхим и Новым Заветом. Ибо нет в Новом Завете ничего, чему нельзя было бы найти тенденций или зародыша, пусть заглушаемого, пусть подавляемого, в Ветхом Завете и в дополняющем его Талмуде. Поистине — плоть от плоти и кровь от крови. И историческое познание той действительности, которая открывается, а часто заслоняется в евангельских повествованиях, лежит как раз на пути сближения с историей Израиля. Исторические сведения об иудейской секте ессеев, центром распространения которых была Галилея, и которые, несомненно, являлись первым окружением Иисуса, во всех отношениях углубляют понимание евангелия. Историческое познание Иисуса и его идей возможно лишь, если его рассматривать, как учителя евреев, воспитанного на еврейской идеологии.

Новый Завет написан позднее большинства книг Ветхого Завета. А между тем исторический подход к нему и критический анализ значительно сложнее и труднее. Ветхий Завет изображает длительные явления, протекавшие на глазах всего Израиля, часто записанные самими действующими лицами или во всяком случае с их слов. В противоположность этому учительская деятельность Иисуса продолжалась не свыше трех лет. Его деятельность протекала в глухой провинции Палестины и только трагически закончилась в Иерусалиме. Его слушателями были бедные, необразованные рыбаки и

ремесленники. Ни одной строчки не осталось написанного им или хотя бы его слушателями: самое древнее в христианской литературе — послания апостола Павла — написаны лицом, которое никогда не видело Иисуса. Дошедшие до нас евангелия сложились во втором и третьем поколении учеников Иисуса.

Если мы на время оставим в стороне вторую часть Нового Завета и станем рассматривать только евангелия, то прежде всего нас поразит изумительная краткость их. Все четыре евангелия, вместе взятые, более чем в два раза короче одной "Республики" Платона, составляющей незначительную часть литературного наследия греческого мыслителя, каждое же евангелие в отдельности — а каждое из них формально дает законченный цикл сведений об Иисусе — не больше одной вступительной главы творения Платона. Евангелия формально четыре раза повторяют то же самое: жизнеописание и изложение учения Иисуса. Но от повторения достоверность не становится больше, но, наоборот, на первый взгляд расшатывается. Сравнение первых трех евангелий, так называемых синоптических, с четвертым, Иоанна, показывает два совершенно различные восприятия, две различные культуры, почти не имеющие психологической связи между собой. Но это сравнение уже поучительно и влечет значительные выводы: более ранние, более близкие Иисусу первые три евангелия — наиболее простые, понятные, человеческие, земные. Четвертое же, более позднее, более далекое, является вместе с тем максимально отдаленным от всего земного и человеческого: в абстракциях, в мистической словесности витает оно.

Но если возьмем только первые три евангелия, то опять перед нами загадка. Самым древним из них считается евангелие Марка. Но в нем мы не находим почти ничего о самом главном — об учении Иисуса; если бы оно одно дошло до нас, то образ Иисуса остался бы совсем непонятным, необъяснимым, в виде какого-то чудодея и кудесника, без малейшего даже намека, что им были произнесены слова Нагорной Проповеди. Учение Иисуса, все, что захватывает нас до сих пор, мы находим лишь у Матвея и Луки. Выделением того, что имеется общего у Луки и Матвея, и чего не имеется у Марка, реконструкцией так называемого "Источника", т. е. наиболее древнего, не дошедшего до нас источника сведений об учении Иисуса, в сущности начинается историческая критика евангелий, и, надо полагать, начинается понимание существа учения Иисуса.

Но и тут, при сличении отдельных текстов, нас встретит много загадочного и неожиданного. Кому неизвестны привычные, постоянно повторяемые, но всегда темные слова: “Блаженны нищие духом”? Но они только у Матвея, у Луки же стоит: “Блаженны нищие”. Какая разница в смысле! Какое наивное, а вместе с тем коварное искажение, если считать слово “духом” последующей вставкой, смягчающей простой и ясный социальный смысл учения Иисуса! Или еще более разительное сопоставление: какие сомнения могут быть относительно подлинности текста “Отче Наш”, краткой молитвы, единственной, которой научил Иисус своих учеников? И вот и эта молитва дошла в двух различных текстах. Мы все повторяем текст Матвея. У Луки же она кратче и выразительнее. Различие начинается уже со второго слова: не “Отче наш”, а просто “Отче”, без коллективно-литургического “наш”. Дальше в тексте Луки ни разу не упоминается “небо”, так как нет “сущий на небесах”, и нет “и на земле, как на небе”. И опять-таки, если считать текст Луки первоначальным, то мы придем к заключению, что тенденции добавлений и искажений слов Иисуса были от земли к небу, от личности к коллективу, к церкви.

Но для многих может показаться вопросом, что подлинное, а что искажение. А главное, мы можем еще судить и спорить о том, что добавлено и что привнесено, но ведь мы ничего никогда не узнаем, что убавлено, что выброшено. Передатчики не только добавляли и разукрашивали тем, что было им привычно и по душе, но они и замалчивали, выбрасывали то, что им было трудно понять. Ведь сличая тексты евангелий мы видим явную попытку выбросить из них даже сказание о грешнице, одну из наиболее ярких, поучительных и многозначительных страничек евангелий, и, исключенное строгими цензорами из синоптических евангелий, оно лишь в последнюю минуту спаслось, присоединившись к совершенно чуждому ему по духу евангелию Иоанна.

Таким образом для нас источник христианства навсегда окутан покровом тайны, туманом, через который лишь просвечивается яркий свет. Попытка восстановить учение Иисуса будет всегда не наукой, а творчеством, интуицией и угадыванием. Оно будет восстановлено только тогда, когда явятся люди, чувствующие так, как Иисус. Задача формально выделить то, что в сохранившихся текстах отражает историческую подлинность от позднейших прикрас, то, что действительно сказано, от того, что вложено в уста, — превосходит силы современной науки. История по отношению к лич-

ности Иисуса скромно должна сказать: не знаем и, вероятно, никогда не будем знать. Ignoramus et ignorabimus!

Не знаем и не будем знать в полноте, в безусловной законченности и достоверности. Но это не значит, что нам вообще ничего с положительностью и достоверностью не известно. Неоднократные попытки доказать мифичность личности Иисуса производят впечатление неудачности, нескритичности, тенденциозности. Наоборот, гораздо более убедительны попытки указать в евангелиях тексты, относящиеся к жизни Иисуса, которые не могут подлежать никакому сомнению в их подлинности. Это тексты, которые трудно примиримы как с воззрениями благочестивых последователей старого закона, так и последующими воззрениями церкви на личность Христа. Таких мест не мало во всех евангелиях. Вот, например, евангелие Матвея рассказывает, что проповедующему Иисусу дали знать, что его мать и братья стоят на улице и хотят с ним поговорить. На это Иисус ответил: "Кто мать моя? Кто братья мои? И, указав рукой на учеников своих, сказал: вот мать моя и братья мои". Этот текст духовно созвучен с уходом Будды, с отношением к семье Сократа, но он непримирим ни со старозаветными началами почитания родителей, ни с христианским культом Божьей Матери; ни первые последователи Иисуса, благочестивые иудеи, ни христианская община такой легенды не могли создать. Далее, наряду с наивными повествованиями о чудесах Иисуса, в евангелиях говорится, что в некоторых местах Иисус мог сотворить мало чудес, или совсем не мог их творить. Во всех евангелиях повторяется странный текст о том, что Иисус "ест и пьет с мытарями и грешниками", при чем это утверждение то влагается в уста фарисеев, то сам Иисус так отзывается о себе. Наивным реализмом дышит рассказ о споре, возникшем на обеде у фарисея, из-за упрека хозяина дома Иисусу, что тот не исполнил предписания, не обмыл своих рук. Последние слова Иисуса перед смертью: "Отец, Отец, почто ты оставил меня" несовместимы с учением о Христе официальной церкви. Конец евангелий, с их наивно-правдивым рассказом о доказательствах (формально не выдерживающих критики) воскресенья и о том, что ученики Иисуса долго не хотели поверить в это — завершает длинный ряд текстов, которые ни в коем случае не могли быть творимой легендой, и в которых до нас доносится непосредственный отзвук подлинных событий жизни.

Как относительно жизни Иисуса, так и относительно его учения можно найти опорные пункты максимальной достоверности. Среди

них первое место занимает, несомненно, молитва “Отче Наш”. Несмотря на различие двух редакций, в которых она дошла до нас, в существе своем она несомненно подлинная. Только в Израиле могла она явиться: ни греки, ни римляне, ни египтяне, ни буддисты не могли бы создать подобной молитвы, пропитанной такой личной близостью к Богу. Но не в старо-заветном Израиле родилась она: о д о м е Израиля, об избранном народе в ней нет ни единого слова, и она может быть вложена в уста любого человека; и Бог в ней не вождь, не господин, не судья, не законодатель, он только отец, одинаково для всех людей; этими простыми словами завершается двухтысячелетний период истории Израиля, искавшего пути к Богу. Основной принцип семейственности достигает предела: по Богу все братья, все ближние, все равны. Но этим самым все люди — дети Бога, его сыны, и этим стирается тот основной признак, которым Христос исторической церкви, как Сын Божий, выделен из людей. С точки зрения исторической церкви в этом величайшая ересь, кощунство, гордыня, основа и источник многих упорно возникавших злоучений, с которыми церкви с таким трудом пришлось бороться. Ни первые ученики Иисуса, благочестивые последователи закона Моисея, ни позднейшие последователи Христа никак не могли говорить такими словами. Значит эти слова — подлинные слова самого Иисуса. Поскольку он заставил учеников своих наизусть затвердить эти слова, следует думать, что они выражают самое важное, самое существенное, то, что надо постоянно помнить и повторять.

Сравнение и сопоставление с другими текстами только увеличивает достоверность молитвы: все существенное первых трех евангелий, все наиболее достоверное в четвертом евангелии, весь дух самых древних памятников письменности, как послания Якова и Петра, все необычное, своеобразное, ярко-индивидуальное в учении Иисуса не только не противоречит этой молитве, но как бы развивает, разъясняет ее, а вместе с тем благодаря ей само укладывается в поразительно-законченное учение.

Уже первые слова молитвы “Отче Наш”, или по тексту Луки “Отче”, обосновывают и в свою очередь сами дополняются двумя основными заповедями: любить Бога и любить ближнего своего. И в этом новом поразительном мире, сверху до низу пропитанном благостью, место человека становится совершенно иным: вместо прежнего формального Закона, руководителем в жизни становится любовь: в ней “закон свободы”, “закон царский”. “Все мы цари” —

доносится до нас отдаленным эхом радостное новое сознание, родившееся от этой проповеди.

“Да придет царствие твое” — и этим словам точно отвечает неоднократно во всех евангелиях одинаково повторенное утверждение, что Иисус принес людям “благую весть”, “евангелие” о близости царствия Божия. Эта благовесть чаще всего звучит в его устах: ее поручает он проповедывать своим ученикам и апостолам. Чаянием этого царства окрылено все учение Иисуса, в ней пламенная вера учеников, в ней мощный порыв, преодолевший не только внешнюю неудачу проповеди, но даже смерть Учителя.

“Хлеб наш насущный дай нам на сей день”. У Луки: “изо дня в день”. Слова, дышащие уверенностью в дне сегодняшнем и спокойствием за день грядущий, основывают житейскую мудрость евангелий, зовущих брать пример с беззаботных детей, с птиц небесных, которые не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и которых питает отец небесный, с полевых лилий, которые не трудятся и не прядут, но и “Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них”.

“И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим” — это начало прощения вины в разных формах: и в требовании отвечать на зло добром, и в принципе “не судите, да не судимы будете”, и в словах: “какою мерою мерите, такою же отмерится и вам”, и в притче о добром царе и злом рабе, и в других поучениях и примерах, постоянно повторяется почти что в каждой главе евангелий. На вопрос сомневающегося ученика, можно ли прощать более семи раз, ответ гласит: семьжды семьдесят раз. Этими словами заканчивается цикл развития израильского духа, от песни Лемеха, требовавшей за одну жизнь семьдесят семь жизней, до безграничного благого всепрощения.

Таким образом, в каждой короткой фразе, в каждом слове этой поразительной молитвы мы находим глубочайший, человеческий для целых веков и тысячелетий достаточный смысл. И свобода, и равенство, и братство, и всечеловечность, и надежда на лучшее будущее, и спокойствие, и мир в душе, и благодать по отношению к другим, и строгость по отношению к себе — все простейшими, понятнейшими словами сказано, все дано в этой чудесной молитве. Четыре евангелия можно считать лишь искаженным комментарием к этой молитве. И на этом пути мы, может быть, ближе всего подходим к истинному и подлинно историческому пониманию Иисуса.

Однако надо думать, что если бы нам даже удалось во всей неприкосновенности и со всей возможной полнотой восстановить все сказанное Иисусом, едва ли мы получили бы стройную, законченную систему морального и религиозного учения. Не забудем, что Будда, умирая после десятков лет проповеди, спрашивал учеников, все ли вопросы отвечены, все ли сомнения рассеяны. Иисус же проповедывал всего от полутора до трех лет. Естественно, что за это время только закладывались основы его учения, и его проповеди выражали не столько законченные результаты, сколько искания. Уже в нагорной проповеди в двояком противопоставлении новых заветов старым видны эти искания над созданием соответствующих образов и формул. И по другим текстам видно, что учение развивалось не систематически, а эпизодически, от случая к случаю, как импровизированные ответы на поставленные жизнью вопросы. Вот в Иерусалиме фарисеи, искушая Иисуса, ставят ему вопрос, нужно ли платить дань цезарю. На этот коварный вопрос дается поистине поразительный ответ: "Отдайте цезарево цезарю, а Божие Богу". Только зная иудейскую ненависть к изображениям цезаря и борьбу с ними, мы можем оценить всю удачность этого ответа. Для этого конкретного случая это много. Это более, чем достаточно. Но для существа поставленного вопроса об отношениях человека, государства и веры — это слишком мало, и два тысячелетия человечество вынуждено было кровавым мозольным трудом заполнять неполноту этой фразы... И мы видим, что в других случаях подобные вопросы застают самого Иисуса врасплох. Вспомним, например, замечательную по внешней и внутренней красоте и глубине ни с чем несравнимую страничку евангелия, где рассказывается о грешнице, которую во имя требования закона ведут побить камнями за прелюбодеяние. На вопрос книжников и фарисеев: "А ты что скажешь?". Иисус не сразу дает ответ: склонившись, как бы раздумывая, он молча чертит на земле. И только на повторные вопросы толпы он, склонившись, отвечает: "Кто из вас без греха, первый брось в нее камень".

Такое же раздумье и колебанье доносится до нас в противоречивых текстах об основной задаче Иисуса: пришел ли он только к дому Израиля, или ко всем людям? Рассылая учеников проповедывать Иисус говорит им: "К язычникам не ходите, в город самарянский не входите". И лишь впоследствии, как бы нехотя, только вы-

нуждаемый правдой жизни, в притче о милосердном самарянине развивает Иисус космополитическое понятие “ближнего”. Да и тут мы видим, что, хотя психологически ответ дан, слушатели и ученики уже подготовлены, но окончательно новое слово не сформулировано. Великие просторы мира манят, но порог отчего дома не переступлен. “Несть эллин ни иудей” — родилось позже, после смерти Иисуса.

То, что до нас дошло от Иисуса, нельзя уложить в строгую систему законченного учения. Даже выделив то, что внесла в образ Учителя последующая христианская община и церковь, те черты, которые созданы Павлом и его последователями, черты мистической сверхчеловеческой христологии, мы и в том, что остается после этого отделения позднейших вставок, отличаем два основных тона в словах Иисуса: один — радостный, легкий, сияющий, успокаивающий, обещающий радость трудящимся, нищим, плачущим и алчущим, а другой — сумрачный, встревоженный, угрожающий, сулящий “горе” фарисеям, книжникам и законникам.словно два человека века говорят нам. Первый — связан с Галилеей. Вторым чаще всего относится к пребыванию в Иерусалиме, когда Иисус убедился, что “много званых, но мало избранных”. Однако первый тон преобладает, кажется подлиннее... Но и это еще не догма, а творческий порыв, настроение всепокоряющей силы и яркости. В нем торжествуют любовь и братство, сияет мир и свобода, царит радость дня сегодняшнего, уверенность в дне завтрашнем и упование для дней грядущих; в нем, как воск в пламени, растворяется вся несправедливость земная, в нем успокоение кротким миротворцам и изгнанным за правду. Через кровавые события Иерусалима победно просвечивает эта навеянная простором цветущих полей Галилеи доверчиво-радостная “благая весть” о грядущем царствии Божиим.

Конец Израиля

Смерть Иисуса была для местной жизни Иудеи как бы символом бессилия и безуспешности проповеди мира и любви. Под внешним формальным покровом римского владычества шло брожение умов, кипение ультра-радикальных национальных и социальных идей, и все углублялась и ожесточалась борьба отдельных партий между собой. Воцарение авантюриста и прожигателя жизни

Агриппы, который капризом императора прямо из тюрьмы посажен был на престол Соломона, и который со своей сестрой Вероникой был совсем чужд местной жизни, неудачный выбор прокураторов, в особенности грубость, неумелость и трусливость прокуратора Флора, привели к тому, что из-за вопроса об использовании сокровищ храма для сооружения водопровода народ, подстрекаемый радикальными элементами, перешел к открытому неповиновению. Прокуратор со значительной частью гарнизона тотчас покинул Иерусалим. Вскоре за ним вынужден был последовать царь Агриппа. Последние остатки римских войск в городе предательски и вероломно были перебиты. Сторонники мирного улаживания конфликта были сметены радикалами. Первосвященник Анания, сын Анании, упоминаемого в евангелии, пытавшийся скрыться в подземельях Иерусалима, был найден и убит. Однако вождь восставших, Маннаим, был убит в свою очередь сыном Анании, Элеазаром... Смерть императора Нерона задержала действия Рима, и на несколько лет Иерусалим и вся Иудея оказались в руках восставших.

Эти несколько лет надо считать самыми мрачными и кровавыми в истории еврейского народа. Прежде всего внешне успешное восстание в Иудее разожгло и обострило конфликты во всех окружающих областях, где только были значительные еврейские колонии, и во многих городах дошло до открытых столкновений, кончавшихся чудовищными погромами, в которых погибли десятки тысяч евреев. Преследования евреев начались с Цезаря. Когда сирийцы, всегда жившие в состоянии конфликта с евреями, узнали, что те восстали против Рима и находятся в положении войны, то они поняли, что могут теперь безнаказанно свести свои счеты. В самое короткое время до 20.000 евреев было перебито; оставшихся Флор взял в неволю и продал на галеры. Погромы перенеслись в другие города, где были еврейские колонии: в Аскалон, Акр, Тир, Гадар. Евреи, в свою очередь, объединялись в вооруженные отряды и избивали сирийцев. Но, будучи в меньшинстве, эти отряды в конце концов уничтожались. Наиболее страшный погром был учинен в Египте, в Александрии, где со времен Александра Великого образовалась значительная еврейская колония, пользовавшаяся широкой автономией и имевшая в районе дельты Нила свой собственный квартал. Началось с малого: с оскорблений со стороны греков. Озлобленные евреи с факелами в руках собрались толпой и грозили сжечь театр, в котором находились обидчики. Только вмешательство римских войск

спасло находившихся в театре греков от гибели. Но тут началась всеобщая резня. Несмотря на отчаянное сопротивление евреев, они были оттеснены в свой квартал, который был взят с бою разъяренной толпой. Весь еврейский район был уничтожен. Все попадавшие под руку евреи были перебиты. Говорят, их погибло свыше 50.000.

В самой Иудее, в которой власть принадлежала восставшим, положение не было лучшим. Единая народная власть, при большом количестве партий, не могла образоваться. Главное значение в стране и в городе приобрели зелоты, направление, сочетающее традиционный примитивный национализм и веру в избранничество народа с крайним политическим и социальным радикализмом и даже революционностью. Течению этому нельзя было отказать в последовательности, и активный юдаизм должен был проявиться в таких формах. Если избранному народу суждено господствовать над миром, то должно же это господство начаться с независимости в своей стране, с изгнания всех чужестранцев. Внутри же страны должно господствовать полное уравнилельное братство. Кто против этого, тот идет против судьбы, обетованной избранным, тот изменник своему народу. Но и эта радикальная программа не нашла единого выразителя, и вожди народа разбились на ряд отдельных, враждующих между собой партий.

В результате Иерусалим фактически был превращен в ряд военных лагерей, ведущих неустанную борьбу друг с другом. Еврейский историк Иосиф-Флавий такими словами изображает положение в городе незадолго до появления римских войск: "Внутренние враги города были разъединены на три враждебных лагеря: Элеазар и его приверженцы, под охраной которых находились посвященные храму первые плоды, неистовствовали против Иоанна, а шайка последнего грабила жителей и стояла против Симона.... Иоанн, подвергаясь нападениям с двух сторон, выстраивал своих людей двумя противоположными фронтами, и в то время, когда с галлерей обстреливал противников, вторгавшихся из города, он посредством машин защищался против копьemetателей, сражавшихся с храма. Как только нападавшие сверху давали ему передохнуть (что случалось часто, когда те напивались или были утомлены), он во главе многочисленного войска предпринимал смелые вылазки против Симона и, по мере того, как отбивал его назад, сжигал на всем пространстве здания, наполненные зерном и разного рода другими припасами.

Когда отступал Иоанн, то же самое делал Симон, точно они нарочно, в угоду римлянам, хотели уничтожить все, что город приготовил для осады, и умертвить жизненный нерв своего собственного могущества. Последствием было то, что все вокруг храма было сожжено, и что весь хлеб, которого хватило бы для осажденных на многие годы, за небольшим исключением, был истреблен огнем. Таким образом город пал от голода, который отнюдь не наступил бы, если бы его не подготовили сами мятежники”.

Эти сообщения Иосифа-Флавия, который сам лично, хотя еврей и фарисей, не вполне заслуживает доверия, подтверждаются свидетельством римских историков и талмудическими источниками.

Не лучше было положение в провинции. В виду отсутствия центральной власти, вся провинция была во власти вооруженных шаек, которые в сущности ничем не отличались от простых разбойников и грабителей.

Такова была обстановка последних четырех лет “свободы” еврейского народа. Заключительный акт драмы — было падение и разрушение Иерусалима, взятого в 70 году легионами Тита. Храм был взят 10-го августа. Тот же историк и очевидец такими словами изображает это событие: “Треск пылающего повсюду огня сливался со стоном падавших. Высота холма и величина горевшего здания заставляли думать, что весь город объят пламенем... Все смешалось в один общий гул: и победные клики дружно подвигавшихся вперед римских легионов, и крики окруженных огнем и мечем мятежников, и смятение покинутой наверху толпы, которая в страхе, вопия о своем несчастье, бежала навстречу врагу; со стенаниями на холме соединялся еще плач из города, где многие, беспомощно лежавшие, изнуренные голодом и с закрытыми ртами, при виде пожара в храме собирали остаток своих сил и громко зывали... Но ужаснее самого гула была действительная участь побежденных. Храмовая гора словно пылала от самого основания, так как она со всех сторон была залита огнем; но шире огненных потоков казались лившиеся потоки крови... Из-за трупов нигде не было видно земли: солдаты, преследовавшие неприятеля, бегали по целым грудам тел... Некоторые из священников вначале сламывали шпиль храма вместе с оловом, в которое они были вправлены, и метали их против римлян... Двое из знатнейших бросились в огонь и сгорели вместе с храмом”.

После храма был разрушен весь город. Все уцелевшие жители

выведены из него. Последняя тень еврейского государства исчезла. Начался период рассеяния. И многим евреям, видевшим своими очами пожар величайшей святыни, духовного и политического центра народа, могло показаться, что мечта о всемирном господстве, завещанная преданием и пророками, навсегда погибла, и что слова о вечности Иерусалима — осмеяны действительностью.

Иначе смотрела на эти события, иначе их оценивала, иначе чувствовала только горсточка последователей распятого Учителя. Они помнили завет — строить не на песке, а на камне. Они понимали, что обетованное царствие Божие не за крепкими стенами и башнями Иерусалима, не в пышном величии рукотворного храма, а в душе человеческой. Тексты евангелия намекают, что ученики Иисуса еще до осады покинули Иерусалим и переждали бурю в спокойном городке по ту сторону Иордана. Историки указывают, что это было местечко под названием Целла, и высказывают предположение, что как раз в этом убежище сложились первые, не дошедшие до нас евангелия. Поразительная картина: в то время, как официальная политика национального государственного возрождения привела к гибели храма, города и нации, в это время ушедшие от борьбы в тишь мира и уединения создали слово, которое разрушенный город сделало вечным, сожженный храм — очагом всему человечеству, а поверженной нации уготовало невиданную духовную победу. Но и независимо от этих всемирно исторических перспектив, которые видны только сегодня, если даже мыслью перенестись назад, вдуматься в положение в то время, вчитаться в бесстрастные хроники тогдашних событий и задать себе вопрос, какая программа, какие призывы были наиболее целесообразны, наиболее правильны; если поставить вопрос, в чей лагерь надо было пойти, то ответ ясен сам собой: не в лагерь Элеазара, не к Симону или Иоанну, не к зелотам или к сикариям, не к садукеем или фарисеям, не к перебежчикам в лагерь римлян, как Иосиф-Флавий и царь Агриппа. Житейский мудрый смысл имел только уход учеников Иисуса от борьбы и стремление, не теряя своей нравственной стойкости и независимости, сохранить спокойствие, духовный мир, благость по отношению ко всему и пронести через бурю кровавых событий веру в грядущее царство добра.

Взаимодействие культур

Теперь мы должны остановиться и бросить взгляд назад на пройденный путь. Мы видели, что четыре нации, различные по племени, по расе, по языку, по верованиям, по культуре, по социальным и политическим условиям, одна за другой проходили одинаковый путь в понимании существа отношения между людьми. Все начинали с примитива небольшой общины, все поднимались к сознанию национальному, и, наконец, широкое понятие народной близости превращалось в ощущение всечеловеческого единства, в ощущение космополитическое, универсальное. Эти стадии у одних видны до мельчайших подробностей, как в Греции и в особенности в Израиле, где все они со всеми деталями увековечены в образах Библии. В других народах мы их видим в значительно упрощенном виде, как, например, в Риме. Наконец, для далекой Индии мы их скорее угадываем, чем можем доказать. Но, во всяком случае, если первоначальные стадии нам не всегда отчетливы, то всегда разительно ясна последняя стадия: создание эгалитарных и космополитических чувств, мыслей и организационных принципов, что всегда совпадает с высшей зрелостью, расцветом духовных сил каждого народа.

Разными путями подходило человечество к этим вершинам. В Индии это был путь царей, в Греции — путь философов, в Риме — путь воителей, в Израиле — путь пророков. Разные стороны духа преобладали в окончательной выработке высшей мудрости: самоуглубление напряженной воли в Индии, познающая мысль в Греции, жажда власти в Риме, порыв чувства в Израиле. Но все пути, все методы познания и отношения к миру неизменно приводили к тому, что узкие национально-государственные рамки не вмещали нового

духовного содержания, которое как бы переливалось через исторически сложившиеся границы на все народы, на весь мир.

Сравнивая отдельные явления высшего для каждого народа нового мироощущения, мы, конечно, не найдем полного и точного совпадения. Эклектическая, практическая, чисто человеческая мудрость века Антонинов в Риме отличается от страстной веры в царствие Божие, в огне которой спалился Иерусалим; пантеизм стоиков отличается от интимно-личного ощущения Бога галилейских рыбаков и от атеизма буддизма. Более того, даже общие основные идеи окрашены местным своеобразием: космополитизм буддизма основан на общности страдания всего живущего, космополитизм Иисуса вытекает из любви ко всем людям, как детям единого Бога, а космополитизм стоиков зиждется на общности разума всех людей. Выделение общей действительной основы всех высших систем мудрости от их второстепенных местных особенностей составляет, быть может, наиболее увлекательную задачу для исследователя: на этом пути вернее всего может быть достигнута та "скала", о которой говорил Иисус словами: "стройте не на песке, а на камне"... И вот, если теологические представления, представления о потустороннем мире, идея преодоления смерти, так разнообразны у различных народов, что в них, в сущности, нельзя найти ничего общего, то, с другой стороны, во всех системах высшего достижения мы находим ряд поразительных совпадений. Во всех мы находим "уход" из исторически сложившейся организации, "разрыв" с традиционными человеческими связями: в виде ухода Готамо из царского дворца, в виде ухода греческих мыслителей из народного собрания после осуждения Сократа, в виде духовного разрыва Иисуса, спросившего: "Кто братья, кто мать моя?" и сказавшего: "Царствие мое не от мира сего" — в той или иной форме везде осознавшая себя личность рвет связи и путы, наложенные на нее традиционными формами общежития, семьи, государства, морали, и ищет свой собственный путь, и тем достигается высшая, идеальная свобода. Везде этот новый путь приводит к тому, что перед лицом новых требований личности бледнеют и тают все искусственные перегородки, отделяющие людей. Везде достигается сознание равенства и братства всех людей, везде, как всепреодолевающая и захватывающая яркая психологическая реальность является идея общности человечества, вмещающая в себе все народы и государства.

При всем различии отправных точек исторических эволюций,

при всей несхожести пути, по которому шли отдельные нации и культуры, при всем отличии сопровождающих представлений и мировоззрений, при всей контрастности внешнего генезиса идей, внутреннее существо их сходно до полной тождественности. И равенство, и братство, и космополитизм Индии, Израиля и Греции по существу своему не представляют никаких различий. И если, таким образом, четыре различных нации прошли одинаково этот путь, то не вправе ли мы видеть в этом один из самых основных законов истории, основную схему, на которую нанизываются события конкретной исторической индивидуальности каждого народа? От узкого эгоцентризма до абсолютного космополитизма всеобщего братства всех людей — вот основное направление истории человечества.

Таков путь развития человечества, такова конечная стадия, к которой волей или неволей подходят все народы и все культуры. Мы знаем и можем проследить этот путь развития в истории четырех великих наций. Но кто знает: под обломками вавилонских и ассирийских сооружений, под песками Средней Азии, в волнах, покрывших бывшие материки, может быть, покоятся такие же достижения других народов. Недаром буддисты утверждают, что Будда не первый раз явился на землю, а 24-тым по счету. Смутный отголосок какого-то погибшего космополитизма доносится до нас в предании о смешении языков... Поэтому возможно, что развитие, которое мы подметили в каждой отдельной стране, являлось не новшеством в мировой истории, а только одним из повторений. Подумать: не будь надписей царя Асоки, мы ничего не знали бы, не предполагали бы об его эдикте об истинной победе. Но тогда подмеченный нами закон развития истории дополняется вторым законом: вслед за подъемом идет падение, срыв, неудача. В сущности, и в изложенных выше примерах подъема мы видим черты упадка и разрушения. Мощный, светлый поток животворящих идей Будды и Асоки мельчает, высыхает в песчаных пустынях Азии, заносится бурями переселения народов. Эллада не находит в себе творческого порыва и осуществления. Космополитическая идея Израиля непонята самим народом, в котором родилась она. Каждое достижение вершин соединено со срывом вниз. И невольно напрашивается экклезиастический вопрос: сколько раз еще человечеству суждено вздыматься, чтобы, достигнув сияющих высот духа, низвергнуться в пропасть тьмы?

Необходимость так ставить вопрос была бы неизбежной, если бы условия развития истории оставались неизменными. Но уже в

явлениях, о которых мы говорили, заложены такие особенности, которые сами по себе создают новые, небывалые условия для дальнейших судеб человечества. Если эти явления, каждое в отдельности, может быть, не составляют исключения, то их совокупность должна быть признана совершенно новым, невиданным событием мировой истории. Мы видели: царь Асока свои благочестивые мысли об истинной победе развивал в третьем веке до нашей эры. Примерно в то же время зародилась идея космополитизма в греческом стоицизме. Идея победного до универсализма римского гражданства создавалась к началу нашей эры. И в то же самое время мысль и чувство Израиля на всех людей распространила принцип семейственности. На протяжении короткого времени, всего трех веков, четыре нации пришли к этому принципу, четыре нации сказали: несть эллин, несть римлянин, несть ариец, несть иудей... Такого сближения, такого сочетания вершин развития культуры, такого созвездия светил первой величины — небосклон человеческой истории еще не видел. Историческая астрология вправе была бы сказать: великие, небывалые события ожидают человечество.

Сила этой совокупности, этого сочетания сказалась уже в древности. Хотя античный мир не знал современных средств сообщения, но и тогда идеи одной страны незаметно, но верно просачивались в другую. А тут была эпоха великих передвижений. Войны Александра Македонского, походы римских легионов, оживленные торговые сношения, создание таких центров, как Александрия, как Рим, притягивавших людей из всех стран, сближали народы, знакомили их друг с другом. Поэтому, быть может, даже в самом зарождении идей космополитизма и других, связанных с нею, политических, моральных и религиозных идей мы должны усматривать не только результат самостоятельного, обособленного развития, но до известной степени итог взаимодействия этих культур.

Но тем более должны мы подмечать и подчеркивать взаимодействие культур с момента рождения идей, которые мысль народов выводили за тесные политические и этнографические рамки и ставили перед ними всечеловеческие, универсальные проблемы. Вопрос о таком взаимодействии тем более законен, что каждый народ, своим путем доходя до общих принципов, как бы дополнял, довершал дело других народов: космополитизм греческой философии получал твердую основу в космополитизме римского государства, и этот внешний могучий остов приобретал духовное содержание в семейственном

космополитизме израильской религии и морали, таивших в себе отклик великим идеям дальнего востока. Жажда синтеза, слияния всего человечества в органическую монолитность духа овладевает умами и душами людей. Еврей Филон Александрийский пытается с израильского берега перебросить идеологический мост через пропасть, отделяющую пророков от греческих мыслителей. Плотин пытается методами греческой мысли рационализировать иррациональное и построить синтетическое мировоззрение, в котором было бы место и всезначимости ясной логики греков и таинственному богу востока. Наряду с продуктами духовного развития отдельных великих народов, мы уже относительно древности вынуждены говорить о продуктах смешения, наложения, сочетания и синтеза этих идей. Наряду с изучением генезиса каждой идеи в особенности рождается проблема изучения их взаимодействия. В психологическом механизме их взаимного влияния и слияния лежат тайны создания нашей современной культуры. Все ее особенности заложены в ту эпоху, когда на колоссальное тело римской империи, только сверху затронутое лоском эллинской культуры, нанесены были яркие и жгучие краски Израиля с отблеском сияния далекой Индии. Но известно: математика до сих пор не может решить задачи взаимодействия трех тел, трех безжизненных камней. Здесь же перед нами четыре сложнейших человеческих комплекса. О сложности процессов взаимодействия можно судить по распространению христианства в пределах римской империи.

Апостол Павел

После смерти Иисуса на громадных просторах внешне объединенной римской империи, на двух ее полюсах — в Иерусалиме и в Риме — с небывалым напряжением сгустились две диаметрально-противоположные идеи: идея божественности торжествующей внешней силы — в лице увенчанного императора, и божественности жертвенного духа — в лице распятого Учителя. Нигде и никогда не было более резкого, беспощадного, взаимно уничтожающего противопоставления. Навсегда две максимально отдаленные точки человеческого духа: легионы, окружающие победоносного цезаря, и кучка последователей распятого на кресте. Контрастом этих двух по-

люсов определяется многое во всей последующей истории человечества.

Искрой или молнией, пролетевшей между этими двумя полюсами, разрядившей чудовищное напряжение и создавшей мировой взрыв, был апостол Павел, еврей по происхождению и римский гражданин по праву. Из всех деятелей раннего христианства он более всех известен. О нем, главным образом, повествуют "Деяния Апостолов". Он сам оставил свои письма или послания, которые являются наиболее древним памятником христианской литературы, более древним, чем самое древнее из евангелий. Мы слышим его подлинные слова. По многократным описаниям мы с поразительными подробностями знаем такие эпизоды его жизни, как дамасское видение. Его деятельность, и хронологически и географически, мы можем проследить с точностью, с какой не всегда можно восстановить ход жизни римских императоров. Наконец, по описаниям, хотя и не слишком достоверным, но все же древним, мы видим даже его наружность: низкого роста, с жидкой растительностью на голове, с длинным носом, с кривыми ногами, с жестикулирующими руками, с пронзительным голосом и всепобеждающей проникновенностью речи.

Но вместе с тем, быть может, нет личности в мировой истории, которая представляла бы такие возможности для расхождения в оценке. Павел был основоположником исторического христианства, создателем христианских церквей. Среди первых последователей Иисуса в нем одном мы находим творческий порыв, титаническое напряжение воли, стремление к борьбе и жажду победы: "мы получили благодать и апостольство.... чтобы покорять веру все народы", говорит он о себе. Все другие апостолы, насколько мы можем судить о них, мирные мечтатели, тихие отшельники по сравнению с этим беспокойным, огненно-страстным рыцарем духа. В эпоху раннего христианства в нем одном мы находим подлинного борца и строителя. Но он не только борец и организатор. Он также идеолог. Он создал главную двигающую идею исторического христианства — христологию, любовь к Христу, искупившему человечество на кресте и тем открывшему человечеству путь к Богу и спасению. На любви и благодарности за эту жертву построены все догматы создаваемой им церкви... Конечно, уже то, что Павел создал цикл ощущений и идей, которыми заворожил на 20 веков самые разнообразные народы, — свидетельствует нам о небывалой силе его духа. Он подлинный основатель церкви и сооснователь христианст-

ва. Но всякий читающий евангелия и переходящий к посланиям Павла чувствует резкий контраст, словно из солнечного простора под синим небом входит в сумрачный, таинственный храм: мистическая сверхъестественная любовь к Христу заслоняет, искажает подлинное радостное и светлое учение Иисуса. Из жизни Иисуса Павел помнит только его смерть. Этой смертью люди искуплены, но искупление дано им даром, а смерть эта ложится грехом на всех. И мы видим, как в гневных бичующих словах Павла светлый закон свободы становится законом гнева, как сыны Бога снова превращаются в Его рабов... Возможно, что без Павла евангелия вообще не были бы записаны или не дошли бы до нас. Но зато две тысячи лет мы смотрим на евангелия через призму мятущейся души Павла. В этом смысле нет сомнения: за все искажения подлинного учения Иисуса, которые совершала историческая церковь, первее всех и более всех ответственен Павел. И, во всяком случае, тут роль Павла, при всей ее грандиозности, не универсальна и не вечна: она стоит и падает с догматами исторических церквей.

Но исчерпывается ли этим условным, ограниченным признанием оценка Павла? Нет ли наряду с этим его значением другого, универсального и абсолютного?

В поисках этого абсолютного значения раньше всего бросается в глаза то, что Павел первый в идеологии христианства провозгласил принцип: "Нестъ эллин ни иудей", первый понял универсальное значение христианства и из иудейской секты превратил его в учение для всего человечества. Конечно, этот космополитизм — великая заслуга Павла. Но все-таки нельзя забывать, что он только нашел слова для настроений, которые уже были созданы до него: здесь нет творчества, здесь только ясное понимание чужих мыслей и чувств.

Настоящее значение Павла открывается нам, если мы посмотрим на него не в момент дамасского видения, не в момент спора с первоначальной сектой из-за обрезания, но в момент, когда он в Селевкии сел на корабль, отплывая на Кипр, чтобы начать свою универсальную миссионерскую деятельность.

Что оставлял в это время Павел за собой? Он оставлял наиболее духовно спаянный, наиболее благочестивый, наиболее религиозный и в борьбе за веру наиболее стойкий народ, с которым его соединяла плоть и кровь, с которым он недавно еще был связан пыл-

кой, страстной и деятельной верой, подвигнувшей его на преследование недавних врагов христиан.

Что имел Павел перед собой? Громадную, небывалую в истории человечества мощь римской империи, обнявшей весь тогдашний известный цивилизованный мир, не имевший себе равных ни в настоящем ни в прошлом, гордый, мощный, колоссальный комплекс народов, внешне спаянный силой римского оружия, внутренне объединенный поразительной греческой цивилизацией.

Какую цель ставил перед собой Павел? Цель его была борьба за души людей, борьба за подданных, отторжение сердец и умов и от тысячелетиями сложившегося наиболее благочестивого закона Божия и от наиболее могущественного закона человеческого. Ибо принять веру Павла — это значило раньше и прежде всего духовно освободиться от власти старого Закона и господства римского права. Павел шел в мир, как изменник своей вере, изменник своему народу, изменник римской государственности.

С какими средствами объявлял Павел борьбу этим титанам человеческого духа и силы? С ним были его посох и плащ. За ним оставалась кучка его единомышленников, подозрительно относившаяся к нему и за прошлую деятельность его и за беспокойные призывы оставить порог отчего дома Израиля и идти с проповедью к язычникам: лишь после борьбы было дано согласие на планы Павла. И как легко при первой неудаче могло быть это согласие взято обратно. Не помощь, а препятствия мог ожидать Павел от своих единомышленников.

С какими же словами, что обещая, чем увлекая и обольщая шел Павел к людям, требуя покинуть и иерусалимский храм и римский форум? Шел он к ним с проповедью любить неизвестного еврея, который, по требованию евреев, был позорной смертью казнен римлянами.

Если, таким образом, ясно представить себе внешнюю колоссальность задачи, поставленной перед собой, и внешнее убожество средств, имевшихся в распоряжении, то мы должны признать, что нет и не может быть большего идеализма, большего утопизма, чем мы видим в первых шагах Павла. Уже этим одним он является духовным отцом всех великих идеалистов, всех утопистов, всех мечтателей, противопоставляющих свою мысль и чувство всему миру и всем духовным и физическим силам человечества. В этом смысле он — самый большой революционер, самый большой реформатор,

зовущий людей освободиться от внешних и внутренних цепей и связей: нет сомнения, по методу действия Павел является первым человеком современной культуры. И это значение его абсолютно и непреходяще, каковы бы ни были его задачи по существу, и каковы бы ни были результаты его деятельности и его проповеди.

Но результаты эти превзошли все, что можно было предвидеть. Он оторвал христианскую общину от лона дома Израиля, он оторвал и римлян, и греков, и другие народы от их привычных верований, он оторвал в звериные шкуры одетые дикие народы от их родных, близких и понятных богов, и двадцать веков люди разных народов, разных племен и языков старались думать и чувствовать так, как этому учил Павел. Наибольший идеалист, наибольший утопист оказался вместе с тем наибольшим победителем.

Поистине, если имеются чудеса, то среди них первое место занимает это подлинное историческое чудо, по сравнению с которым, как мелкая обыденность, меркнут наивные и, так легко объяснимые чудеса, о которых повествуют нам евангелия.

Древнее христианство

Вся дальнейшая судьба человечества теснейшим образом связана с делом апостола Павла, со слиянием и синтезом римского внешнего универсализма с израильской идейной всечеловечностью. Отдельные этапы этого слияния известны каждому. Однако, в оценке сложных духовных и организационных процессов, быть может, многое слишком сглаживается, приспособливается к нашему привычному мышлению, так что теряется правильное понимание: подчас кажется, что метод удивления и изумления подводит нас ближе к истине, чем упрощенная рационализация.

Не только такие явления, как преследование христиан, в которых Рим является в чуждой ему роли, так как впервые в такой форме живо заинтересовывается проблемами веры своих подданных; не только явление креста над значками римских легионов по приказу убийцы сына и жены — свидетельствует о сложности и чуждости нашему духу событий, чувств и мыслей того времени. Но достаточно раскрыть сочинения отцов церкви первых веков нашей эры, чтобы убедиться, как странно, необыденно думали и чувст-
вова-

ли люди того времени. Отрывочные сведения о принципах первоначальной христианской общины верующих: царящее в нем братство, равенство всех, как бедных, так и богатых, мужчин и женщин, свободных и рабов, сведения об общности имущества, первые попытки создать правильное организованное представительство, которое на первых соборах достигло значительного, для Рима так поучительного и так нужного совершенства, — все это, казалось, давало возможность и необходимость христианству явиться силой, реформирующей римское право, несущей новые принципы управления и социальное преобразование, если не революцию. Но в христианской литературе того времени мы почти не находим следов такого влияния христианства. Оно было полно новых идей относительно потустороннего мира, от точного установления соотношений трех ипостасей Бога до широко развитой демонологии, сливающейся с прежними верованиями язычников. Но для мира здешнего они явились только с мелочною регламентацией внешнего поведения, с возражениями против бань и частого купанья и с неукротимой яростью взаимных раздоров и распрей. Все овеяно небывалым порывом в потусторонний мир. Для примирения с миром здешним нет ни слов, ни чувств, ни желания, ни организационных возможностей. Христиане первых веков умели умирать, но не заботились о том, как жить.

Конечно, с течением времени, с расширением и затем господством христианства, резкие контрасты несколько сгладились, противоречия смягчились. Во многом изменилось римское государство, от многого отказалось христианство. Это сближение картинно подчеркивается на Никейском Соборе, когда собравшиеся представители церкви приветствовали еще не оставившего язычество императора Константина и даже предоставили ему председательствовать на соборе. Но все же это скорее исключение, чем существо дела. До конца дней Рима оставалось противоречие и даже враждебность двух миров. Христиане, в сущности, ничем не приложились к попыткам спасти рушащуюся мировую державу. Все попытки восстановления силы и могущества совершаются без всякого духовного их участия. *Corpus iuris Civilis*, созданный при господстве христианства, но помимо какого-либо их участия, составляет только мертвый набор повторений того, что говорили римляне до христианства. Самая, очевидно, нужная и так близкая духу христианства мера — освобождение рабов — даже не была поставлена на очередь. Последний классический писатель, а вместе с тем первый писатель

средневековья, блаженный Августин, в своей странной книге "О граде Божьем", написанной под непосредственным впечатлением взятия варварами Рима, произнес беспощадное надгробное слово государству, построенному на убийстве и насилии. И он, знатный римлянин по происхождению, не только ни на минуту не задумывается над вопросом, как спасти или восстановить Рим, но, наоборот, приветствует приходящих варваров, как новых братьев по церкви.

Таким образом, если во всемирной истории после Павла искать синтеза принципов античного мира и Израиля, то следует признать, что для первых веков эта задача оказалась непосильной, неосуществимой. Эту задачу Рим оставил неразрешенной для будущих тысячелетий и для новых народов.

Новые народы

Варвары

Противоречие между Римом и христианством было особенно разительное в отношении к варварам. Еще Ориген в полемике с Цельзом не побоялся защищать позицию, которая с государственной точки зрения являлась и парадоксом, и утопией, и изменой. На упрек Цельза, что христиане отказываются служить в войсках и тем помогать императору в его борьбе с врагами, Ориген не отрицал нежелания христиан воевать, и отказ служить в войсках он защищает как их неотъемлемое право. В этом, по мнению Оригена, нет измены государству, так как христиане своими молитвами сопровождают императора в его войнах. И если бы все римляне приняли христианство, то они молитвами поразили бы неприятеля, или у них не было бы никаких врагов.

Как ни парадоксальна, какъ ни утопична такая точка зрения, история, как мы знаем, до известной степени ее оправдала: все варвары, толпами и ордами нахлынувшие на беззащитный Рим, приняли христианство и из врагов превратились в братьев. Нет сомнения, что этим в значительной степени был смягчен удар крушения мировой державы, хотя за это смягчение церковь заплатила ценой своей варваризации, а человечество — ценою мрака средневековья.

***

Если взглядеться в те данные, которые мы имеем о пришедших и ставших хозяевами варварах, если вчитаться в дошедшие до нас сборники обычаев, в их первобытные кодексы и статуты, то мы

встречаем знакомую картину. Это были кочевники и охотники, не изжившие еще стадии родового быта, регулирующие споры между собой в порядке поединков, а споры с другими родами — кровавой местью, слабо смягчаемой первоначальными зачатками ограничительных правил. Словом, мы видим людей быта, который в Греции был до Троянской войны, в Израиле господствовал во времена Авраама, а в Риме регулировал взаимоотношения до первых законов царей.

Если бы история обладала только этим материалом, то все же поскольку нет никакого основания думать, что законы развития человеческого общества для германских, финских и славянских племен иные, чем для романских и семитских народов, то в будущем следовало бы с безошибочной достоверностью ожидать развития по знакомым уже нам шаблонам: от семьи к роду, от рода к государству, от государства к идее космополитизма и всечеловечности. С теми или иными отклонениями в историческом пути, мы получили бы в результате то, к чему пришла мысль Индии, Греции, Израиля и Рима.

Но картина для новых народов значительно и небывалым образом осложнялась. Уже те древнейшие сборники обычаев или кодексы, о которых мы говорили, написаны не на родном, а на чужом, латинском, языке. Это был язык богослужения варваров, принявших христианство. Вместе с тем это был язык, на котором были написаны законы городов, около которых они селились, а в этих законах отражались греческие принципы городских общин и римские принципы кодекса Юстиниана. Наряду с такой привычной и понятной частной местью, кровавой саморасправой, — варвары повторяли кроткие слова “Отче Наш”, и до них доносились настроения Нагорной Проповеди. Наряду с ограниченностью кругозора, едва перешагнувшего интересы примитивного рода, — в душу посеяны были целые три начала космополитизма и общечеловечности: римский космополитизм государства, эллинский космополитизм философии и христианский космополитизм веры. Новое человечество не знало наивного, простодушного детства. В его колыбели лежали и пожелтевшие свитки Торы, и послания Павла, и римские законы, и “Политика” Аристотеля. Наивные песни и сказания, созданные народом, были насильственно заменены образами и видениями чуждой израильской, греческой и римской истории. И такое сочетание и тесное сплетение примитивной юности живых народов с продуктами высшего до-

стижения уже мертвых народов дано было впервые в мировой истории.

Правда, можно было думать, что старые великие идеи, результат многовековой истории сошедших с мировой арены народов, остались чисто теоретическим поверхностным лоском, не влияющим на ход и развитие жизни. Но исторические факты противоречат такому предположению.

Прежде всего, а вначале, может быть, более всего блеск господства Рима, его универсальное могущество и власть его императоров ослепили вождей варваров. Смутные первоначальные тенденции к образованию союзов родов в виде государств нашли себе готовые формы, готовую идеологию. Принципы колоссального государственного образования стояли перед глазами варварских властителей, вызывая в них желания подражания. В наивной форме рассказывает об этом шурин и преемник Алариха-Балты, Атаульф: "Моим первым желанием было — стереть имя Рима и на его месте создать империю Готов, приняв титул цезаря Августа. Но опыт показал мне, что неукротимая дикость Готов не перенесет господства законов, и поэтому уничтожение учреждений, на которых государство покоится, приведет к гибели самого государства. Поэтому я решил силою Готов восстановить и поддержать то, что я не имел сил заменить. С тех пор я избегал войны и стремился к миру".

В этом небольшом отрывке размышлений варварского вождя дана картина сложности ощущений и мыслей, которыми сопровождался зачаток новых государств: и желание разрушать, и жажда создать "империю", и заманчивость звания "цезаря", и мудрое понимание неукротимой дикости своих сородичей, и страх перед дикостью, которая привела к примирению повелителя варваров с учреждениями древнего Рима.

Св. Римская империя

Принцип государственности, рождающийся в вышеописанной обстановке, был все же исторически преждевременным, слишком теоретичным, не вполне властным в тогдашних условиях Европы. Все время шла неустанная борьба между централизаторскими стремлениями вождей, желавших видеть себя "цезарями" и "неукроти-

мыми" подданными, не желавшими терять своей примитивности, привычной свободы. Кроме того, каждый вождь рода стремился урвать и себе хоть кусок мантии цезаря. И в этой борьбе между централизаторскими стремлениями больших государей и децентрализаторскими, анархическими тенденциями мелких вождей, властителей и князей, создалась сложная феодальная система, в сущности до сих пор не изжитая окончательно европейской политикой и культурой. В самой системе феодализма, раз она установилась, была логическая необходимость не только от централизма идти к партикуляризму, но и наоборот: от партикуляризма — к всеобъемлющему, всеохватывающему единству. И мы видим, как быстро новая Европа привыкла к новой политической реальности, к понятию священной римской империи, по идее обнимающей собой все христианские государства.

Но тут примешивается новая сила: церковь. Уже в стремлениях к королевскому сану или власти цезаря в своих владениях, варварские вожди не раз обращались к содействию церкви, желая таким образом ее авторитетом укрепить свою власть и влияние. Первое вмешательство папы в государственные дела и первое посвящение в короли относится к эпохе, когда Франкский мажордом Пипин сверг короля Хильдерика. Папа санкционировал это и посвятил Пипина в короли, и таким образом создалась традиция, что все великие правители и узурпаторы свою власть старались освятить благословением из Рима. В то время органической слабости королевской власти такое посвящение имело громадное значение: диадема из рук римского папы сразу окружала носителя ее сиянием могущества римских императоров и израильской святостью помазанника Божия. Поэтому мы видим, что потомок Пипина, Карл Великий, придя на помощь папе в его борьбе с врагом в самой Италии, тоже принял корону, и притом уже вместе с саном римского императора.

В момент зарождения этого сана — все это было, в сущности, сплошной теорией, идеей, отвлеченностью. Над "империей" уже в то время Вольтер мог произнести свой приговор: в священной римской империи не было ни "империи", ни "святости", ни "Рима". Но и во власти папы в то время трудно было видеть то, что выросло впоследствии. Ибо в 800 году епископ Рима мало чем отличался от других епископов, и даже церковь северной Италии не признавала его авторитета. Но если вначале, при основании, новая римская империя была почти чистой теорией, то в дальнейшем этот факт имел неисчислимые практические последствия. Прежде всего, коронование

императора возвысило папу над другими епископами и создало таким образом основу организации католической церкви. С этого дня заложены были основы замечательной идеи о соотношении светской и духовной власти, создано было учение о стройной космополитической иерархии властей: Бог на небе, папа на земле, как представитель его, посвящающий императора; император дает короны королям, короли — князьям и графам, и т. д. через все многочисленные ступени феодальной иерархии. Наряду с чисто локальным своеобразием, эта идея все же может быть названа первой утопической попыткой осуществить царство Божие на земле. В ней государство подчинялось высшему принципу, в ней все народы и царства входили в общечеловеческую систему семьи христианских народов, которым не нужны были ни распри, ни раздоры, ни войны, так как для всех споров уже имелся высший судья на земле. И этот высший судья — не с мечом, а с посохом. Дорога к этой высшей на земле власти — не на поле сражений, не через горы тронов в боях, а подвиги мудрости, смирения, человеколюбия и благочестия.

При всем величии этой идеалистической попытки осуществления моральной идеи на земле, в ней, конечно, таилась грозная опасность человечеству: застыть в окаменевшей форме стройной системы. Перед небывалым сочетанием духовной и светской силы и власти, перед грандиозным, универсальным, всеобъемлющим коллективом, личность человека, находящаяся на самом низу громадной пирамиды, задавленная всею тяжестью ступенями высящейся иерархии, могла оказаться бессильной и навсегда поработенной.

Костры средневековья показывают, что такая опасность не была пустым звуком. Варварство, суеверие и узость мысли людей, оказавшихся вершителями судеб человечества, стоила неисчислимых жертв. Миллионы были сожжены, миллионы были убиты, заточены, превращены в рабов. И, казалось, человечеству не дано было выхода из этого мрака, так как путь из духовной темницы заграждал невиданный союз духовной власти, считавшей себя единственной вправе распоряжаться именем и авторитетом Бога, и светской власти, которой единственно принадлежал земной меч. И то, что гонители свободного духа были чаще всего идеалисты и утописты, для себя лично не искавшие ничего, а искренно думавшие, что они должны спасти человечество, как ни характерно это, и как ни по-

во в истории, все же покамест только увеличивало опасность человеческой личности на веки остаться поработенной.

К счастью для человечества идеалистическая утопия средневековья оказалась практически неосуществимой. Силы, уравновешенные в теории, в жизни оказались враждующими друг с другом. И чуть ли не на следующий день после коронования Карла Великого начались раздоры и распри между отдельными элементами этой системы.

Этими распрями проникнута история всех стран и народов. Борьба городов с феодалами, борьба феодалов между собой и с королевской властью, борьба королей с императорами, борьба за императорский титул — с разными перипетиями, с разными результатами, велась в Италии, во Франции, в Германии, в Польше, в Англии. Но на континенте Европы более всего напряженной была борьба между представителями высшей светской и высшей духовной власти, между папами и императорами. Драматическим апогеем в этой борьбе и незабываемым по поучительности образом являются три дня 25-27 января 1077 года, когда император священной римской империи и повелитель Германии, Генрих IV, стоял перед запертыми воротами замка в Каноссе и молил папу Григория VII о прощении. Но не всегда папа торжествовал в борьбе: тот же Григорий VII погиб в изгнании. И с чрезвычайным упорством ведшаяся борьба по существу расшатывала всю систему, созданную Карлом Великим и папой Львом, духовно и психологически ослабляя и высшую духовную и высшую светскую власть. Ученые и писатели брались за перо, развивая идеи в пользу одной или другой спорящей стороны. И личность, вместо скромного места на последней ступени сложной иерархии властей, — неожиданно заняла место судьи в споре между высшей духовной и высшей земной властью.

Личность в новой истории

Если нашу культуру исследовать по отдельным элементам, составляющим ее, по главным движущим и могущественным силам, определяющим ее развитие, — то можно было бы предложить деление на историю церкви, историю государства и историю личности. История церкви — от Израиля и апостола Павла. История госу-

дарства — от Рима и властителей варваров. И история личности — от “неукротимой дикости” варварских масс и сочетания ее с истинным библейским, евангелическим духом.

В сущности, и апостолу Павлу, в момент начала его космополитической деятельности, мерещилось достижение высшей человеческой свободы: он ведь шел как освободитель от гнета исторически известных коллективов: старого Закона и римской власти. Новый же коллектив христианской церкви, со всеми его недостатками, он не мог ни предвидеть ни предугадать. И, вероятно, многие подлинно евангельски настроенные души, искатели спасения в свободном порыве души, сжатые в тиски канонов и церковных учреждений, с тоской вспоминали душевное приволье и свободу, веявшую над первоначальной христианской общиной. И эта тоска встрети-лась, нашла созвучие в тоске варваров, из приволья прежних лесов и степей втиснутых в рамки новой и чуждой для них государственности. Здесь двойной источник неустанного бунтарства нового человека.

В разных неожиданных, подчас могущественных формах выражается оно. Чисто религиозное искание и неудовлетворенность нашла себе мощное выражение в монашестве, принцип которого, занесенный, повидимому, с востока, пустил глубокие корни в европейской жизни. Уйти от семьи, уйти из дома, из общины, из государства, из церкви — в пустыню и там обрести желанную свободу, жить, чувствовать и молиться по-своему, по-своему искать пути и непосредственного общения с Богом — стало кличем многих сильных, неподатливых натур. И монашество из подвига отдельных личностей превращается в социальное движение, вырастает в значительную силу, с которой приходится считаться и церкви и государству.

Уже в рамках монашества мы видим не единообразие, а многогранность индивидуальностей. Мы видим не только строгий образ жизни, молитвенность, но вместе с тем — искания на самых разнообразных путях. Выросшие монастыри явились сосредоточием учености. Благодаря им сохранились сочинения греческих и римских писателей. В их стенах зародились первые побегы новой образованности и науки. Из монастырей вышли первые реформаторы. И не забудем: в монастыре раздался первый взрыв пороха, разрушившего всю феодальную систему.

Но навеянное Востоком и питаемое непримиримостью современного человека монашество было не единственной областью, где

свободолюбивая душа новых людей находила себе свои собственные, самостоятельные, ни от кого не зависящие пути.

При сравнении положения и роли личности в древнее время и у новых народов бросается в глаза то обстоятельство, что в прежние эпохи личность была безвестной. Имена полководцев, государственных деятелей, философов и писателей дошли до нас. Но архитекторы, техники, изобретатели, путешественники, купцы, промышленники — безгласны, безымянны, скрыты от нас. Хотя и в то время жизнь не стояла на месте. И в древности строились великолепные здания, храмы и дворцы, воздвигались замечательные памятники, придумывались новые способы производства, завязывались сношения с далекими странами, открывались неизвестные области мира, но мы можем говорить только об эпохе, о народе, к которому относятся эти новшества, эти достижения на пути прогресса и благосостояния, но личность творцов навсегда скрыта от нас. Даже ваятели и художники, творчество которых сугубо индивидуально, не оставили имен на своих произведениях. И, несмотря на высокое искусство древней пластики, до нас дошло всего несколько имен ваятелей, и то благодаря их связи с тогдашними политическими деятелями. И это не только неполнота исторических сведений. Нет, прежний мир не понимал, не умел ценить личность в ее созидательном творчестве. Платон в своей Республике, с такой подробностью развивший нам идеал быстроногих юношей-воинов, лишь мельком, среди многих других категорий низких ремесленников, вскользь упоминает о строителях, а между тем весь образ Эллады, дошедший до нас, создан этими великими художниками, строителями неподражаемо прекрасных отдельных сооружений, изобретателями непревзойденных архитектурных стилей.

Новое время иначе смотрит на созидательный труд человека, и мы давно уже привыкли при виде замечательного сооружения, дворца, церкви, памятника, статуи, картины, фабрики спрашивать не имя лица, по приказу которого или для кого это сооружено, а кто это сделал. В Сикстинской капелле в Риме мало кто помнит, какой именно папа приказал ее соорудить, но все знают, кто расписал ее плафон. По всей Италии, этой колыбели современного человеческого духа, любая церковь, любая статуя, любая картина, если только она не является памятником древности, связана с именем создателя и строителя. Даже части здания, алтари, двери, каминны сохраняются в памяти людей как творчество определенных,

более или менее известных лиц, связанные с определенными более или менее громкими именами.

И всякий шаг движения культуры вперед — для нас органически связан с определенной, отчетливой личностью, которая с живой конкретностью продолжает жить в нашей памяти. Любой способ приготовления красок, метод ваяния, открытие законов перспективы, умение перекрывать куполами большие пространства, — всякая деталь в изучении человеческого тела, всякая новая способность понимать природу, изображать ее или воспользоваться ею — связаны с определенной личностью.

И если мы пристальнее взглянем в этих людей, то нас поразит своеобразие и пестрота творческих характеров — в новом обществе всякая индивидуальность находит не только свое применение, но даже свое самостоятельное царство — область, в которой она повелевает. Тут и смелые авантюристы, которым тесен мир, тут и тихие мечтатели, которым слишком просторно в маленькой комнате, тут и люди, умеющие радоваться всем радостям жизни, но тут же аскеты и отшельники, бегущие от сияющего солнца в тень монастыря. Всякий ремесленник, мастер всякого цеха, представитель всякой, казалось бы, самой низкой профессии — словно хочет показать, что во всякой работе, во всякой области труда возможны великие достижения и поистине царские победы. Вспомним: работая только над дверьми маленькой часовни во Флоренции Гиберти создал перелом в скульптуре и положил основу искусству великого века Возрождения.

Но и эти достижения даются не даром. По усилию воли, по упорству, по напряжению, по усидчивости, по умению достигать великих задач с мельчайшей кропотливостью в деталях — новый человек органически сочетает терпение восточного раба с размахом римских повелителей. Творение Гиберти называли “Дверьми Рая”, но зато он 40 лет своей жизни посвятил им, учась, обдумывая мельчайшие подробности не только основных барельефов, но и всякой завитушки, всякого стебелька в окаймляющих их рамках. С каким напряжением работали новые люди свидетельствует биография всякого из них. Паоло Учелло, один из решивших труднейшие задачи перспективы, работал целыми ночами напролет. Когда жена звала его спать, он ей отвечал: “О какая сладостная вещь перспектива!”. Вот как биограф описывает работу Микель-Анджело:

“Я могу подтвердить, что я видел Микель-Анджело в возра-

сте свыше 60 лет и не в лучшем состоянии сил, и он все же в четверть часа отбивал в самом твердом мраморе более осколков, чем трое юных каменотесов в состоянии сделать в три или четыре часа, — я бы сам этому не поверил, если бы не видел собственными глазами. Онъ работал с такой яростью и остервенением, что мне казалось, что вся глыба разлетится в куски; одним ударом он отбивал куски толщиной в три или четыре дюйма, и притом так тонко соблюдал линию, что если бы он отбил на толщину волоса больше, все произведение погибло бы, ибо ошибку в ваянии из мрамора нельзя исправить”.

Наряду с этим упорством и силой в труде, новая личность полна невероятной титанической отваги. Ее смелости и дерзости нет пределов. Венецианские братья Поло одни, без спутников, смело углубились в неизведанные просторы и области Азии, дошли до Великого океана и побывали в странах, имена которых не были известны никогда никому из народов около Средиземного моря. Когда Марко Поло вернулся в свою родную Венецию и описал все эти страны, все считали его описание фантазией и выдумкой, пока потом другие путешественники, найдя удобные и постоянные пути, не подтвердили, что все это правда. Говорят, когда повелитель полчищ мусульман, идя по северному побережью Африки, дошел до океана, он заставил своего коня войти в море и сказал: “Дальше нет пути”. Да, для государя, идущего с мечом и кровью, дальше не было пути. Но для личности как раз в этом направлении лежал самый замечательный путь. Отшельник-ученый Тосканелло около Флоренции, раздумывая над сочинением Марко Поло и сочетая его сведения с новыми данными астрономии, пришел к убеждению, что земля кругла, и что поэтому Индии можно достичь, плывя океаном в западном направлении. Этой мыслью воспламенилось воображение бедняка-мечтателя, неизвестного по происхождению, Колумба, и Новый Свет был открыт в том направлении, где для путей царя был положен предел.

В древности человек был тесно связан со своей родиной, своим городом, своей общиной, государством или народом. Новый человек такой связи не знает. Он чувствует себя хорошо и как дома во всем мире. Братья Поло для успокоения совести брали с собой в путь буллу папы, поручающую им распространение света христианского учения в странах Востока. Но, достигнув восточных пределов Азии, они брали поручения тамошнего повелителя и с его

дипломатическими миссиями путешествовали по другим странам далекого Востока. Леонардо-да-Винчи работал на пользу флорентийской республики, как и на пользу ее врагов, миланского герцога и французского короля Франциска I. О происхождении Колумба спорят и теперь разные нации. Но менее всего имеется данных, чтобы он был испанцем, хотя свои открытия он совершил под испанским флагом.

И новый человек свои силы черпает не только в своем ближайшем окружении. Он прислушивается ко всем разговорам, ко всем шумам, и близким и далеким, схватывает налету эхо событий, доносящееся из далеких стран. Услышав об увеличительном стекле, изобретенном в Германии, Галилей строит свой телескоп и на вечно неизменном небе видит то, чего никогда еще не видел глаз человека. И не только в настоящем ищет личность опоры и средств для своих целей. Прошлое тоже раскрывает для нее свои тайны. Решая вопрос о перекрытии громадного, небывалого пролета собора во Флоренции, Брунелеско изучал старинные римские сооружения и угадал технические приемы древности. От забытого Эвклида и Архимеда началось развитие математики и механики наших дней. Границы народов, царств, стран, континентов и веков тесны для нового человека. "Я и весь мир", "я и все человечество" — вот его принципы, вот пределы и средства его творческой, созидательной работы.

Героические силы дают титанические результаты. Представления о пространстве мира раздвинуты до истинных, окончательных пределов. Хрустальный свод неба, сдавливавший мысль древних философов, разбит, и беспредельное пространство с неисчислимыми мирами впервые засияло над человечеством. Во всем простом и близком подслушаны и, если не разгаданы, то почувствованы великие тайны.

Новый человек работает не как покорный раб. Нагромождая глыбы для здания новой культуры, он не тащит их под бичом повелителя и надсмотрщика. Сознание своей титанической силы и могущества никогда не покидает его. И хотя, как гражданин государства, он еще целует руку государя, опускается на колени перед папой, вымаливает подчас себе и своему делу червонцы, но поосторожнее приближайтесь к нему во время порывов творчества! Когда настоятель монастыря около Милана, где Леонардо-да-Винчи рисовывал Тайную Вечерю, утомленный медлительностью работы,

просил мастера поторопиться, тот ответил, что он не нашел еще модели для Иуды, но если настоятель хочет поторопиться, то он может в качестве модели воспользоваться им. Когда папа таким же образом торопил Микель-Анджело, расписывающего плафон Сикстинской капеллы, и своими посещениями надоедал и мешал ему, то один раз, как только папа показался у входа, сверху, где работал художник, сорвалась тяжелая доска и свалилась к ногам перепуганного папы, который с тех пор уже не решался показываться в капелле. Колумб велел цепи, которые были надеты на него, положить в свой гроб.

Личность, церковь и государство

Все растущее самосознание личности прежде всего столкнулось с духовной властью, с исторически сложившимися церковными учреждениями. Здесь была сила, давящая на самое важное и святое для личности — на свободу творческого духа. Здесь была самая большая опасность для будущего, здесь лежали самые глубокие обиды в прошлом. И мы видим, что даже в средние века, в момент столкновения папской власти с властью императора, выдающиеся представители нового духа, не колеблясь, со всей решительностью встали на сторону светской власти, на сторону императора, против чрезмерных домогательств папы. Данте Алигьери лютию поэта меняет на перо публициста и в трактате «О монархии» пишет апологию светской власти с императором во главе: вопреки учению церкви, он доказывает, что император так же непосредственно поставлен Богом для решения земных дел, как папа для духовных дел. Еще далее идет на пути идейного протеста против домогательств церкви Марсилиус Падуанский, который в защиту отрешенного папой от церкви Людовика Баварского написал сочинение: «Defensor pacis», доказывая, что домогательство папою главенства не только в делах светских, но и в делах духовных не основано на св. Писании.

Эти тенденции, развенчивающие власть церкви, получили дальнейший толчок в новом отношении к св. Писанию, которое мы видим на переломе средних веков. В эпоху начала возрождения новый человек под развалинами древних сооружений, в земле, в пыльных

хранилищах монастырей, церквей и библиотек, нашел не только Платона и других греческих классиков, не только римских писателей и своды римских законов, не только образцы древней мысли, науки и искусства. В это самое время он нашел также и Библию. Книга эта стала переводиться на все родные языки, стала переписываться, наконец, печататься. Другие системы древней мысли толкали на сравнительное, критическое изучение. Явилось сознание, что к Библии лежит путь не через господствующую церковь, а через разум и душу, через свободное восприятие каждого человека. Средостение между человеком и Богом, в виде освященных церковью догматов, стало рушиться. II личность почувствовала дуновение мощного порыва, дышащего с каждой страницы Евангелия, почувствовала силу личного подвига апостола Павла, почувствовала противоречие между великой преемственностью евангельского слова и сложным, дарящим аппаратом церковных учреждений, с сетью непримиримых условностей. Проповедь духовного освобождения, требование церковной реформы раздавались все решительнее и настойчивее, пока упорный и хитрый монах-расстрига Лютер, искусно лавируя в сложной системе феодальных властей, пользуясь взаимными антагонизмами и конфликтами, не завершил дело эмансипации личности от принудительного господства церкви, навсегда установив для всех стран и народов, как протестантских, так и католических, принцип свободного подчинения вере.

В этих требованиях реформы было отличие от прежних нападок на церковь. Там шла речь о том: папа или император. Здесь же о светской власти шла речь косвенно. Лишь второстепенное, несущественное, отвоеванное от церкви переходило в руки государства. Это не будет идеалистической фразеологией, а лишь выражением исторической реальности, если мы скажем, что личность отлавала государям и князьям земным богатства церкви, оставляя себе самое главное: свободу непосредственного восприятия слова Божия, непосредственного отношения к Богу. Это стало неотъемлемой собственностью личности, которая получила невиданный до тех пор ореол носителя слова и заветов Божьих. Созданная Израилем и восстановленная священной римской империей идея союза Бога с человеческим коллективом, церковью и государством, видоизменилась в союз Бога непосредственно с каждой личностью.

В принципе личность таким образом приобретала невиданную силу и могущество. Но принцип этот нуждался еще в каком-то но-

вом организационном начале. Непосредственным, реальным результатом победы над духовной властью, над принудительной церковью было то, что личность оказалась лицом к лицу поставленной перед государством, над которым не было никакой власти, никакого ограничивающего начала. Разрушив духовную власть, личность разрушила дуализм властей и создала все условия для возрождения неограниченного государственного абсолютизма и деспотизма.

При политическом раздроблении Европы этот деспотизм был особенно страшен. Раньше все государства мыслились, как члены семьи христианских народов, и этим ограничивались, смягчались их распри. Но теперь, когда этот унитарный космополитический принцип потерял свое значение и силу, что связывало, что регулировало взаимоотношения государств? Неужели человечеству предстояло проделать с начала тот путь, который бесчисленными войнами совершил Рим?

Только один странный писатель, одиночка в полном смысле этого слова, Макиавелли, без сомнений и без колебаний принял этот вывод и попытался дать теорию такого абсолютного, ни во внутренних, ни во внешних отношениях ничем не ограниченного государства. В сущности эта задача была нетрудной: нужно было раскрыть историю Рима, и ответ был дан сам собой. И мы видим, что Макиавелли действительно очень много времени посвящал изучению римской истории и даже написал трактат о книгах Тита Ливия. В замечательном маленьком трактате "О способе действия по отношению к восставшим жителям Валь ди Чиано" он прямо советовал поступить точно по тому примеру, как поступили в аналогичном случае римляне. Точно таким же образом может быть объяснен и его знаменитый трактат "Государь". Все гадания о том, имел ли Макиавелли в виду национальное объединение Италии или какие-либо другие благородные цели, — решительно не нужны. Для них нет ни малейшей опоры ни в тексте книги, ни в других сочинениях, ни в биографии Макиавелли. Но весь текст, все самые коварные советы, которые он дает "Государю", вполне находят себе аналогию в фактах римской истории, и все оправдывается, если только принять, что государство, как таковое, является высшим принципом, не имеющим над собой никаких ограничивающих

начал, а Государь является абсолютным, единственным и ничем не ограниченным выразителем и воплостителем государственной идеи.

Впечатление, произведенное этим трактатом, свидетельствовало красноречиво о том, что новому человечеству римские образцы были уже не по плечу. И как единственный в своем роде курьез, как своеобразный Казанова в политике, остался Макиавелли со своими советами и предписаниями. Загадочная книга — наиболее мягкий приговор. Нравственное помешательство (Моль) — вот правильное выражение чувств, которые вызывает этот трактат в современном, новом человеке.

**
*

Поставленная лицом к лицу перед государством личность не подчинилась ему, не примирилась с его неограниченной властью, но стала искать путей к ограничению, к ослаблению его, к подчинению какому-либо новому высшему регулирующему, императивному началу.

Мысль шла в двух направлениях. Одно искало ограничительного начала в противопоставлении государя и народа. Государь обязан пользоваться властью на благо народа. И если он этого не делает, то основание его власти падает, и народ имеет право на восстание. Монархия, ограниченная правом подданных на революцию, — вот парадоксальный и не обещающий ничего утешительного принцип, к которому приводили всевозможные теории так называемых “монархомахов”, возникших одновременно с реформацией. Не говоря о том, что эта идея была немыслима в организационном осуществлении, она в сущности не достигала поставленной цели. Она ограничивала власть государя. Между тем вопрос шел об ином: об ограничении власти государства. По теории же монархомахов, если государь правил в согласии с большинством народа, он был абсолютен, и меньшинство или отдельная личность были совсем бессильны перед лицом такой государственной власти. Кроме того, в ней не было никакого начала для регулировки отношений государств между собой.

Гораздо глубже ставило вопрос другое смежное, а часто даже переплетающееся течение европейской мысли, развиваемое сторонниками естественного права. Над государем и над государством, со

всеми его учреждениями, над позитивным правом, во всех его проявлениях, и над всеми государствами и народами, во всех их взаимоотношениях, имеется другое вечное, неизменное нормирующее, регулирующее право, с которым должно считаться, которому должно подчиняться или к которому должно приближаться право позитивное. Это представление было общим всем теориям естественного права. Но в дальнейшем сразу начинались резкие расхождения. Прежде всего, что собой представляет естественное право, эта стоящая над позитивным, конкретным правом система. Одни искали его в Ветхом Завете, другие — в принципах Нового Завета, в основных началах римского права, в требованиях человеческого разума, в требованиях сердца и совести человеческой, в началах природы, которой человек должен подчиняться... Далее, как осуществить действительное подчинение государства и права этим требованиям, как внести коррективы, если требования не исполняются? Против государя возможен еще путь, который указывают монархологи. Но как бороться, если сам народ идет по неправильному пути? В конце концов концепция естественного права не пошла далее платоновской идеи философов-правителей, в новом издании в виде просвещенного абсолютизма XVIII века. Континентальная теория оказывалась бессильной внести систему и создать организационные принципы, которые соответствовали бы взглядам, привычкам и желаниям нового человека. И во всех случаях когда в трактатах века просвещения проглядывает новая творческая организационная идея, мы замечаем, что это уже не создание теории, а не что иное, как подражание, заимствование принципов, созданных вне континента Европы, в англо-саксонских странах, в самой Англии или в недавно освободившихся государствах Северной Америки.

Новые правовые принципы (Англия)

В вопросе о взаимоотношениях государства, народа и личности континент Европы ограничился созданием новых теорий. Но практическое решение вопроса в этом случае, как и во многих других, дала Англия, создавшая удивительную систему организационных принципов и учреждений, регулирующих по-новому соотношение отдельных элементов в государстве.

Своеобразная, своя собственная, а вместе с тем универсальная политическая история Англии начинается несомненно с Великой Хартии Вольностей.

Полтора века спустя после того, как мир явился свидетелем потрясающей картины, когда могущественный император три дня и три ночи на дворе молил папу о прощении, он увидел другую картину унижения государственной власти: в 1215 году 15-го июня, на лугу Рунимед, между Виндзором и Стейнсом, английский король Иоанн Безземельный, по требованию баронов, вынужден был тоже "пойти в Каноссу" и подписать знаменитую Хартию Вольностей.

Надо сказать, что сама хартия не была совершенным новшеством в английской жизни. Уже в 1100 году сын Вильгельма Завоевателя, Генрих I, подписал подобный же документ, гарантирующий Англии древние привилегии и свободы высшего сословия наряду со свободой церкви. Вторая хартия, подтверждающая в новой формулировке старую, была дана королем Стефаном в 1136 году. Наконец король Генрих II в 1154 году опять дал подтверждение вольностей, гарантированных первыми хартиями. Уже тут до нас доносятся отзвуки споров с государством не со стороны по идее высшей, духовной, власти, но со стороны низшей, со стороны носителей принципов древних свобод и привилегий. Здесь выступают силы, которых не знали ни Израиль, ни Рим, притязания которых не находили себе обоснования ни в официальной идеологии церкви, ни в идеологии государства. И замечательно, что английское духовенство идет совместно с носителями идеи исконных народных свобод и к голосу баронов, отстаивающих свою автономию против поглощения ее государственной властью, присоединяет и свое требование о свободе английской церкви. В отличие от континентального спора между церковью и государством здесь идет вопрос не о притязании на верховенство, не о примате власти, не о том, кто выше — высший представитель духовной или высший представитель светской власти. Для деятелей этой эпохи в Англии не было никакого сомнения, что король выше и каждого отдельного барона, и даже, пожалуй, всех их вместе взятых. Здесь спор идет о сужении власти, об ее ограничении. Здесь подчиненные, подданные, стоящие на более низкой иерархической ступени, как таковые, выговаривают себе права и свободы, которых выше стоящая власть не вправе затрагивать. Этим в понятие государственной власти и ее

соотношения с подданными вносился новый принцип, новое, в высокой степени своеобразное, а для истории неоценимое начало.

Но если прежние хартии были даны при условиях, не привлекавших к себе значительного внимания, то подписание хартии Иоанном Безземельным явилось громким событием, нашедшим гулкий отзвук во всех христианских странах. Недовольные своеволием короля бароны по инициативе архиепископа кентерберийского решили требовать подтверждения прав, гарантированных Генрихом I. Во главе баронов стал Роберт, сын Готье, принявший характерное название "Маршала армии Бога и святой церкви". Однако до вооруженного столкновения дело не дошло. Покинутый всеми король вынужден был уступить, и проект хартии, с небольшими изменениями, был подписан.

Новейшие исследователи склонны развенчивать этот замечательный акт, доказывая, что он лишь по недоразумению считается началом и основой всех современных гражданских свобод и учреждений народовластия, что на самом деле восставшими руководили не какие-либо высокие идеалы, а своекорыстные и реакционные тенденции сохранить в неприкосновенности все недостатки и несовершенства привычных и выгодных для них феодальных пережитков. Мы теперь только вкладываем свои понятия в слова, которыми выражались совершенно другие мысли и чувства. Как разительный пример указывается, что даже знаменитая 39 статья, устанавливающая, что никто свободный не может быть лишен свободы или ограничен в правах иначе, как по суду ему равных и по закону страны, статья, которая для нас теперь выражает основные начала уголовного права и судопроизводства, имела в виду сохранение сословных, обособленных, кастовых судов и требовала, чтобы судебные споры решались по старым обычаям, в порядке поединка.

Эти указания до известной степени неопровержимы. И можно только подивиться странной игре случая, что для старых понятий нашлись такие слова и выражения, которые оказались совершенно соответствующими и тому новому смыслу, который в них впоследствии был вложен. Но, независимо от этих случайных совпадений, Великая Хартия по своему общему характеру и в особенности по условиям создания была великим новшеством, открывшим собою новую эпоху. Перед лицом всего христианского мира король, представитель высшей земной власти, помазанник высшей духовной власти, был вынужден своим подданным подписать обещание, ограни-

чивающее его власть. В этот момент родилась идея стоящего выше короля закона и права, которому он обязан повиноваться, который он не может нарушить. В этот момент явилась идея народа, который может принуждать представителя высшей государственной власти в государстве поступать в соответствии с его желаниями, и таким образом на лугу Рунимед был нанесен смертельный удар идее абсолютной государственной власти, и Великая Хартия Вольностей является источником принципа народовластия, прообразом всех конституций до нашего времени.

Наряду с этим — и это может быть важнее всего — в статьях хартии, обеспечивающих известные права “всякого свободного человека”, явились зачатки идеи, что не только народ в целом, но и отдельные граждане, как таковые, обладают некоторым объемом неприкосновенных прав и свобод, которых никто от них не вправе отнять. Пусть Великую Хартию Вольностей составили и заставили подписать во имя интересов небольшой кучки баронов. Важен был принцип: расширить его на новые, более широкие, категории лиц не представляло труда. И таким образом в Великой Хартии Вольностей в зародыше уже заключалась идея всех деклараций прав человека и гражданина, какие только были составлены до наших дней.

Нельзя сказать, что это принципиальное значение хартии не было понято современниками. Прежде всего заволновался папский престол, почувывший в этом организованном бунтарстве грозную будущую опасность. И папа Иннокентий III уже в августе 1215 года торжественно запретил исполнять хартию, тем освобождая короля от данного им слова. Сами короли английские постоянно систематически нарушали хартию: достаточно сказать, что народу английскому пришлось 32 раза заставлять своих королей подтверждать ее; один король Эдуард III 15 раз подтверждал ее. Отсюда ясно, сколько раз она была нарушена. Но в конечном счете новые тенденции, которые заключались в хартии, победили, и она стала неотъемлемой частью правосознания англо-саксонских стран, а впоследствии и всего культурного мира.

Если на континенте Европы на протяжении всего Средневековья политические распри и споры вертелись вокруг двух понятий: церковь и государство, и даже уже: папа и император, то в Англии проблема с момента создания Великой Хартии Вольностей значительно осложнилась. К понятию церкви и государства, пред-

ставляемого королем, присоединились еще два понятия: народ со своими правами и свободный гражданин, как таковой, со своим кругом неотъемлемых прав. И вся политическая история Англии совершается под знаком сочетания между этими четырьмя движущими и все время себя сознающими силами.

Идея п р а в н а р о д а привела к созданию представительной системы, обеспечившей народу ту возможность, которую не столько принципиально, сколько технически потерял римский народ с того момента, как оказалось невозможным созывать народные собрания. Слабые, но заметные зародыши принципа представительства были даны уже самой Хартией Вольностей, предусматривавшей создание наблюдательного совета баронов, который в случае нарушения хартии королем имел право призывать баронов к оружию. Таким образом создана была возможность народу технически осуществлять свои права, а кроме того возможность расширения самой базы народного представительства, в виде образования, наряду с верхней палатой, палаты нижней, и расширения избирательной базы последней. Поразительная гибкость и приспособляемость была создана в этом гениальнейшем изобретении англичан. Получив орган проявления, идея участия народа во власти все росла и ширилась. Из оборонительной позиции, в которой она находится в Хартии Вольностей, скоро идея народовластия переходит в наступление. Вопрос о соотношении прав короля и народа неоднократно на протяжении истории Англии в разных видах ставится на очередь. И, несмотря на прирожденную склонность к компромиссу, несмотря на умение сочетать противоположные идеи, все больше начинает доминировать идея, что народ является источником прав и законов, а король должен подчиняться законам, и таким образом создалось убеждение в том, что народ выше короля. Во время пуританских войн, со взятием короля в плен и судом над ним, эта идея получила законченное выражение. В формальном обвинительном акте власть короля и существо преступления Карла I определяются такими словами:

“...Упомянутый Карл Стюарт, поставленный королем Англии и таким образом облеченный ограниченной властью управлять не иначе, как по закону и в согласии с законом страны, и своим положением, присягой и должностью обязанный употреблять вверенную ему власть на благо и пользу народа и для сохранения прав и свобод граждан; он, несмотря на все это, в коварном на-

мерении создать и поддерживать неограниченную и тираническую власть управления по своему усмотрению"... Далее шло описание истории борьбы короля с парламентом.

Король ответил, что обвинение его и суд над ним противоречат и божественным и земным законам: "Обязанность подчинения королю ясно установлена, и точно предписывается как в Ветхом так и в Новом Завете, что, если угодно, я сейчас могу доказать. Относительно составляющего спор вопроса, сказано: Слово царя властно, и кто скажет ему: что ты делаешь (Эккл. VIII, 4)?"

Поразительное место. Для своей защиты во всем священном Писании король не нашел лучшего текста, чем эти двусмысленные слова наиболее темной части Ветхого Завета. Но лучших текстов там не имеется. Ветхий Завет всегда с долей укоризны и неодобрения смотрел даже на самых излюбленных царей и отнюдь не склонен был одобрять их попытки к самовластию. Новый же завет уготовывал царям еще более скромное место. Теологические аргументы были на стороне обвинителей, а не защитников короля. Суд состоялся, король был признан виновным и приговорен к смертной казни, и этим в драматической форме был подчеркнут исход спора о первенстве народа или короля. В истории известно не мало случаев, когда царей убивали. Мы уже упоминали, что в одном Риме около 50 императоров было убито. Но, быть может, ничто не освещает так ярко духовное различие нового мира со старым, как этот суд над королем. Если в убийстве римских императоров мы вынуждены видеть выражение крайнего бесправия, то в суде над несчастным Карлом I мы усматриваем торжество права: в нем получило законченное выражение начало подчинения короля закону, начало ответственности всех без исключения правителей перед народом, которому они обязаны служить.

**
*

Наряду с этой линией развития начал, заложенных в Великой Хартии Вольностей, начал прав народа, превратившихся в принцип организованного народовластия, в английской истории все время идет другой процесс: уяснения, консолидации и оформления п р а в л и ч н о с т и, которые противопоставляются всякой власти, как власти короля, так и народа. Этот элемент особенно важен, ибо он совершенно чужд прежним культурам. Ни

Израиль, ни Рим, ни даже свободолюбивая Греция не знали, не представляли и не могли бы даже понять, чтобы личность, как автономную величину, обладающую какими-то неотъемлемыми, врожденными правами или свободами, можно было противопоставить коллективу, государству или народу. Личная свобода фактически могла существовать. Но теоретически ее ни обосновать, ни осознать, ни тем более постулировать или оформить мыслители древности не были в состоянии. Эта идея, такая теперь для нас привычная, является созданием новой истории и одним из самых надежных и существенных устоев современной культуры.

Эта мысль, как мы уже упоминали, в зародыше уже имелась в Великой Хартии Вольностей, которая обеспечивает не только интересы высшего класса нации, но и отдельных представителей, всякого "свободного человека". 39 статья Хартии устанавливала, что свободный человек не может быть лишен принадлежащих ему прав иначе, как по суду "равных ему" и по законам страны. По мысли составителей эта статья должна была лишь обеспечить сохранение прежних, старых свобод, отражающих в себе еще родовой быт норманов и англо-саксов. Но вместе с тем она явилась основанием незыблемости института суда присяжных в Англии. Этот институт ограничивал не только права короля, но и права народа, права парламента. Закон, изданный народом в согласии с королем, все же для своего применения, если дело шло об ограничении прав отдельного гражданина, нуждался в каждом конкретном случае еще в санкции "равных". Эта мысль была новая по сравнению с организацией народного суда в древности. Там суд заменял собой народное собрание, был его суррогатом. Здесь же судьи представляют собой не столько народ, сколько отдельных граждан, как таковых. Поэтому здесь имеется элемент ограничения государственной власти в пользу прав личности, как таковой.

Наряду с этой идеей комплекса принадлежащих личности прав и свобод, которые нельзя отнять без согласия равных, сравнительно очень рано родилась идея, что каждая личность имеет известный объем неотъемлемых, неотчуждаемых прав, которых никто, никогда, ни в какой форме не может отнять, идея прав, над которыми не властен ни король, ни народ, ни закон, ни суд, хотя бы это был "суд равных". Эта мысль никогда не была забыта на протяжении всей истории Англии, и во всех социальных, политических и религиозных движениях и конфликтах она находит своих глашатаев,

своих защитников, находит, наконец, в той или иной степени свое правовое признание.

С особенной наглядностью это проявлялось в тех случаях, когда личность оказывалась поставленной против короля и парламента. По старинной поговорке английских юристов король и парламент может сделать все, кроме как женщину превратить в мужчину. Но является ли личность вполне безоружной перед лицом этого сочетания короля и народа? И мы находим разительные примеры, что сравнительно очень рано английская мысль признала, что даже перед таким сочетанием личность имеет свой круг неотъемлемых прав.

Уже а priori нетрудно догадаться, что в таких случаях человеческая личность должна искать прибежища в третьей силе современности — в религии. Как раз в плоскости религиозных вопросов даже наиболее мощно сконсолидированное государство могло оказаться беспомощным. Пока путь к Богу лежал исключительно через церковь, личность из-под власти одного коллектива попадала во власть к другому. Но с тех пор, как личность нашла непосредственный доступ к Библии, с тех пор, как ее совесть и сознание стали носителем Бога, и тем самым восстановилась непосредственность отношений к Богу, вопросы верования и религии стали неотъемлемой принадлежностью личности, основной свободой, к которой уже впоследствии присоединились все другие свободы.

Одну из интереснейших и поучительных иллюстраций этому дает биография самого глубокого из писателей-утопистов нового времени, Томаса Мора. Любимец короля Генриха VIII, долгое время Лорд-Канцлер, личный друг и до известной степени единомышленник многих выдающихся деятелей английской реформации, автор знаменитой Утопии, давшей нарицательное имя для всякой конкретной мечты человечества о будущем, в своей книге изобразил строй, основанный на признании свободы совести каждого человека, и несколько красноречивых страничек посвятил защите этого принципа. Когда в Англии совершился разрыв короля с папой, парламент главой церкви провозгласил короля. Это сочетание духовной и светской власти было не по душе Томасу Морю, и он отказался принести соответствующую присягу королю. Посаженный в тюрьму он был поставлен лицом к лицу перед неизбежностью смертной казни за ослушание парламенту и королю. И вот перед судом в тюрьме произошел следующий замечательный диалог его с Генерал-Прокурором:

Прокурор спросил его:

— Если бы был издан акт парламента, что все государство должно считать меня королем, не стали ли бы вы, мистер Мор, считать меня королем?

— “Конечно, мистер Рич”.

— Но пойдем дальше: если бы был акт парламента, что все государство должно считать меня папой, разве вы не признали бы меня папой?

На этот вопрос Томас Мор ответил другим вопросом:

“Предположим, что парламент издал бы закон, что Бог не есть Бог, стали ли бы вы, мистер Рич, говорить, что Бог не есть Бог?”.

— Нет, — ответил Рич, — такого закона парламент не может издать.

Эта диалектическая победа автора Утопии над Генерал-Прокурором мало помогла Томасу Морю: через короткое время Мор на основании показаний того же прокурора был осужден, и голова его скатилась на плаху. Папа канонизировал этого представителя свободомыслия, приняв стойкость Томаса Мора за верность католической церкви. Но, конечно, это лишь исторический курьез. Томас Мор защищал от посягательства государственного абсолюта не права папского престола, а права человеческой личности.

**

Мы уже упоминали период пуританских войн, когда принцип победоносного народовластия получил такое разительное выражение в суде над Карлом I. Но как раз в то время, когда торжествующий парламент и торжествующий вождь победоносного войска Кромвель, казалось, сосредоточили в своих руках всю мыслимую полноту власти, как раз в это время апогея идеи народовластия, получила наиболее законченное и внушительное выражение мысль о неотъемлемых правах человека и гражданина. Массы и низы армии Кромвеля, находившегося под влиянием наиболее радикального политического течения “левеллеров”, в 1647 году приняли так называемое “Соглашение Народа”, которое было представлено совету армии. Цель составителей этого документа, как они сами в нем говорят, была обеспечить свободу, чтобы в будущем не пришлось опять с такими трудами и опасностями защищать ее. Вот какими словами этот документ определяет права народного представительства:

“Власть этих, равно как и всех будущих представителей нации, подчинена только тем, кто их выбирает, и распространяется, не нуждаясь ни в согласии ни в содействии каких-либо посторонних лиц, на учреждение и уничтожение должностных мест и судов, на назначение, устранение и требование отчета от должностных лиц и чиновников всех степеней, на объявление войны и заключение мира, на заключение договоров с иностранными государствами и вообще на все, что ясно и прямо не сохранено за собой избирателями.

А именно:

1. Дела веры и путей почитания Бога нами не поручаются никакой человеческой власти, так как было бы явным грехом передать кому-либо решение того, что наша совесть считает голосом Бога, однако порядок публичного обучения (поскольку оно не обязательно) передается их разрешению.

2. Заставлять или принуждать служить в войске противно нашей свободе; поэтому это не разрешается нашим представителям. Тем более, что деньги (нerv войны) всегда в их распоряжении, и поэтому они никогда не будут иметь недостатка в людях, способных вести войну за справедливое дело.

3.... 4. Во всех законах, действующих или будущих, все люди должны быть одинаково подчинены, и ни положение, ни имущество, ни привилегии, ни степени, ни рождение, ни место не освобождают от власти законов, которым подчинены другие.

5. Так как все законы должны быть равны, то они должны быть хороши и не должны быть явно разрушительны для безопасности и благосостояния народа.

Мы заявляем, что это является нашими прирожденными правами, и поэтому мы решили и постановили защищать их всеми доступными средствами против всякого покушения”.

В абсолютизме протектората Кромвеля и затем в реставрации эти свободололюбивые голоса были заглушены. Но они не замолкли. И когда реальная обстановка в самой Англии сложилась слишком неблагоприятно для таких тенденций, их сторонники не колебались оставить родную землю и в девственных просторных странах Нового Света пытаться осуществить свои идеалы.

И мы знаем, что там, сперва в наивных и трогательных договорах, заключенных эмигрантами между собой, а затем во время войны за независимость в декларациях отдельных государств Се-

верной Америки, начала, схожие с этим пожеланием войска Кромвеля, были осуществлены, и целый ряд народных собраний принял, как основное конституционное постановление, различные по содержанию декларации неотъемлемых, прирожденных прав гражданина. Потом, под влиянием Франклина и Лафайета, эти декларации стали известны и во Франции и во время великой революции были почти буквально, с небольшими поправками, а отчасти и искажениями, повторены и стали общеизвестными в знаменитой декларации прав человека и гражданина и с тех пор неотъемлемым элементом вошли в правосознание всего культурного человечества.

Сравнение отдельных деклараций между собой, сличение их текста, сопоставление количества и объема неотъемлемых прав — дает для историка поучительные выводы. Но нам теперь достаточно отметить, что формулировки были не одинаковы, значительно колеблясь в сторону большего или меньшего объема прав личности. Достаточно указать, что даже свобода веры не везде внесена в эти декларации, и ни в одной из них нет упоминания о том праве, которого домогались солдаты армии Кромвеля — праве не воевать, ни о праве свободно организовывать общества и союзы, которое впоследствии стало одним из самых мощных орудий личности в достижении поставленных ею целей. Но важно было не столько содержание, сколько окончательное и притом формальное правовое признание, что личность не бессильна перед лицом государства, но обладает известной автономией, известным объемом неотъемлемых, всегда ей принадлежащих, прирожденных прав. В сущности, только этим принципом неотчуждаемых прав личности была органически разрешена двухтысячелетняя проблема: что принадлежит “Цезарю”, и что принадлежит “Богу”, и на место прежнего неразрешимого конфликта и противоречия создана была возможность гармонии между физической силой коллектива и духовной силой современной личности.

***

Таким образом, в результате своеобразной политической истории Англии, те новые тенденции, которые на континенте Европы создали только новые теории, в англо-саксонских странах превратились в плоть и кровь строго очерченной правовой системы. В новых органах народовластия, в принципе гарантий прав и свободы

личности, в признании известного объема неотъемлемых прав личности создавалась современная правовая система, в которой в удивительном равновесии нашло себе выражение соотношение сил государства, народа и личности. И это равновесие сил тем поразительнее, что в этой системе нет ущерба ни одному из составных элементов, но, наоборот, каждый, получая свою определенную, устойчивую, существу вещей и потребностям людей отвечающую сферу, может безгранично развивать свои силы — до предела, до абсолюта. В личной свободе таится залог расцвета индивидуального творчества. В правах народа — источник процветания и разграничения прав всех наций. В отчетливом и новом понимании ограниченности прав государства — создались гарантии против злоупотреблений государственной власти, но вместе с тем заложены основы для небывалого роста государственного могущества и расширения его функций там, где это не противоречит, а соответствует интересам народа и личности. Эта система является в области права подлинно новым словом современной эпохи, и поэтому не будет преувеличением сказать, что современное право всех культурных народов должно быть рассматриваемо, как коллективное творчество античного мира. Израиля и Англии.

НАСТОЯЩЕЕ

Новые силы

Если кому-либо задать вопрос, чем современная эпоха отличается от всех прошлых веков, то, нет сомнения, всякий ответит: наше время небывало по развитию техники, по материальным силам, которыми владеет человек. Если затем попросить кого-либо перечислить, в чем именно заключается это новое, то в ответ мы услышим, что человек научился пользоваться силами природы, что пар и молния, в виде электричества, покорно служат нам, что тысячи разнообразных фабрик с миллионами могущественных станков и машин обслуживают наши нужды, что железные дороги, автомобили, пароходы, аэропланы служат нам сообщением, что книгопечатание, телеграф, телефон и радио дают каждому возможность следить за жизнью всего мира. К этому добавят еще фотографию, граммофон, кинематограф. Этим обычный перечень будет почти закончен. И почти непосредственно за этим последует вздох: внешние успехи даются за счет внутреннего развития, колоссальный прогресс техники подавляет дух человеческий, или, кто любит выражаться фигурально, тот скажет: небоскребы заслоняют нам широкое и просторное небо природы.

Но перечень, данный выше, явно не полный. Прежде всего он касается только машин, аппаратов, побед над мертвой природой. Его надо пополнить перечнем материальных побед в области живой природы. И мы должны сказать, что никогда на земле не возделывалось столько полей, не было таких прекрасных деревьев, не было такой массы полезных злаков, плодовых и ягодных растений, как теперь. Никогда не было таких обильных и равномерных урожаев, каких достигает современная техника агрикультуры. Никогда

на земле не было такого количества здорового и разнообразного домашнего скота, не было таких удачных пород. Искусству селекции в области мира растительного соответствует искусство улучшать породу животных, птиц и рыб, в области животноводства и птицеводства. Но и этого мало. В связи с этим и благодаря высокой технике биологическая сторона человека в наше время поставлена в иные условия, чем было раньше. Никогда пища не была такая обильная, разнообразная, здоровая, приспособленная к потребностям климата и рода занятий, как теперь. Мы не только имеем обилие пищи во всех видах: и твердой, и жидкой, и приправ, но даже то, что известно человечеству испокон веков, теперь дается в лучшем виде: мясо — лучше сохранившееся, молоко — более свежее и чистое, хлеб — лучше выпеченный и приготовленный, зелень — более разнообразная, овощи и фрукты — в большем количестве и выборе. Более того, что проще, что примитивнее воды! А между тем никогда человечество не пило такой хорошей, такой свежей, такой чистой воды, как ныне в самых скученных городах, в самых высоких небоскребах, где вода в небывалом изобилии повсюду послушно сопровождает человека. Если спросить, что наиболее удивительно в нашей эпохе, то наиболее правильный ответ может быть был бы: обилие и доступность свежей, чистой воды.

Эта материальная сторона уже непосредственно касается вопросов человеческой жизни. И мы видим, что статистика, на зло пессимистам, показывает нам, что здоровье людей, в общем, становится все лучше, а возраст жизни — продолжительнее. Количество людей — а это фактор чрезвычайной важности — увеличивается неустанно. Европа в конце 18-го века с трудом прокармливала 150 миллионов людей, ныне же она легко в изобилии питает и одевает около 450 миллионов, и притом не знает, куда девать хлеб. Эти, как будто внешние, материальные вопросы, в сущности, подводят нас к вопросам иного порядка. Вспомним. Готтамо из отчего дома ушел, потрясенный видом старости, болезни и смерти. Правда, и мы не справились ни с одним из этих вопросов, и мы еще болеем, старимся и умираем. Но все же в двух областях уже достигнут великий прогресс. Вид стариков в современной Европе, в особенности в культурных странах, как Англия или Германия, не только не отталкивает, но чаще всего производит чарующе-приятное впечатление. Точно так же мы еще боремся с

болезнями. Но даже в бесплатной муниципальной больнице любой европейской провинции царит чистота и уют, и очень часто знание торжествует над недугом, который раньше неминуемо влек смерть. Бороться со страданиями и побеждать страдания ныне можно не “порывая связи”, не уходя из отчего дома.

Наряду со знанием техническим, утилитарным, прикладным, необычайны высоты знания теоретического, абстрактного, на первый взгляд, быть может, даже подчас бесполезного. Настоящее не подавляет нас, и никогда человечество не знало так прошлого, как его знаем мы. И прошлое наших семей, и прошлое наших народов, и прошлое других народов современной культуры, и прошлое древности. Без колебания можно сказать, что историю Рима, Греции и Египта мы знаем лучше римских и греческих историков или египетских жрецов. Мы знаем теперь о таких культурах, само существование которых в древности уже было забыто. Мы расшифровали клинообразные надписи и египетские иероглифы, которые оставались непонятными уже много десятков веков. Мы расшифровали слова недр земли, и геологические пласты для нас стали красноречивыми страницами в истории земли. Теория Дарвина показала нам картину создания видов живой природы. Астрономия раскрыла тайны создания небесных светил, и взвешивая и измеряя вселенную мы подошли вплотную к ответам на те вопросы, которые когда-то мучили Кевадду и Малунку.

В замечательной, приписываемой Будде, речи о награде, которая ожидает аскета еще в этом мире, он, как бы в пророческом видении тех чудес, которые ныне окружили нас всех, говорил, что аскет видит и знает, что было в прошлом “одно, два, три, десять, что тысяча, сто тысяч поколений тому назад, во время начала мироздания, во время прошлых мирозданий”, аскет может, “сидя в воздухе, летать, как птица на крыльях”, аскет может слышать не только обычные звуки, но “два рода звуков — земные и небесные, близкие и далекие”. Все эти “награды” аскета в этой жизни уже достигнуты нами в более чудесном виде, чем рисовалось фантазии последователей Будды. И притом осуществилось не как достижение только избранных, только “порвавших связи”, только просветленных, но как достижение и возможность для всякого, самого простого, самого бедного, самого нищего телом и духом смертного.

При этом сопоставлении достижений нашей эпохи с таинственными словами Будды, в душе современного человека может проснуться тревога. Награды аскетам давались за подвиги духа и воли, за искания, напряжения. Но за что получает свое знание, свое могущество современный человек? Нет ли здесь какой-то внутренней несправедливости, неправды? Нет ли здесь внутренней аналогии преданию о Фаусте и Мефистофеле, нет ли здесь страшной коллективной продажи души дьяволу? Сомнения напрасны. Современного знания и могущества человечество достигло, в сущности, как раз на том пути, который указывал Готамо, на пути ушедших в бездомность, в результате чрезвычайных трудов и исканий, самоуглублений и лишений.

Христианский писатель, столп католицизма, "ангельский" теолог Фома Аквинат, давший точное и подробное описание 99 главных атрибутов Бога и, вероятно, сам чувствуя, что в этом многословии расплывается все конкретное отчетливое и индивидуальное, и Бог превращается в какую-то абстрактную главную силу природы, счел нужным в качестве пути к познанию Бога указать на изучение того, что им создано, т. е. окружающей природы.

Этот мельком указанный путь служил сперва лишь лазейкой, но вскоре расширился в ворота и, наконец, превратился в триумфальную арку, через которую человечество из-под власти сухих, безжизненных догматов вышло на свободу светлого и просторного царства природы. С полной отчетливостью этот переход из-под власти мистических потусторонних видений к чудесам матери-природы мы можем проследить по истории живописи и культуры. В поисках совершенного изображения Бога, Мадонны и святых ваятели и художники обратились к изучению человека, пока в мельчайших подробностях, с новой небывалой полнотой и глубиной изучили все строение и механизм чудесного человеческого тела. В других областях этот переход от небесного и чудесного к земному не был так разителен. Но все же во всех областях люди искали сперва сверхъестественное и кончали тем, что находили чудеса в окружающей нас природе: алхимики создали химию в поисках философского камня, врачи создали медицину в поисках всеисцеляющего эликсира, астрологи создали астрономию в поисках методов составлять гороскопы.

Здесь не только исполнение слов: "Ищите небесное, а земное вам приложится", здесь дано большее: в поисках сверхъестественных чудес найдены чудеса естественные, превышающие все мечты и фантазии.

Чтобы судить о пути, которым человечество дошло до современного взрыва творчества, до поразительного урагана новых идей и возможностей, возьмем лишь один частный, но характерный пример: и с т о р и ю х и м и и. Этот пример тем более подходящий, что факты этой истории тоже большинству прекрасно известны, и потому, что химия дала в руки человечества чуть ли не более всего новых возможностей, и потому, наконец, что эти возможности тем поразительнее, что они всегда и повсюду сопровождали человечество, и оно только не умело к ним подойти.

И вот, вспоминая важнейшие факты истории химии, мы прежде всего видим целый ряд замечательных личностей, целую галерею выдающихся человеческих характеров: и богатый светский "фермье-женераль" Лявуазье, и неудачный пастор-проповедник Пристлей, и английский рантье Кевендиш, и типичный современный интеллигент Берцелуис, и бесталанный, но гениальный мыслитель Дальтон, и стихийно-хаотичный русский ученый Менделеев, и элегантно работающая полька Кюри-Складовская, и целый ряд других выдающихся мыслителей-искателей — каждый из них по-своему замечателен, своеобразен, незабываем, романтичен и даже поэтичен. Вторая черта — полное бескорыстие большинства этих искателей. Если в прежние времена алхимики ставили перед собой задачи, сулившие им, в случае успеха, золотые горы, то новая, научная, действительная химия как раз начала с того, что развенчала эти мечты, и люди потеряли веру и возможность превращать элементы, придя к непоколебимому убеждению в абсолютной и вечной устойчивости их. Тут химия, особенно в начале ее зарождения как точной науки, не сулила ничего и не давала ничего. Лявуазье был богат, как откупщик. Но в своей лаборатории, совместно со своей женой, он только тратил деньги, время, силы и здоровье. Пристлей делал опыты, которыми открыл кислород, для забавы, для отдыха, никогда не думая и не пытаясь что-либо этим путем получить, и зарабатывал на жизнь проповедями и писанием теологических трактатов. Кевендиш при всех своих богатствах из-за страсти к научным исследованиям жил как отшельник и бедняк. Да и в позднейшее время, когда наука из при-

хоти и забавы отдельных лиц превратилась в хорошо оплачиваемую профессию, мы видим, что не эти материальные союзы привлекали людей. Вот какими словами г-жа Кюри описывает одно из значительнейших событий в истории химии, свои работы над открытием радия:

“Химические процессы обработки были организованы в заброшенном сарае. В этом сарае, с асфальтовым полом, со стеклянной крышей, которая не вполне укрывала нас от дождя, в котором летом было жарко как в теплице, и который зимой плохо нагревался чугунной печкой, мы провели лучшие и наиболее счастливые годы нашей жизни, посвящая работе все дни целиком. Лишенные каких-либо приспособлений, которые облегчают работу физика, мы там произвели с большими трудностями значительное число обработок значительного количества вещества. Когда химическую обработку нельзя было производить в закрытом помещении, открытые окна позволяли вредоносным газам улетучиваться. Вся обстановка состояла из старых, попорченных сосновых столов, на которых я размещала мои драгоценные перегонки концентрирующегося радия. Не имея никаких шкафов, в которые мы могли бы закрывать наши лучеиспускающие вещества, мы их оставляли на столах или на полках, и я помню восторг, который мы испытывали, когда нам случалось ночью входить в наши владения, и мы видели со всех сторон тихо светящиеся силуэты продуктов наших работ”.

Известно, что Пьер Кюри всегда отклонял принятие ордена почетного легиона, но постоянно, уже став мировой известностью, просил ему дать лабораторию.

Если каждый истинный ученый и исследователь таким образом в себе по необходимости, по психологической неизбежности, являет черты отшельничества, аскетизма, монашества, высокого идеализма, то, с другой стороны, вся наука как таковая проникнута крайним космополитизмом. Наука химии — всечеловечна, универсальна. “Германская” или “французская”, “английская” или “русская” химия — это абсурд, физическая и психологическая невозможность. Наука едина по своим результатам. И она едина по своей истории. И на ранней заре химических исследований, когда алхимики всех стран, на основании общих всем стран заблуждений, шли по общему ложному пути, и в то время, когда с весами в руках стали закладывать основы настоящей науки, и в последую-

щее время, когда открытие новых законов и новых элементов разные народы и страны поистине по-братски поделили между собой, наука была интернациональна. Она только потому могла развиваться и двигаться семимильными шагами, что создавалась совместной работой лучших умов всех народов. Говорят, общие походы, общие войны, когда приходится сражаться плечом к плечу, сближают, создают чувства интимного товарищества и братства. И вот все народы современного мира могут теперь с чувством самодовольства вспоминать о совместной борьбе, о совместных победах и величайших совместных достижениях, какие и не снились ни одному честолюбивому полководцу. Братство в творчестве разве слабее братства по убийству?

Результаты и победы, действительно, ослепительны. Прежде всего, они совершенно неожиданны в своей простоте. Если прежние алхимики искали власти над природой при содействии какого-то фантастического “Великого Эликсира”, таинственного “Магистерия” или философского камня, то для новых химиков таким эликсиром оказались испокон известные, нас со всех сторон окружающие воздух, вода, земля и камни. Поняв, что воздух состоит из смеси двух газов, поняв, что вода является продуктом соединения водорода и кислорода, поняв, что в основе селитры и соли находятся замечательные металлы, горящие, взрывающиеся — калий и натрий, поняв, что в глине имеется один из чудеснейших по своим свойствам неведомый раньше металл алюминий, химики создали современное понимание материи. Идея мельчайшей, неделимой частицы атома, соединяющегося в молекулы, создала форму для новых представлений и внесла в них порядок, точность и математическую строгость. Подслушанный Менделеевым закон гармонии элементов в виде периодичности свойств атомов дал возможность предсказывать существо и свойства новых еще не виденных никем веществ. Открытие радиоактивности или распада атомов бросило свет на таинственную сложность их структуры, и, как завершение, мысль человека в каждой малейшей и раньше, казалось, безжизненной частице открыла целый сложный космос.

Очень часто говорят, что современная культура человека уводит, отдаляет от природы. В наш век, когда в быт все более вносится общение с природой, это уже и внешне неверно. Но это неверно и принципиально. Более тесного, полного слияния с природой, более полной гармонии с ней ума и души человеческой, чем

в создании закона периодичности, чем в подробном описании невиданных и лишь мыслью созерцаемых веществ, чем в проникновении в великие тайны бесконечной сложности атома — нельзя ни придумать ни представить.

**
*

Химия не составляет исключения, и черты, подмеченные нами в ее истории, мы найдем в истории всех других областей знания и техники. Прежде всего, в каждой области мы найдем свою галерею замечательных личностей, с чрезвычайным, небывалым в человеческой истории личным упорством продолжающих дело предшественников прошлых веков. Миссионер Ливингстон с Библией в руках углубляется в девственные дебри Африки, проводя целые годы один-одинешенек среди самых диких племен, стремясь разгадать основные географические тайны черного континента. Блестящая плеяда полярных исследователей ценою невероятных лишений, в борьбе с космическими силами льдов, морозов и ветров, начала исследование полярных областей, пока два норвежских викинга, Нансен и Амундсен, не разъяснили окончательно тайны обоих полюсов. Ляйель упорством всей своей жизни сумел расшифровать язык пластов коры земного шара и прочел в них историю создания нашей планеты. Готовившийся к пасторской деятельности Дарвин в течение десятков лет собирал и группировал данные относительно живой природы, пока не дал законченной картины происхождения и изменения видов живой природы. Плеяда упорных историков, начиная с неутомимого Шамполиона, кончая бакалейщиком Шлиманом, расшифровала нам иероглифы, раскрыла нам целые новые периоды истории, раскопала забытые великие цивилизации. Франклин, Вольт, Фарадей, подлинные современные Прометей, свели на землю чудесную силу молнии. Ряд изобретателей, начиная с братьев Монгольфьеров, кончая графом Цепелином, покорили нам воздух.

Стоит раскрыть биографию любого из деятелей любой области, и мы увидим, что почти всюду талант или гениальность составляет лишь незначительный элемент успеха и достижения. Главная сила, основное средство достижения всякой научной или технической победы — предельная, ни перед чем не останавливающаяся энергия и упорство. Всем известен рассказ о том, что Шам-

полион, прочтя первое слово, написанное иероглифами, вбежал в комнату своего брата и, крикнув: «Je tiens l'affaire!» — упал без чувств в глубоком обмороке. Изобретатель телеграфа, художник, председатель американской академии искусств Морзе, увлекшись идеей передачи писем на расстоянии при помощи электричества, 10 лет, в чрезвычайной нужде и лишениях, работал над осуществлением своей идеи, пока достиг полной победы. Эдисон в периоды вдохновения спал не более 4 часов в сутки, неустанно производя опыты и вычисления. Стоит прочесть протокольное описание Маркони серии его опытов, все расширяющих радиус действия его аппаратов, чтобы видеть, каким упорством достигается успех, и осуществляются все возможности, заложенные в новых идеях современности.

И надо сказать, что это упорство в подавляющем числе случаев было чисто идеалистическим, чуждым каким-либо материальным и земным расчетам. Ни Ливингстон, ни Дарвин, ни Монгольфьеры, ни граф Цеппелин, ни Нансен не думали о наживе, о материальной выгоде, о карьере. Может быть, мечта о славе — самая безобидная из страстей человеческих — волновала их. Но главная побудительная сила была страсть к неизведанному, неиспытанному, желание видеть невиданное, понять непонятое, и для удовлетворения этой страсти уходили они в “бездомность” лишений и трудов.

В “бездомность” и одиночество уходили создатели современных чудес. История каждой области знания и техники полна анекдотами о трудностях, которые приходилось преодолевать прокладывателям новых путей из-за нежелания общества и государства им помочь. Всем известен замечательный диалог между Наполеоном и бедным старичком, предлагавшим ему средство стать повелителем на морях. Наполеон нетерпеливо прервал его словами, что ему некогда заниматься фантазиями. И мы теперь знаем: в результате всех своих “дел” Наполеон оставил Францию меньшей, чем он ее взял, а идея старичка Фультона, в виде пароходов, действительно победила моря и океаны. И не только цари оказывались недостаточно чуткими к новым идеям и “фантазиям”. Американский парламент отверг предложение Морзе приобрести право эксплуатации его изобретения. Это было счастье для Морзе, ибо он хотел за все это изобретение такую сумму, какую ему впоследствии организованное им общество выплачивало ежемесячно. Бо-

лее того, люди новых идей шли в стороне не только от путей официальной политики, но и в стороне от официальной науки: Нипс и Даггер создали методы фотографии только потому, что не испугались идти тем путем, который официальная наука признала бесплодным. Здесь уместно и поучительно будет сопоставить возможности новых, современных путей личности и путей старых, прежних. Говорят, что во время франко-прусской войны Луи Пастер жалел, что он не может принять участия в войне. Но поле смерти Пастера было подсчитано, что, сидя в своем кабинете, работая над своими пробирками, Пастер только тем, что нашел средство борьбы с филлоксерой, дал Франции более пяти миллиардов, которые она вынуждена была уплатить Германии в качестве контрибуции. Притом научными открытиями Пастера, кроме Франции, равно воспользовались Германия и все другие страны мира.

Наряду с этим крайним, предельным индивидуализмом, в гармоническом сочетании с ним, мы видим, и во всех других областях то же, что уже подметили в истории химии: космополитизм современного творчества. Все задачи, которые были поставлены человечеством, разрешались не одной нацией, а представителями всех наций сообща. Характерный этому пример дает радиотелеграфия и радиотелефония. Самый мощный толчок этой отрасли техники дал итальянец Маркони, работавший главным образом в Англии и на английские средства, для своих работ применивший открытие, сделанное германским евреем Герцем. И все дальнейшие успехи в этой области достигнуты всеми нациями совместно, так что ныне, глядя на небольшой радиоприемник в комнате, мы должны помнить, что нет винтика, нет части, нет детали, которая не была бы результатом совместной работы лучших умов всех народов мира. Судьба как бы нарочно недавно дала нам поучительный пример значения интернационального сотрудничества в достижениях человечества. Всем памятна экспедиция, организованная норвежцем Амундсеном на построенном в Италии на средства, данные американцем, дирижабле "Норге". Экспедиция закончилась блестящим успехом и славой для всех ее участников. Но вот когда Италия захотела организовать свою национальную экспедицию, то такой же дирижабль, стоящий под командой того же офицера Нобиле, погиб, и в поисках потерпевших катастрофу участников погиб Амундсен, погибла слава Нобиле, и только русский советский ледокол "Красин", поспешивший на помощь чуже-

странной фашистской экспедиции, завоевал себе мировую славу. Воистину, современность не любит узкого партикуляризма.

И еще одна черта должна быть отмечена во всех этих достижениях: гармония с природой. Вся наука основана на стремлении к тому, чтобы мысль человеческая пульсировала в такт с природой. Когда Леверье и Адамс, сидя за письменными столами, вычислениями открыли новую планету, то это было величайшим торжеством гармонии мысли человека и природы. Когда Нансен план своего путешествия построил на том, что прежние неумолимые враги всех полярных экспедиций, ветер и льды, должны нести ее к желанной цели, — то это было опять слияние человеческой мысли и воли со слепыми, стихийными силами природы. И в каждом новом научном открытии, в каждом новом достижении техники мы видим не что иное, как чрезвычайное, предельное проникновение мысли человека в тайники природы и предельное приспособление человека к ней. И мы видим, что даже мертвая природа от этого соприкосновения с живым духом человеческим как бы оживает, на место хаоса создается гармония, парализующие друг друга силы начинают соединяться, слагаться, и каждая машина, каждый аппарат — это не только иллюстрация гармонии человека с природой, но и новой гармонии сил природы между собой. Дух лампы Аладина, прикованный как раб к бездушному предмету, был мрачной, темной силой. Мефистофель за предоставленное могущество потребовал от Фауста продать ему душу. Современный человек свое сверхъестественное могущество покупает любовью к матери-природе и слиянием с законами ее. Вера греческих мыслителей в единство законов человеческого разума и законов природы оправдана современной наукой. Правда, греческие мыслители и не подозревали, как труден и сложен путь к полному торжеству этой гармонии. Но зато они также не знали, какие чудеса открываются на конечных стадиях этого царственного пути.

И нельзя сказать, что только дух человеческий приспособляется к природе, что только его мысль научилась пульсировать в такт с законами природы. На наших глазах все более широким потоком совершается и другое развитие: природа приспособливается к духу и воле человека. Каждый изобретатель, каждый конструктор — а их теперь многие миллионы — знает великую радость, когда придуманный аппарат, сложенный из неподвижных мертвых частей, вдруг оживает, начинает двигаться так, как это

предвидела человеческая мысль, как этого хотела человеческая воля. И когда задвигался поршень первой паровой машины; когда заходил ткацкий станок Аркрайта; когда на пластинке Дагерра появился первый отпечаток снимка; когда впервые под влиянием электрического тока качнулась магнитная стрелка; когда на конце проволоки аппарат стал послушно записывать черточки и точки алфавита Морзе; когда из слуховой трубки первого телефона Белл услышал человеческий голос; когда Эдисон впервые услышал песенку, записанную на первом валике его граммофона; когда знаки буквы "С" были из эфира пойманы Маркони на Ньюфаундленде, — везде мы видим, что мертвый кусок металла, колесо, стержень, стрелка, пластинка начинает двигаться, кружиться, вибрировать, качаться так, как этого требует воля человека, в такт с творческой мыслью его. В каждой машине, в каждой станке и аппарате мертвая природа оживает от соприкосновения с "просветленным" духом современного человека.

Нет больших несправедливостей, чем те, которые говорились и до сих пор говорят по адресу покорно служащих нам и исполняющих нашу волю машин и аппаратов. Они мол "подавляют наш дух", они "заслоняют нам небо", они "стирают наше своеобразие", "нивелируют нас", "порабощают"! Но все эти упреки, конечно, в лучшем случае только запоздалые воспоминания о прошлых временах, отголосок давних впечатлений от неизбежных в начале не-совершенств. Современная техника, конечно, этих упреков не заслужила, ибо она не подавляет, не порабощает, не принижает, а, наоборот, обслуживая и освобождая, вместе с тем перевоспитывает и облагораживает.

Мы еще часто спорим относительно преимуществ индивидуализма или коллективизма... Для техники этот спор не существует, и она нас учит тому, что крайний коллективизм не противоречит крайнему индивидуализму, и они прекрасно, гармонически уживаются друг с другом. Прежде всего техника, конечно, требует коллективизации. Центральное отопление в домах, общая канализация, общее водоснабжение, общие трамваи, единая электрическая станция в городе, общая радиостанция с общей для всей области программой отправителя, общие для всей страны железные дороги,

почта и телеграф, объединенные и согласованные с дорогами, почтой и телеграфом всего континента и даже всего мира, все это объединяет нас не только пассивно, в громадные коллективы потребителей, но активно вынуждает нас к строгой согласованности наших действий. Взгляните на любое расписание железных дорог и вдумайтесь, какая масса согласованных действий разнообразнейших людей нужна для того, чтобы осуществить это расписание, начиная от постройки однообразных путей, вагонов, паровозов, кончая своевременной перестановкой стрелочником рельс. Никогда человечество не выполняло такого количества гармонических, согласованных между собой, неразрывной и бесконечной цепью связанных действий, как теперь в силу требований неумолимой в этом отношении техники.

Но, заставляя нас действовать сообща, техника с чрезвычайной покорностью обслуживает всякую потребность, всякое желание каждого отдельного современного человека, приспособляясь не только ко всем нуждам, но даже к прихотям и капризам его тела, ума и души. Никакая система отопления печами не давала такой возможности по своему вкусу и индивидуальным потребностям регулировать теплоту каждой квартиры и даже каждой комнаты, как современное центральное отопление. Никакие способы индивидуального освещения не давали возможности так тонко нюансировать свет не только в квартире или комнате, но даже в каждом отдельном уголке комнаты, как теперешнее электричество. Отправляясь куда-нибудь мы вынуждены пользоваться общими трамваями, автобусами, железными дорогами. Но эти средства сообщения доведут нас до любого нужного нам уголка, и мы можем, не проронив на всем пути ни одного слова, совершить самый капризный, самый причудливый маршрут, какой только нам заблагорассудится, и притом в любое время дня. Мы вынуждены слушать музыку центральных радио-станций. Но никакая домашняя музыка не давала нам и малой возможности так приспособить ее ко всем состояниям своей души, как при помощи современного радио с его обширной и разнообразной программой, при чем мы можем по своему усмотрению установить то тише, то громче и слушать в любой обстановке, при любом занятии, в любом положении, в любой час и в любом месте. Сплачивая нас в колоссальные коллективы техника вместе с тем заставляет эти коллективы покорно служить каждому из нас.

Могущественный, а вместе с тем чрезвычайно гибкий аппарат современной техники не только обслуживает все стороны нашей

физической и духовной жизни, но кроме того облагораживает нас. Прежде всего техника создала разнообразные, раньше неведомые, возможности проявления духовных сил. Прежний эпос кровавых драк заменяется новым эпосом — побед над природой. История покорения воздуха за последние тридцать лет дает более поучительных и волнующих картин, чем вся история Рима от его основания до разрушения. Полет Линдберга через океан значительнее всей "Илиады" и "Одиссеи". Эпизод с полетом Цепелина над океаном, когда сын капитана корабля, Эккенера, вися над бездной, с опасностью для жизни чинил наружную оболочку аэростата, не имеет равных во всей мировой истории.

Но техника не только дает новые возможности проявиться лучшим свойствам нашей души, она прямо-таки заставляет нас быть добрыми, справедливыми, вынуждает заботиться о других. Прежние условия жизни приводили к неизбежному неравенству, к накоплению богатств в руках одних и к обеднению масс. Картина Рима, когда все права и богатства были сосредоточены в руках одного, а все остальные были бесправны, и в большинстве — немощи, поучительна в своей разительности. Теперь это стало невозможно. Нельзя построить железную дорогу для одного: она мыслима лишь тогда, когда доступна для всех. Нельзя построить один автомобиль или один велосипед; лишь тогда, когда они строятся сотнями тысяч и миллионами, они достигают своего совершенства. Электрическое освещение, водоснабжение, газ — все это возможно только как организация благ, доступных для всех, а не только для избранных. Радио держится миллионами абонентов. Но опыты радио-телевизии, показавшие, что установка еще так дорога, что доступна для немногих, пришлось прекратить, и приходится ожидать времени, когда будут сконструированы аппараты, доступные для широких масс. Раньше даже в сказках лучшие блага доставались только избранным: ковер-самолет был один, как и скатерть-самобранка. Мы же имеем теперь фабрики ковров-самолетов, и наши самолеты бесконечно комфортабельнее сказочных именно потому, что мы их строим многими тысячами. Эгоизм, стяжательство, ограниченные заботы только о себе или о своей семье теряют всякий смысл и оправдание, ибо скатерть-самобранка нашего времени своеобразная: она тем обильнее, тем богаче, чем больше людей садится за стол!

Новый дух

Небывалые достижения в области техники и знания — известны, понятны и никем не оспоримы. Но против этого “актива” нашей культуры обычно в виде чуть ли не меньшего “пассива” ставят отсталость в области духа, в области права, морали и вообще человеческих отношений.

Упреки, может быть, не вполне необоснованные, но в такой резкой форме не только не заслуженные, но прямо-таки поразительные по своей близорукости и несправедливости. Уже в замечательных достижениях в области знания и техники, в области накопления материальных сил, при внимательном взгляде, нас должно поразить не только внешнее, материальное, техническое, но точно так же, а может быть, даже первее всего, идеальное и духовное. Достижение материального могущества было возможно лишь благодаря совершенно своеобразной духовной организации современного человечества, которая сочетает личный порыв, подъем и самоуглубление с теснейшим коллективным, космополитическим творчеством, соединяя свободные ручейки отдельных волей и умов в бурные потоки творчества всей эпохи. Такого человеческого материала и такого гибкого, приспособленного к продуктивному творчеству духовного аппарата, как в современности, человечество не знало никогда.

Если всматриваться в духовное существо современного человека, сравнивая его с духовными типами, знакомыми нам из истории, то мы найдем громадные различия, которые трудно истолковывать иначе, как в пользу человека современной культуры.

Прежде всего мы видим в каждом, даже самом незначительном, представителе современности чрезвычайную, небывалую и

р о т у д у х а. Можно сказать, что в душе современной личности сливаются в единый поток все отдельные исторические ручьи и источники. И теплая семейственность Израиля, и космополитический размах Рима, и царственное свободное творчество греческих мыслителей и мастеров, и Восток, с его мечтательностью и потусторонней мудростью — все находит в душе современного человека живое и гулкое эхо. И на взвешенное слово Готамо, и на пламенную проповедь апостола Павла, и на зов к счастью Эпикура, и на детскую доверчивость к миру Эпиктета рождается отзвук в струнах души современной личности. И это является не только простым внешним нагромождением, нет, это синтез, органическое слияние. В каждом слове, в каждом душевном порыве современного человека, если его проанализировать внимательным глазом исследователя, мы безошибочно угадаем отблеск тихих вод Тивериадского озера, тень портиков Афин и шелест листьев священного дерева Боди. Поэтому исторические вопросы так живо интересуют современного человека: в каждой странице древней рукописи, в каждой букве забытой надписи, в каждой археологической находке и раскопке мы ищем корней нашей духовной жизни. По этой же причине человек европейской культуры так хорошо себя чувствует во всех самых отдаленных уголках всего мира, и от соприкосновения с человеком нашей культуры оживают и преобразуются все даже, казалось бы, по типу ей далекие народы. Все мы и во времени и в пространстве Марко Поло в миниатюре: каждый из нас может обойти весь мир, и ничто в нем не будет нам чуждо.

С этой широтой органически связана м н о г о г р а н н о с т ь современного человека. Трудно найти личность, которая ныне знала бы только одно какое-либо дело, не интересуясь ничем другим. Взгляните пристально на мелкого служаку, который, казалось бы, весь день согнув спину сидит над счетоводными книгами, и вы, к удивлению своему, увидите, что этот же бухгалтер — специалист по цветоводству, и в своем садике или на своем окне выводит редкие растения, а может быть, он к тому же специалист по геологии. И если даже мы ничего, кроме одной специальности, не увидим, то в мечтах, в мыслях, в желаниях мы найдем неосуществленную тягу к другим областям духа, знания и труда, которые уравновесили бы, создали гармонию в единообразии одной профессии. Узкий тип ограниченного профессионала никогда не может быть осуществлен в современной жизни; платоновский идеал кастового устройства по специальностям умер навсегда; всякий современный человек по

широте и разносторонности своих духовных интересов прямой духовный потомок Леонардо-да-Винчи.

Но вместе с тем эта разносторонность отнюдь не является поверхностною. В каждом интересующем вопросе современный человек стремится к исчерпывающей глубине, к последнему пределу, к самой далекой, окончательной грани. В этом смысле нет ничего поучительнее, чем сравнение рассуждений о строении вещества у греческих философов и современных ученых. У греков каждый давал свое законченное учение, наряду с законченным учением по всем другим вопросам. У нас же проблемой строения вещества занималось целое поколение мыслителей, со всем напряжением своего ума проникая все глубже в существо вопроса: за Дальтоном мы видим Менделеева, за Менделеевым — Кюри, за Кюри — Бора. Но зато в атоме мы теперь увидели целое мироздание. И, так же упорно продумывая строение всего мироздания, мы пришли к тому, что его во всей совокупности понимаем как единый атом. Это свойство не одной отрасли науки, а свойство души каждого человека. В каждый вопрос, в каждую проблему вносится напряжение, упорство, усидчивость и кропотливость всепреодолевающего труда, и в душе каждого из нас имеются свойства, родственные великому терпению в труде Гиберти.

Но труд этот не рабский, а свободный. И этим современный человек резче всего отличается от прежних типов людей. В прошлом никогда не было такого отношения к труду, как это мы видим в современности. Даже в наиболее нам духовно близкой Греции труд, в особенности физический, рассматривался как нечто унижающее, оскорбляющее человека: это было уделом низшего сорта людей, рабов. Один Сократ возвысился над этой точкой зрения и учил о почетности труда. Но даже он сам, начав философствовать, перестал, к огорчению его почтенной супруги, заниматься своим ремеслом. А его ученик Платон, как идеал человека, рисует юношу, который весь день предается музыке и гимнастике, и который должен избегать даже общения с людьми, занимающимися физическим трудом. Вся история древности у всех народов не дает нам ни одного образа мудреца или великого человека, который по своей воле взял бы в руку топор, молоток или лопату. Монахи Будды живут подаянием, но сами они не работают, не производят. Ученикам Иисуса завещано "не сеять и не жать". Эпикур имел сад, но в его саду работали рабы, а не он лично или его ученики.

Современный человек иначе смотрит на труд. В работе, самой

простой, даже чисто физической, он не видит ничего зазорного, уни-
зительного, и в работающем в поте лица своего на поле, в руднике
или в мастерской он видит не раба, не низшее существо, не слу-
гу, а равного себе товарища. Более того, современный человек по
существу любит труд, видит в нем духовную потребность, радость.
Наши современные мудрецы не только философствуют, но они не-
пременно работают. Образ Толстого запечатлелся нам не только в
кабинете, над книгами и рукописями, но и с косой на лугу и с со-
хой в поле. На родине Будды современный восточный пророк Ган-
ди не расстается с прялкой. Петр Великий, с мозолистыми руками,
с топором и пилой в руке, был не варваром, а истинным вопло-
телем духа современной культуры. Поэтому наш современный Эпи-
кур не предоставит рабам ухаживать за своим садом, но непременно
будет сам лично копать землю, сажать деревья, поливать, полоть,
находя в этом самый верный источник счастья. И когда современ-
ные безработные вместо древнего крика "Хлеба и зрелищ" требу-
ют себе "Работы", то в этом изменение не только формы, но и духа:
самая великая обида, самая великая несправедливость, какую мож-
но причинить современному человеку — это лишить его возможно-
сти труда.

Все это, вместе взятое, и в соединении с условиями современ-
ной техники и знания, делает современного человека более всех
способным к достижению счастливого существования на земле. До-
статочно припомнить правила учителя счастливой жизни Эпикура,
и мы увидим, что его идеал может быть полностью осуществлен
только человеком современного духовного типа. "Не бойся богов"
— гласило первое правило Эпикура. Но в древнем мире, когда че-
ловека со всех сторон окружали неведомые, таинственные и страш-
ные силы, это было легче сказать, чем сделать. Только в душе со-
временного человека, познавшего гармонию своего духа с извеч-
ными силами природы, понявшего, что не каприз своенравного
высшего существа, а неизменные законы природы водят светила по
небу, шевелят каждым листком, определяют судьбу каждой песчин-
ки, страх перед природой сменился ощущением глубокой гармо-
нии с ней.

В вере в эти силы, наполняющие весь мир, исчезает и страх
перед неведомой чертой, пересекающей нашу жизнь. Мы, научив-
шиеся отдалять эту черту, научившиеся в ее внезапности видеть
только недостаток нашего знания, вместе с тем в ее неотвратимости
видим такой же гармонический закон природы, как смену дня и

ночи. И этим для нас исполнение второй заповеди Эпикура стало доступнее, чем для всех прежних поколений. И хотя мы не мечтаем о "Нирване" на подобие современных буддистов, но упорные размышления Марка-Аврелия о мрачной смерти и поиски самоутешения и преодоления чужды и не нужны нашему духу.

"Радость легко достижима" — убеждал нас греческий учитель счастья. И вот мы не только умеем находить высшее счастье в труде, но вобрали в себя и все прежние действительные способы радоваться: и литературу, и театр, и изобразительное искусство, и музыку, и гимнастику греческих юношей, и их олимпийские игры. Но к этим радостям мы добавили новые. Мы обладаем чувством, чуждым всем древним народам, — способностью любоваться природой. К этому, можно сказать, на наших глазах, в последние десятилетия присоединилось стремление к активному и интимному сближению с природой. Еще недавно никто и не подумал бы взлезать на голые скалы или на снежные вершины. Теперь же альпинизм, всякие виды туризма, морские купанья, жизнь в горах, в лесах, на реках открыли нам новые, неведомые прежним поколениям, но для нас самые глубокие и в конце концов всем наиболее доступные источники радости и наслаждения.

"Страдания не страшны" — учил Эпикур. И даже тут, в этой области, мы находим чрезвычайные изменения в жизни современного человека. Страдания не страшны и потому, что дух силен их преодолевать и потому, что он способен бороться с ними. Таких страданий, как во время полярных экспедиций, или как на фронте во время последней войны, древний мир не мог себе даже представить. Современный же человек их преодолевал и притом часто с восторгом, с энтузиазмом, напоминающим не только активное мужество древних героев, но даже пассивную жертвенность первых поколений христиан. Но современный человек не только способен, когда считает это нужным, переносить страдания, но он умеет активно бороться с ними. Для этого он не уходит в "бездомность", а, наоборот, покидает свое одиночество и коллективно, с другими ведет цепкую, упорную, планомерную борьбу. И мы видим, как на наших глазах меняются и принимают совсем другой смысл даже такие извечные заповеди морали, как "больного посети", "голодного накорми", "узника навести". Теперь все это из области случайной неверной частной благотворительности перешло ко всему обществу, как обязанность, как постоянная его функция. Давать индивидуальную милостыню становится дурным тоном, как дурным

тоном является ее просить. Но зато общество обязано накормить и одеть всякого, кто в этом нуждается, и этого всякий нуждающийся может не просить, а требовать. Индивидуальное посещение тюрем заменено обществами патронирования заключенных. Индивидуальная помощь больному заменена социальной гигиеной и общественными больницами.

И, подводя итоги этой характеристике, мы можем сказать, что ни одна историческая эпоха не обладала таким удивительным человеческим материалом, который одинаково приспособлен и к наиболее трудному и сложному труду, и к сладостному отдыху, к тому, чтобы поддерживать и двигать вперед человеческую культуру, и к тому, чтобы, преодолевая страдания, мирно наслаждаться "всеми пятью чувствами", пользуясь всяким малейшим источником радости.

**
*

Касаясь социальных мероприятий современности мы подошли вплотную к вопросам правового устройства нашей жизни. И в этой области мы опять встречаемся со всеобщим убеждением, что наше право отстало от всех остальных областей жизни, что мы до сих пор живем заветами римского права, несмотря на громадные изменения в жизни. Но и здесь, несмотря на то, что, действительно, право во многом не выполняет своего назначения, такое резкое осуждение и голословно и совершенно не обосновано. Мы живем отнюдь не римским правом, а правом англо-саксонским, и это право, несомненно, настолько же совершеннее римского, насколько наш паровоз и автомобиль совершеннее римской квадриги.

Уже чисто внешне, если взять любую современную систему права и лишь в самых общих чертах сравнить с любой правовой системой любого народа в прошлом, то мы сразу убедимся, что нами достигнут несомненный и значительный прогресс. Нет ныне страны, где не было бы ясного понимания силы закона, как средства к достижению человеческих целей; где не было бы ясности и определенности, кто, как и в какой форме может законы издавать; где не было бы твердо установленных способов защиты прав, точно организованной равно для всех доступной судебной власти; где не было бы отчетливо действующего административного аппарата. Ныне всюду законодательный аппарат совершеннее и устойчивее, а вместе с тем гибче, чем законодательный аппарат, созданный Соломоном или Ликургом; ныне нет суда, который не судил бы спра-

ведливее, мудрее и надежнее синедриона в Иерусалиме, народного собрания в Афинах или римского претора; самая глухая деревушка самой отсталой страны современности управляется с внешней стороны мудрее и справедливее, чем Рим в дни его величайшего блеска и могущества.

Но не только внешняя сторона, не только техника законодательства, правосудия и управления стоит выше, чем когда-либо. Современное право по существу заложенных и воплощенных в нем идей являет своеобразные черты, которые смело могут быть поставлены в уровень с достижениями современной материальной культуры.

Прежде всего никогда право не было такое гуманное, как ныне. Власть государства над гражданами внутри страны резче всего выражается в виде кар за нарушение велений закона. Меч в руках правосудия — воплощает силу, принуждающую граждан к повиновению. И надо сказать, что уголовное право новых народов начало свое развитие с чрезвычайно низкого уровня. В начале, при господстве так называемых “варварских” кодексов, это было право, построенное на частной мести, отражающее в себе дух самого примитивного, зачаточного общественного строя. Потом право кары перешло в руки примитивного, грубого государства. И, может быть, никогда и нигде не было такого паталогически-жестокое уголовное право, чем во времена средневековья и в начале нового времени: история инквизиции, история борьбы с волшебством, кровавые классовые и сословные расправы — свидетельствуют нам об этой жестокости. Из римского права заимствовано было главным образом то, что относилось к рабам. Всюду повторяемые евангельские слова о всепрощении и мягкости были на устах, но не доходили до сердца. Из речи, сказанной ректором университета над гробом знаменитого германского юриста Бенедикта Карпцова, известно, что тот в жизни своей 54 раза прочел с начала до конца всю Библию. Но из той же речи известно, что Карпцов, будучи судьей, подписал свыше 20.00 смертных приговоров. Впрочем, сам Карпцов чистосердечно признавался, что в Библии ему по духу Ветхий, а не Новый Завет.

Но с течением времени уголовное право новых народов стало видоизменяться, пока, наконец, век просвещения на место старого,

построенного на суеверии и жестокости, на идее уничтожения и устрашения права создал начала нового основанного на идее целесообразности, исправления и приспособления. Существо этой сложной эволюции более всего заметно по внешним изменениям карательной системы. И вот, сравнивая современную карательную систему с системами прошлых эпох, как новых, так и древних народов, мы всюду видим чрезвычайное смягчение кар. Широко применявшиеся раньше изувечивающие, калечащие наказания, как отрезание рук, ног, ушей, вырезание языка, выжигание букв на лице — окончательно всюду исчезло. Из арсенала суровых кар осталась лишь одна смертная казнь. Но как раз отношение к ней чрезвычайно показательное для духа новых юристов. Прежде всего, смертная казнь, даже там, где она сохранилась, исполняется не так как раньше, на площадях, с мучительными обрядами: за оградой тюремного двора, с максимальной тайной и быстротой, ночью или на заре, украдкой совершается она. Но, кроме того, нет страны, где бы не был поставлен вопрос о необходимости отмены смертной казни. В целом ряде стран она уже законом или практикой отменена. В других же странах применение ее свелось к чрезвычайному минимуму, к исключительным случаям. И ныне нигде не найдется судьи, который стал бы хвалиться, что подписал 20.000 смертных приговоров. И не только в мирное, нормальное время смертная казнь сходит со сцены: громадные политические перевороты совершаются без единой смертной казни. В Италии фашистский режим утвердился и первые годы существовал при законах, не знающих смертной казни.

С отменой или крайним ограничением смертной казни и телесных наказаний, при ограниченной возможности денежных наказаний (преступники чаще всего не имеют имущества), почти единственным наказанием осталось лишение свободы, тюрьма. И вот с конца 18-го века во всех странах и в международном масштабе поставлен был вопрос о реформе тюрем. Эта реформа прежде всего понималась, как улучшение быта тюремных сидельцев, как обеспечение заключенным достаточного по размерам, светлого, гигиеничного помещения, предоставление им достаточной пищи и платья, возможности продуктивно работать и развиваться. Самая худшая современная тюрьма бесконечно выше самой образцовой и гуманной тюрьмы середины 18-го века.

Но заботливо вглядываясь в психологию людей, сидящих в тюрьмах, общество вскоре различило, что там находятся многие,

которым там, в сущности, совсем не место. И вот начался характерный для нашего времени процесс “вывода” из тюрем одной категории сидельцев за другой. Прежде всего стали выводить несовершеннолетних. За ними последовали случайные преступники, совершившие незначительное преступление в первый раз. За ними последовали те, которые поведением в тюрьме доказывают, что не представляют опасности обществу, будучи на свободе. И, наконец, вообще сроки помещения в тюрьме повсюду стали, где в порядке законодательном, где просто в порядке судебной практики, чрезвычайно сокращаться. Целая своеобразная система воспитательных заведений для малолетних, гениальный по простоте институт условного осуждения и попечительного надзора, условное освобождение — все это средства вывода из тюрьмы.

Подводя итоги истории уголовного права в новое время мы можем сказать, что она шла под знаком борьбы с наказанием и помощи преступнику. В англо-саксонских странах, которыми, в сущности, придуманы все новые институты уголовного права, малолетние преступники, которых общество берет на свое попечение, называются “дети государства”, и этим подчеркивается, что государство и общество своей задачей ставят заменить этим детям семью. В этом яркое выражение нового существа отношения государства к преступнику: от принципа войны, с истреблением, уничтожением врага, до принципа семьи, с попечением и заботой над слабым, заброшенным или больным... Внимание и симпатии новых юристов и нового законодателя, по сравнению с Бенедиктом Карпцовым, несомненно передвинулись в сторону к Новому Завету.

Не только в смягчении кар отражаются громадные сдвиги современного права. При сравнении нового уголовного права со старым нас поразит количество преступлений, которые раньше считались чрезвычайно тяжкими и влекли суровые последствия, и которые ныне или исчезли совсем из кодексов или ютятся где-нибудь среди незначительных проступков, фактически никогда не доходя до суда. Ибо, несомненно, никогда право не было так пропитано духом с в о б о д ы, как ныне.

Не говоря уже об ужасах средневековья, о религиозных преследованиях инквизиции, о политическом гнете европейского абсо-

лютизма, из исторического очерка мы видели, что даже античный мир никогда не мог возвыситься до современного понимания личной свободы. Свободолюбивые афиняне приговорили к смертной казни благочестивого и законопослушного Сократа за безбожие и соращение юности. В Риме христиане, даже при Марке-Аврелии, предавались растерзанию зверям за их веру. Только наше время все это преодолело. Свобода совести, свобода признания и почитания Бога, свобода мнений, при условии подчинения законам, как общее правило, являются общепризнанными. Как мерило совершенства государственной власти инстинктивно установилось, что наиболее совершенно то устройство, в котором личность чувствует себя более всего свободной. Перед лицом государства и коллектива личность всюду мыслится не как бесправное существо, поглощенное коллективом, а как самоценность, как автономная сила, обладающая известным объемом неотъемлемых, неоспоримых, неприкосновенных прирожденных прав. Принципы, вдохновлявшие Томаса Мора и радикалов армии Кромвеля, в широком объеме осуществлены всюду. Для уяснения хода этого развития, для иллюстрации контраста с прошлым, характерны не только такие области, как свобода совести, свобода мировоззрения, свобода научного мышления. Даже в области семьи мы уловим дыхание новых принципов права; и наряду со свободой духа и мысли мы живем в веке поразительной свободы чувств и привязанностей. Из истории известно, что Израиль, как и другие народы, строго относился к чистоте семейных нравов и жестоко расправлялся с женщинами, виновными в нарушении супружеской верности и добрачной чистоты. Под конец развития израильского права это суровое отношение Закона стало людям казаться несправедливым. В вопросе книжников и фарисеев Иисусу, нужно ли побить камнями женщину, застигнутую в прелюбодеянии, было не только коварство искушения, но и желание спасти несчастную. Известен ответ Иисуса, который после минутного раздумья и колебания ответил: "Кто из вас без греха, брось первый в нее камень". Но когда вопрошавшие, "обличаемые совестью стали уходить один за другим, начиная от старших до последних", и Иисус остался наедине с женщиной, он сказал ей: "Иди и больше не греши". В этой замечательной, неоспоримой подлинности страничке больше содержания, чем во многих десятках томов, написанных отцами церкви. И сопоставление нового закона со старым, и раскрепощение женщины, и конечное смягчение земной реакции за грех и преступление, и

требование не внешней, а внутренней чистоты — все это с незабываемой яркостью выражено в ней.

Но эти слова не изменили старого закона. И не только в одном Израиле право сурово расправлялось с прелюбодеянием. В то же самое время, когда в Иерусалиме были сказаны эти слова Иисуса, в Риме могущественный император Август столкнулся с той же проблемой. Несмотря на все старание и самого Августа и его жены подавать пример строгости, простоты и чистоты образа жизни, высшие классы, утопавшие в роскоши, являли картину полного разложения нравов. Пример императора имел тем менее силы, что, даже под собственной кровлей Августа, его дочь Юлия и внучка славились на весь Рим безудержным, циничным и вызывающим распутством. И вот император решил прибегнуть к строгости. Был издан знаменитый «*Lex Julia de adulteriis*». Текст этого закона, как и других законов Рима, не дошел до нас. Но мы знаем, что он был построен на двойном неравенстве: он ставил задачей бороться с развратом только высших классов и карал только прелюбодеяние женщин. Муж и отец по этому закону были обязаны строго наказывать виновную жену или дочь. Если они этого не делали, всякий, даже собственный раб, мог возбудить публичное обвинение, и тогда следовали кары государством: ссылка, конфискация имущества. Результаты закона известны: ряд скандальных, шантажных процессов, не удержавших дальнейшего падения нравов. Самому императору пришлось применить суровость закона к своей дочери и сослать ее. Жестоким закон не восстановил нравов Рима, а только окончательно разрушил семью императора. Строгость же нравов пришла совместно с распространением христианства, которое, как реакцию на грех, знало лишь слова: «Я тебя не осуждаю. Иди и больше не греши».

Эта противоположность точек зрения осталась на всем протяжении европейской истории. Но законодательства христианских народов все же походили больше на языческое *Lex Julia*, чем на евангельские заветы. Даже Томас Мор, борец за свободу совести, в этой области строг и неумолим: в своей «Утопии» он за первое прелюбодеяние назначает рабство, за вторичное — смертную казнь. И только, можно сказать, в последние десятилетия, с тех пор, как Беккариа доказал иллюзорность влияния уголовных законов в этой области, сфера взаимных отношений полов стала, в сущности, вопросом совести каждого отдельного человека. И хотя законодатель-

ства еще по инерции в большинстве случаев сохраняют небольшие кары за прелюбодеяние, но они одинаково смотрят на оба пола и преследование по суду ограничивают такими стеснительными правилами, что мало кто пожелает идти этим путем. Если же такой случай предстанет перед судом — обвиненная сторона может быть почти уверена, что она услышит от современного судьи приговор в роде: “Иди и больше не греши”... В самой интимной, в самой святой и в самой темной области своей духовной и физической жизни современный человек не раб, а полный и свободный хозяин. И это отнюдь не значит, что в этой мягкости законов и публичной реакции отражается распад современных нравов. Всякий, кто сравнивает настоящее время с данными о минувших веках, должен согласиться, что в массе фактически и добровольно соблюдается такая чистота, строгость нравов и серьезность требований, какой, быть может, не знала ни одна из прежних эпох высокой культуры.

**
*

Принцип свободы в современном праве дополняется и расширяется принципом равенства, который, как один из основных догматов, как всесокрушающая сила, направляет жизнь народов.

Начало равенства не является мертвой декларацией основных законов и писанных конституций. Наоборот, это живой дух, пронизывающий все наши формы общежития, ломающий и опережающий законы. Господство его начинается с самых низов. Уже наша семья, в отличие от семьи древних, построена на начале юридического, морального, бытового и фактического равноправия. Правда, во многих странах еще до сих пор сохранились старые законы, обеспечивающие мужу главенство в семье. Но эти статьи, когда кто-либо в виде курьеза их припоминает, вызывают лишь громкий, единый смех. Наш торговый устав, построенный на старых патриархальных началах, говорит о том, что хозяин может непослушного служащего “укрощать мерами домашней строгости”; но пусть попробует хозяин применить эти меры хотя бы к мальчику-посильному.

Но к чему эти частные примеры? Имеется область гораздо большего, поистине всемирно-исторического значения, которая с недвусмысленной ясностью свидетельствует о небывалой жизненной силе современных принципов равенства. Еще недавно, еще в 19-ом

веке, целый ряд стран знал одно из самых старых, построенных на неравенстве, учреждений человеческого общества — р а б с т в о. Знали его страны Европы, с Россией во главе, знала его Америка, не говоря о других частях света. И вот на протяжении менее, чем ста лет, этот самый старый, самый исконный и как государство незыблемый институт — исчез. Исчез в западной Европе, исчез после борьбы в Америке, исчез в России. Напрасны споры о том, сверху или снизу было отменено рабство, чьи интересы заставили пойти на эту меру. В интересах жизни и существования Рима было отменить рабство. И все же Рим не сумел этого сделать, и, в сущности, ни одного голоса, требующего отмены рабства во имя человечности или во имя государственной необходимости, не раздавалось в нем. В современном же мире находятся и отдельные личности, как писательница Бичер-Стоу, или Гэррисон в Америке, которые посвятили все силы своей души этому делу человечности, находятся и Линкольны, которые придали ему характер государственной необходимости. Добрый, но недалекий Александр II в России понял то, чего не могли понять ни Марк-Аврелий, ни Диоклетиан, ни Юстиниан, и совершил то, о чем не смел мечтать Платон, чего не решались требовать ни стоики, ни христиане в римской империи. Ныне рабство осуждено, отменено, запрещено для всего мира и если сохранилось где-либо в экзотических странах, то оно там уже доживает свои последние дни. И не забудем: всего два поколения людей за всю историю человечества живут, не зная рабства.

**

При всей важности свободы и равенства, как основ современного права, наиболее характерной, наиболее значительной особенностью его является дух т р у д о в о й с о л и д а р н о с т и, которым оно все более проникается. Но лишь в последнее время, с окончательной отменой рабства и крепостного права, эти начала могли всюду развертываться с полной силой. Труд и интересы трудящихся становятся предметом главных забот государства. При всем разнообразии форм правления, при всех переменах правящих сил, неизменно все государства и все правительства своей первейшей задачей ставят не только попечение о продуктивности труда, но и об интересах трудящихся. Новая, неведомая раньше, широкая и все растущая отрасль современного законодательства: охра-

на и обеспечение труда. При свете этих новых идей мы видим, что реформы в роде преобразований царя Агиса или Гракхов, которые в Спарте и Риме привели к гражданской междоусобице и гибели инициаторов, в наше время проходят гладко и легко. Во многих странах мы имеем аграрное законодательство, которое было мирно и тихо проведено, как реформа несомненной необходимости и справедливости, несмотря на то, что по существу оно было радикальнее всех предложений римских и эллинских реформаторов. Из общежития, построенного для войны, государство делается общежитием для солидарного труда. В этом не только великая особенность нового права, но и залог прочности других достижений: человечности, свободы и равенства.

В истории Греции, в учении и судьбе Сократа, в уходе греческих мыслителей от государства, в их попытках начертить теоретический план идеального человеческого строя, во влиянии стоиков на государство мы видели поставленную историей проблему согласования личного идеала и понимания справедливости с государством. В судьбе Марка-Аврелия мы видели окончательную неудачу всех этих попыток, а вместе с тем и гибель античного государства и античной цивилизации.

Те же проблемы с еще большей остротой ставит новое время. Но право нашей эпохи уже выработало замечательный духовный аппарат создания гармонии между личностью и государством, который мы смело можем сравнивать с духовным аппаратом коллективного творчества в области знания и техники. Личность, которая в системе прав и свобод получает автономную, независимую от государства сферу духовной жизни, отнюдь не уходит от государства. Наоборот, ее отношение к нему стало теснее, интимнее, ближе, чем когда-либо. Ибо современное государство не боится свободной личности, и свободная личность не боится государства. Личность дает духовную, животворящую силу государству. Государство, в свою очередь, дает личности небывалый, гибкий и послушный аппарат для достижения своих целей.

Мысль эту легко иллюстрировать примерами из любой области правотворчества. Но, может быть, наиболее характерные примеры мы найдем в области уголовного права. Когда в Риме явилось всеобщее сознание о недостатках уголовного законодательства, ко-

торое со времени издания 12 таблиц в течение свыше трехсот лет оставалось без изменения, то лишь когда Сулла при помощи легионов узурпировал власть в Риме, он мог провести несколько частных законов. В наше время ход развития иной. С основными реформами уголовного права у нас связывается главным образом два имени: Чезаре Беккария и Джон Говард. Оба они не полководцы, не воины, не трибуны, даже не чиновники. Правда, Беккария по образованию был юрист. Но его внимание вообще более привлекали экономические проблемы, чем юридические. И вот когда он был еще юношей 28 лет, без всякого опыта, без всякой практики в области суда и законодательства, он написал сочинение о недостатках уголовного права и процесса и о необходимых в этой области реформах. Эта, скорее, брошюра, чем книга, написанная в течение 8 месяцев в 1764 году, вышла в свет под заглавием: "О преступлениях и наказаниях". Конечно, многое в этом трактате было лишь талантливой, яркой сводкой господствующих в то время свободомыслящих взглядов. Многие были лишь повторением и апологией принципов судопроизводства Англии. Но многие страницы и весь дух мягкости, человеколюбия и реального практицизма — являются созданием молодого порыва и страстной веры в человечество и его разум. А смело поставленный и отрицательно разрешенный вопрос о необходимости смертной казни — должно назвать событием в мировой истории человечества. Юноша без всякого авторитета осмелился возвысить голос против древнейшего, во всех народах укрепившегося, всегда и всюду в тех или иных пределах считавшегося неизбежным и необходимым института. Хотя книжка касалась одной сравнительно узкой области законодательства, но по смелости и радикальности высказанных ею идей она в момент своего появления могла быть поставлена рядом с фантастическими утопиями, начиная с Республики Платона.

Но слово, сказанное воодушевленным юношей, не осталось глаголом вопиющего в пустыне. Практические результаты этой книжки, несомненно, гораздо более глубоки, чем идеалов, изложенных в книге Платона. Сперва общественное мнение всей Европы подхватило это сочинение, которое было переведено на все культурные языки. За ним ею заинтересовались правители. Еще при жизни Беккарии целый ряд изложенных им принципов был принят в законодательстве многих стран. Даже в далекой России, императрица Екатерина II, составляя свой Наказ, целые главы списала из книжки Беккарии. И даже наиболее смелое слово о необходимости отмены

смертной казни было услышано. В Тоскане смертная казнь была отменена, и эта традиция сохранилась в Италии до последнего времени. И во всех странах поставленный Беккарией вопрос не сходит с тех пор с очереди.

Еще характернее личность и деятельность другого апостола человечности — англичанина Говарда. Маркиз Беккария был кабинетным писателем, теоретиком. Сын торговца коврами, англичанин Говард, был практиком. В своей деятельности однажды он столкнулся с тюрьмой своего графства. Увидев вопиющие недостатки ее, Говард, не углубляясь в теоретические обоснования, понял, что главное зло происходит от того, что, согласно обычаям того времени, администрация тюрьмы не получала вознаграждения, а жила на средства, получаемые от тюремных сидельцев за их содержание. Понятно, это приводило к тому, что богатые узники пользовались всевозможнейшими льготами, но зато неимущие находились в бесконечно тяжелом положении. Говард предложил совету графства назначить администрации содержание. Но совет возразил, что он не знает такого прецедента. Тогда Говард сел на коня и отправился искать тюрьму, в которой платили бы жалованье надсмотрщикам. По мере знакомства с тюрьмами, эта первоначальная узкая цель заменилась другой: ознакомлением и описанием тюрем сперва в Англии, а затем и в других странах Европы. С этой целью Говард изъездил всю Англию и Шотландию, он побывал во всех значительных странах Европы, до России включительно, в которой был два раза и на юге которой умер. Путь, совершенный им, — свыше 40.000 километров. На путешествия и на печатание своего описания европейских тюрем и рассылку его он истратил свыше миллиона франков. Со спокойной, протокольной объективностью описал он весь ужас тогдашних тюрем, без света, без воздуха, без обеспеченного хлеба насущного, описал заключенных, ютящихся в смрадных клоаках, среди грязи, отданных на милость надсмотрщиков, забытых обществом, которое лишило их свободы. Картина была такая яркая, что Говард счел мало говорить о том, что нужно сделать, ограничиваясь краткими практическими советами. И эта книга частного человека, не имеющего ничего за собой, кроме веры в дело человечности, произвела громадное впечатление на всех, и вопрос о реформе тюрем с тех пор не сходит с очереди. И мы видим, как сотни тысяч людей выведены были из подземелий, как им был дан свет, необходимая пища, как общество с тех пор стало неустанно заботиться не только о теле, но и о душе заключенных, как наряду

с карательным элементом, а подчас и вместо него, появился элемент помощи и попечения... Системе Ньютона, учению Дальтона, теории Дарвина мы найдем аналогии в учениях древних мыслителей. Но явление Джона Говарда, где личность, общество и государство в полной гармонии осуществляют в международном масштабе евангельскую заповедь посетить заключенного, возможно только в современной культуре.

**
*

Мы теперь постоянно говорим: "личность, общество и государство". И в этой тройственности тоже таится своеобразие нашей эпохи. В древности личность для осуществления своих целей могла обращаться только к государству. Поэтому Платон так подробно рассуждает, какое устройство более совершенно, и приходит к выводу, что лучше всего тирания, ибо тогда достаточно убедить одного, и цель будет достигнута. Современная же личность в поисках осуществления своих идеалов и требований не поставлена в необходимость обращаться только к государству, аппарат которого часто слишком медлителен и неповоротлив. Она имеет перед собой бесконечное количество других, самых разнообразных, инстанций, коллективов, всю совокупность которых мы называем "обществом". Наконец, она сама может для своих целей и задач вызвать к жизни новые человеческие образования, новые коллективы, новые организации в виде многообразных обществ и союзов. Будет бесплодно искать ответа, где раньше всего проявилось это замечательное свойство новых народов: в Германии, в Англии или другой стране. Будет неуместно нам здесь углубляться в проблему, насколько прообраз первой свободно образовавшейся христианской общины, противопоставившей себя государству, способствовал укоренению этого свойства. Нам достаточно лишь указать, что, как один из элементов прирожденных личности свобод, это право было установлено в англо-саксонских странах, где первые общества были построены на христианско-религиозной основе, и что ныне это право в тех или иных пределах признано всюду.

Количество таких объединений, поистине, неисчислимо. Ныне нет такой глухой деревушки, где наряду с принадлежностью к принудительно-государственным объединениям, личность не входила бы в другие а-государственные союзы: всякий принадлежит к какой-либо религиозной общине, всякий входит в какой-либо, а то и в не-

сколько кооперативов, всякий принадлежит к какой-либо политической партии, к какому-нибудь религиозно-нравственному, просветительному, культурному, эстетически-художественному союзу или обществу. И вот в этой системе свободной коллективизации современный человек находит себе гибкий, послушный аппарат для проведения своих целей, для обслуживания своих интересов, для осуществления своего идеала справедливости и красоты. Вместо бесплодных поездок к сиракузским тиранам, Платон ныне образовал бы политический союз или партию. В тюремной реформе нашего времени, наряду с деятельностью Говарда поразителен повсеместный рост многочисленных тюремных комитетов и патронатов, свободно объединяющих людей, желающих нести помощь заключенным и в свою очередь выискивающих таких людей.

При все большем количестве этих союзов, при громадном, все растущем значении их, нельзя не отметить, что они по принципам своей организации, в свою очередь, углубляют принципы равенства и свободы. Во всех обществах и союзах, по общему правилу, всегда все члены принципиально равны, и как вступление, так и выход из союза свободны. Фарадей был слугой Дэви, но это не мешало ему сменить своего хозяина на посту президента королевского научного общества. В каждой политической партии ее лидер, занимающий пост главы правительства, и входящий в эту партию чистильщик сапог на улице принципиально равны, и оба свободно в любую минуту могут покинуть эту партию. Только в подпольных организациях, в роде "мафии", и "каморры", и "ку-кукс-клана", царят иные начала.

Все это ново, все это было бы непонятно и чуждо древним. Римский техник легче мог бы понять устройство паровоза, чем римский юрист — понять устав любого общества, патроната или программу политической партии. Но если для римского юриста вызвало бы удивление наше устройство, то и для нас, когда мы подумаем о той духовной пустоте, которая окружала государство, опирающееся только на солдатскую организацию, кажется удивительным, как римское государство могло существовать. Античное государство, по сравнению с современным государством, — это здание, сложенное из кирпичей, не связанных между собой ни известкой, ни цементом. Поэтому оно было так хрупко и рассыпчато. Поэтому ему было так трудно придать целесообразную форму. Способность к сцеплению

и соединению личностей между собой в свободные союзы — величайший и многообещающий духовный прогресс нашего времени.

Если в особенностях современного внутри-государственного права мы находим черты значительного своеобразия, прогресса, целесообразности, то несколько иначе должны мы оценивать правовой аппарат, регулирующий отношения государств между собой. И, странным образом, до сих пор всегда чувствуется резкое изменение тона, когда от внутренних проблем переходят к проблемам международным: если внутреннее правотворчество чаще всего вдохновляется гуманностью, попечением более слабых, заботой о трудящихся, справедливостью в распределении благ, то стоит только перейти к проблемам международным, как солидарность, свобода, равенство и человечность вытесняются примитивным эгоизмом, ненавистью и злобой. В то время, как внутреннее право уже приближается к заветам новым, международное право стоит на духовном уровне старого законодательства Моисея. Но отсталость международного права сказывается трагически и на праве внутри государства. Новое государство стремится стать организованной трудовой общиной. Но психология взаимной подозрительности не дает ему окончательно перековать мечи на орала. И личность, обладающая таким значительным количеством признанных неотъемлемых прав, все еще не имеет самой примитивной, самой изначальной свободы, той свободы, которой уже добивались солдаты армии Кромвеля, свободы не воевать, свободы от принудительной военной службы, свободы не убивать. В подозрительной готовности стоя друг против друга, государства вынуждены держать своих граждан под ружьем.

Однако, и в области международных отношений мы видим не мало новых и многообещающих явлений. Государства, носители прежних культур, были почти всегда основаны на завоевании, на покорении чужих народов. Таковы были культуры Вавилона, Персии, Египта, Индии, Македонии и в наиболее сильной степени Рима. В дни расцвета римской мощи — римская империя состояла из целого ряда силою оружия сравнительно недавно покоренных областей, управляемых и сдерживаемых при помощи вооруженной силы. В соответствии с новым принципом народовластия, как основы государства, новая культура фактически не знает покорения

или, во всяком случае, духовно не мирится с ним. Уже до всемирной войны все растущая внутри-государственная и международная острота польского, финляндского и ирландского вопросов свидетельствовала об этом. И если мы взглянем на современную Европу, то мы увидим, что она состоит из целого ряда стран, не покоренных, а, наоборот, освободившихся, приобретших независимость. Иногда это освобождение народов совершилось давно, как освобождение Испании от мавров или России от татарского ига. Иногда это сравнительно недавнего происхождения, как, например, освобождение Голландии от испанского владычества или Греции и славянских стран от турецкого ига. Иногда эта независимость создавалась всего несколько десятков лет тому назад, как свобода Италии и Венгрии, и, наконец, целый ряд стран получил свободу сравнительно совсем недавно, только после великой войны: Польша, Финляндия, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония Ирландия, Албания. И, просматривая этот список, мы видим, что к уступкам были вынуждены как побежденные, так и победители. Германия потеряла польские области одинаково с Англией, лишившейся Ирландии. Таким образом, политическая история Европы характеризуется процессом освобождения народов, а политическая география ее — устанавливается принципом свободы и самоопределения. Но то же самое, хотя и не в такой законченной форме, видим мы и за пределами Европы. Начиная от всемирно-исторического освобождения штатов Северной Америки до современного освобождения Египта, мы видим тот же процесс освобождения народов. И что, может быть, наиболее замечательно: это освобождение отнюдь не всегда достигалось вооруженной борьбой. Целый ряд стран получил независимость без всякого кровопролития, или, во всяком случае, не с большим кровопролитием, чем достигается любая значительная политическая реформа. Мирная и мудрая уступчивость Швеции по отношению к пожелавшей полной независимости Норвегии для нашей эпохи и для существа современной культуры гораздо более характерна и показательна, чем все “великие” завоевания Наполеона.

**

Но не следует думать, что этот процесс освобождения народов и внешнего распада больших искусственных политических образо-

ваний является показателем центробежных, разобщающих сил современной культуры. Наоборот, в полной внутренней гармонии с этим исчезновением внешних принудительных, насильственных связей совершается и углубляется рост связей свободных, духовных.

Уже в прошлом, начиная с принятия христианства варварскими народами, мы видели, что идея космополитизма неизменно сопутствует всем народам на протяжении всей истории. И это не был мертвый принцип. Фактически все страны христианского мира жили одной духовной жизнью, совместно заблуждались, совместно искали, совместно учились, открывали и изобретали. Всеми народами совместно проделаны такие этапы, как идеология средневековья, как феодальное устройство, как возрождение, реформация, век просвещения; все народы Европы совместно, заимствуя друг у друга, поучаясь друг от друга, создали народовластие, как принцип, и парламентаризм, как техническое выражение этого принципа, и свободу совести, и понятие неотъемлемых прав личности. Не отдельные страны, а весь мир поставил вопрос об отмене смертной казни, о тюремной реформе, весь мир и для всего мира отменил рабство, весь мир признал принцип политического равноправия и нашел ему почти одинаковое выражение.

Всякий, кто всматривается в эти процессы, знает, что это не словесное единство, что это не внешнее совпадение по времени, что это даже не простое заимствование одними странами того, что придумано и осуществлено другими. Единство гораздо глубже, полнее, органичнее. Это единство творчества, работы. Нет ничего существенного в области науки, техники, права и морали во всем мире, что не было бы создано соборно, трудом, мыслью, сердцами и душами людей разных национальностей, гражданами различных государств.

Последнее время принесло новые моменты сближения всех стран всего мира. Прежде всего технические достижения в области сообщения, обмен мыслями и сведениями сделали наш мир технически и географически маленьким. Путешествия, для которых раньше нужны были дни, теперь совершаются в часы. Сведения о событиях, совершившихся на другом континенте, у наших антиподов, до нас доходят ныне скорее, чем сообщение из какой-либо пограничной деревушки Аттики в древности достигало Афин. Гонец, принесший в Афины весть о марафонской победе, от напряжения умер. Ныне же об исходе состязания боксеров в Нью-Йорке вся

Европа узнает через несколько минут. Дебаты Лиги Наций и речи политических деятелей слушает вся Европа, а иногда весь мир. Всякая научная идея, всякое направление в искусстве, в литературе, всякий архитектурный стиль, всякая деталь быта или костюма, всякий оттенок мысли — стремятся стать известными всему миру.

Быстрота и надежность сообщений привела к тому, что наше хозяйство тоже превратилось из народного в космополитическое. В любой стране, как большой, так и маленькой, в промышленной и аграрной, всякий гражданин, как богатый, так и последний бедняк, в течение каждого дня непрерывно сталкивается с предметами других стран, потребляет продукты разных континентов и во всей своей деятельности неразрывно связан с явлениями всего мира. Единство мирового процветания в 1925—6 году, равно как единство мирового кризиса 1930—3 года, подчеркивает этот космополитизм современной экономики и хозяйства.

Наряду с этим фактическим, жизненным космополитизмом, разными путями и способами зарождаются, завязываются и крепнут связи организационные. В древнее время, когда вообще не было признанных легальных свободных союзов, тем более не могло быть объединений сверхгосударственных. Первой и долгое время единственной такой организацией было монашество буддизма. Потом апостол Павел создал подобную же организацию христианской церкви. Ныне же можно сказать, что чуть ли не всякий свободный союз, если только он не ставит перед собой чисто местных задач, стремится к универсальному разрастанию. Количество космополитических организаций, пронизывающих любое современное государство, прямо таки поразительно. Космополитической является всякая религия (кроме иудейства, составляющего парадоксальное исключение из этого правила). Даже всякая секта, всякий орден, всякое специальное объединение в рамках любой религии стремится выйти за пределы государства. Всякое филантропическое объединение вызывает организационный отклик в других странах: даже патронаты, связанные с нуждами местных тюрем, быстро объединяются в союз патронатов государства и вступают в организационный контакт с другими патронатами. Количество международных научных, литературных, экономических, культурных, эстетических организаций неисчислимо. Более того, даже такие явления, которые, казалось бы, связаны с местными условиями, как политические партии, и те стремят-

ся интернационализироваться. И не только левые течения, сознательно космополитические, но даже правые, и те, как бы против своей воли, стихийной силой современной универсальности, организационно сближаются. Даже движения, ставящие своей задачей борьбу с духом космополитизма, сами немедленно становятся космополитичными. В этом отношении поразителен отклик на итальянский фашизм. Основанный на национальной итальянской идее, он стал прообразом подобных идей всех народов, и нет ничего поучительнее, чем картина, как националисты других стран считают своим долгом получить благословение от вождя национализма Италии. Даже еще более узкое духовное явление национал-социализма германского, и то в своей идее видит мессианскую задачу в рамках мировой культуры. Выбор мистического знака восточных народов, как отличия узко-национальных тенденций Германии, и популярность его во всех созвучных течениях других стран свидетельствует о всепреодолевающей силе объединительных тенденций современной эпохи.

Это фактическое, подлинное, жизненное единство до недавнего времени не имело своего организационного выражения. С момента реформации принцип священной римской империи влачил чисто формальное, титульное существование до начала прошлого века, когда он почти незаметно был отменен. Такие временные образования, как Священный Союз, не выражали ни в малейшей степени космополитичности современного мира. Более того, мы все время видим политические или идейные попытки возобновить дело объединения человечества по римскому методу, и на поверхности все время возникают идеи политических и идейных империализмов: империализм Наполеона I, стремившегося создать насильственно единство Европы и даже коронованного папой по реминисценциям о Карле Великом, империализм пан-германский, империализм русский, политический или идейный, в виде веры в какое-то мессианство русского народа, который спасет от гибели гниющую западную культуру. Но, конечно, эти идеи могут иметь успех только в узких кругах, не понимающих современности, не чувствующих ее умов. Судьба последнего помазанника на власть в Европе, Наполеона, является поучением всем подобным теориям и попыткам осуществления. Идея властвования над народами — это архивная ветошь, противоречие

основным принципам современного правосознания: принцип самоопределения народов слишком глубоко вкоренился в умы и слишком глубоко и органически связан с основами современного права.

Но вот последние годы дали нам, как поучительный и успокаивающий результат всемирной войны, учреждение Лиги Наций, организационно в наиболее широком масштабе воплощающей принцип равенства народов и их единства. Это учреждение ново и необывало. В нем мы должны видеть начало завершения органического роста тенденций от партикуляризма к космополитизму, которые как в прежних, так и в европейской культуре, как самый незыблемый, как самый основной закон человеческого развития неудержимо толкает все народы в отдельности и все их вместе к сознанию и осуществлению этого единства. И нет сомнения, если бы германские варвары были предоставлены самим себе, все же рано или поздно они органически пришли бы к этой идее.

Но в данном случае это не только органический, бессознательный рост и эволюция человеческих ощущений. Здесь, кроме того, осуществление двухтысячелетней сознательной, завещанной прежними культурами мечты человечества об единстве народов. И тем создается двойная сила, двойное значение, двойная непоколебимость нового принципа. Теперь в моде смеяться над слабостью Лиги Наций. И насмешки правильны. Она, действительно, слабее, чем самые слабые императоры священной римской империи в момент политических затруднений и конфликтов. Но, с другой стороны, никто не скажет, что по идее, по замыслу ее инициаторов и создателей она и должна быть слабой. Это несовершенство осуществления, но не принципа. А на первых порах слаб всякий режим: и монархия при ее установлении, и республика после ниспровержения монархии, — и нужны десятки лет, пока новое учреждение пустит организационные корни и станет властной силой. Если Лига Наций в теперешнем виде не годится, то она будет реформирована, она будет заменена другим аналогичным учреждением. Будем критиковать ее. Но будем уважать ее. В ней величие, которое вполне видно, только если посмотреть на нее с расстояния тысячелетий.

**
*

Кончая очерк особенностей современности в области внешней и духовной культуры, мы можем подвести некоторые итоги.

Прежде всего, по сравнению с ближайшим, непосредственным

прошлым, в пределах одного тысячелетия назад, наша культура показывает неустанный рост, развитие, подъем. При всех временных и местных отклонениях, при всех зигзагах и изгибах, несмотря на частые спуски и срывы вниз, все же не может быть спора, что во всех областях внешней жизни и жизни духа кривая человечества поднимается вверх. Всюду растет внешнее могущество, растут материальные средства, преобразуется весь вид земного шара. Наряду с этим развивается и духовная сторона человечества. И как в области права, так и в смежных областях морали, религии, мы видим несомненный рост и прогресс.

Сравнивая отдельные этапы этого духовного развития с этапами, пройденными старыми народами, нас очень часто поражает совпадение не только в крупных чертах, но подчас и в деталях. Мы знаем, что новые народы начали путь своего развития если не с примитивного варварства, то с духовной стадии соответствующей эпохи Гезиода в Греции, эпохи царских законов в Риме или первой стадии законов Моисея в Израиле. От аналогичной исходной стадии путь шел в том же направлении, как у древних народов, от узкой ограниченности маленькой общины, через национальное самосознание к сознанию космополитическому; от грубого эгоцентризма традиционно сложившейся организации к свободно-коллективистическому альтруизму; от понятия связи по крови и по рождению к духовному братству всех людей. В этом направлении идет путь, в этом направлении пройдены многочисленные стадии и этапы.

Правда, сличение с прошлыми высочайшими достижениями мысли покажет нам, что вершин мы еще не достигли. Но зато там, где в прошлом поднимались только одиночные личности, одиночные умы, теперь поднялись громадные массы; слова, которые раньше захватывали немногих, ныне находят себе отклик в миллионах. Мы повторяем старое, но, как по вздымающейся спирали, мы вместе с тем поднимаемся вверх. В учении древних мыслителей мы находим слова более возвышенные, чем те, которые вдохновляют нас. Но древность лишь искала путей осуществления этих принципов и найти их не могла. Поэтому современному праву, с его человечностью, с его равенством, свободой, — мы не найдем аналогии в древних государствах. Лишь христианская древняя община, насколько мы можем судить о ней, строилась примерно по таким же принципам. Правда, эта община была более духовная, более воодушевленная, более проникнута живым чувством солидарности и братства всех

людей. Но зато это было немногочисленное объединение почти что отшельников. Все силы, реально регулирующие отношения людей, были вне круга зрения, вне власти этой общины. Мы же теперь по подобным принципам организуем колоссальные комплексы человеческих масс, каких не могла себе даже представить фантазия древнего мира, мы ими регулируем отношения на пространствах всего земного шара, мы теперь этим принципам подчинили и государство и церковь, мы теперь научились заставить служить им покорное в наших руках, гибкое право. Пусть мы еще не можем сказать, что наш закон — “закон любви”, “закон свободы”, “закон царский”. Но мы неустанно идем в этом направлении. Многие начала морали уже приняли твердую форму закона, многие веления права приобрели живую силу нравственной необходимости. Осуществление идеала, завещанного греческими мыслителями — слияние права и справедливости — кажется уже не мечтой, а необходимостью. И над нами уже веет образ “царства”, яркое видение которого явилось рыбакам Галилеи. — Поистине, если задачей человечества считать слияние универсальных начал права Рима, греческого космополитизма и израильской мечты об единой братской семье человечества, то нужно признать, что мы уже значительно приблизились к органическому, гармоническому синтезу этих начал.

К завершению путей подходит современное человечество!

Действительность и мечты

“К завершению путей подходит современное человечество”...

Но так ли это? Почему мы, современники, совершенно иначе воспринимаем окружающую нас действительность? Почему мы как бы не замечаем этих достижений, почему мы не чувствуем ни радости ни удовлетворения, а, наоборот, полны забот о дне насущном и тревог относительно дня грядущего? Почему у нас в душе царят беспокойство и тревога?

Чтобы ответить на эти вопросы, взглянем пристально на события дня одного из современных граждан Европы.

Один день из жизни Ивана Иванова.

Мастерская, в которой работал Иван Иванов, была маленькая, захудалая, чуть державшаяся на поверхности жизни. Какая-то неотвратимая обреченность казалась нависшей над ней: обреченность самой мастерской, так как она не могла конкурировать с другими большими мастерскими, обреченность всей отрасли промышленности, так как вообще точение по дереву явно становилось никому не нужным, обреченность всего городишка, когда-то славившегося производством вычурной мебели, с точеными и резными частями, который теперь, при господстве гладких плоскостей и прямых линий, переживал суровейший экономический кризис. Можно было поэтому подивиться не тому, что дела мастерской шли плохо, а тому, что она еще каким-то чудом существовала.

Иван Иванов, несмотря на все испытания жизни, обычно был полон энергии и бодрости. И когда была работа — его токарный станок то брызгал во все стороны стружками, обтачивая целые ко-

лоды дерева, то затихал над тонкой вычурной работой отделки деталей, и вещи из-под его рук всегда выходили безукоризненные. Хотя он готовился быть филологом, но труд токаря явно был более ему по душе. Если бы не то, что Иванов был русским эмигрантом, он мог бы быть уверенным в том, что будет уволен последним.

Но сегодня Иванов был крепко не в духе. День шел как-то нескладно, не так, как нужно. Впрочем, от понедельника нельзя было ожидать ничего лучшего: Иванов с детства недолюбливал понедельники. Этот же понедельник был особенно тягостный. Дело в том, что в субботу тоже выдался праздник, мастерская не работала, и Иванов на два дня съездил к товарищу-эмигранту, жившему в городишке на берегу моря. Два дня прошли, как в угаре. Отправляясь в обратный путь он сел сегодня ночью в поезд и прямо с вокзала, не заходя домой, на автобусе приехал в мастерскую. Правда, в поезде народу было мало, и он, растянувшись на скамье, спал как убитый. Если голова трещала, то в этом виновата не сегодняшняя, а скорее прошлая ночь. Но поездка и связанные с нею траты на дорогу, хотя он ехал по самому удешевленному, праздничному, тарифу, сильно опустошили и так уже скудный запас наличности. Дотянет ли он до конца недели? Сколько денег осталось у жены? А ведь они не раз уже торжественно решали, что, в виду неопределенности будущего, в виду ежеминутно грозящей безработицы, надо начать откладывать, урезывая себя во всем. А тут вот тебе и урезал! И мысль об истраченных деньгах все время колола его.

Эта тревога и беспокойство как бы перенеслись к станку. Обычно станок только радовал Иванова. Очень удобный, с прекрасно обдуманными деталями для работы, с гармонически сложенными частями, он как бы сливался с человеком. Легкий поворот выключателя соединял с электрической сетью, маленький электро-мотор начинал жужжать, подымая сразу настроение, ось станка и обрубок дерева, надетый на него, начинали быстро вращаться. Прикосновение острых граней стали подымало фонтан стружек и оставляло ровный след на бесформенной поверхности бруска. Но сегодня Иванов сразу почувствовал, что и станок "не в духе", работает не гладко. Смазка не помогла. Пришлось остановить станок и разобрать подшипник, пока нашел и устранил дефект. Эта задержка еще более раздосадовала Иванова. А тут пришел заказчик и выразил недовольство, что работа двигается так медленно.

К обеденному перерыву настроение Иванова было совсем кис-

лое. Сидя в соседнем убогом ресторанчике за своей обычной трапезой — гороховый суп с куском мяса — Иванов взглянул на лежащую на столе вчерашнюю газету. На первой странице были сведения о работах и трудностях Лиги Наций и заметка о судьбе конференции по разоружению. Далее статья о кандидатах на нобелевскую премию мира: назывались, между прочим, имена Муссолини и Литвинова. Иванов только крикнул, прочтя это. Среди иллюстраций был переданный по радио снимок прилета в Пернамбуко цеппелина, окруженного стаей встретивших его аэропланов, гондола для нового полета в стратосферу и изображение того, как в Бразилии уничтожают излишки кофе. Но все это мало заинтересовало Иванова. С досадой откладывая газету он сказал соседу: “В газетах совсем нечего читать”...

Заговорили о политике. Но так как оба были убеждены, что экономический кризис становится все сильнее, и конца ему не видать, и что, во всяком случае, очень скоро будет новая война, то разговор скоро оборвался. Настроение несколько поднялось, когда хозяин ресторанчика завел граммофон. Вальс Штрауса, красивая румба, потом заунывное танго с пеньем. В заключение была поставлена каким-то чудом заблудшая в ресторанчик пластинка с элегией в исполнении Шаляпина, навеявшая острую, но спокойную грусть.

Когда к вечеру рабочий день кончился, Иванов отправился домой. Жил он в большом доме-казарме на окраине города. Квартирка была высоко, маленькая, неуклюжая, со всеми мыслимыми неудобствами. Да и сосед по лестнице доставлял огорчения. Это был мелкий чиновник, жена которого была ярая националистка и поэтому постоянно подчеркивала свое пренебрежение к семье рабочего и эмигранта. К счастью, встречаться приходилось редко.

Жена Иванова тоже только что пришла. Не имея возможности найти себе заработок, жена уговорила Иванова взять в аренду кусок пустыря за городом и устроить там огород. Иванов считал это чистой блажью, но так как это стоило очень мало, то согласился. И вот с ранней весны жена возилась над “своим” огородом, копала, сажала, полола. И вскоре с гордостью стала приносить свою зелень и овощи. Иванов, сперва нехотя, стал втягиваться в это дело и помогать жене; теперь он даже сам предложил на следующий год снять побольше участок. Во всяком случае, он с удовольствием возился с лопатой по свободным дням.

Когда был подан ужин, вид скудной трапезы как-то по-особенному огорчил Иванова. “Так ли мы едали раньше?” — подумалось ему. Садясь за стол и взяв в руки каравай хлеба, он почему-то вспомнил слова: “Хлеб наш насущный дай нам днесь”. Захотел вспомнить, как дальше, и с удивлением убедился, что забыл. Он попробовал в мыслях припомнить с разбега, с начала, но дойдя до слов: “Да придет царствие твое”, — запнулся и дальше не мог вспомнить. Но это его мало смутило. Он считал себя свободомыслящим настолько, что как-то, будучи на суде свидетелем, отказался от присяги “по убеждению”.

Во время трапезы жена и сын 12-ти лет на перебой стали рассказывать отцу о всех событиях за два дня. Между прочим, они побывали на удешевленном сеансе для детей в кино. Показывали старую, еще немую фильму из жизни Готамо Будды. Картины Индии, дворцов, царей поразили воображение мальчика. Более всего ему понравились белые слоны. И в восторге он заявил, что, как только вырастет, непременно поедет в Индию, и не на пароходе, а полетит на аэроплане.

Жена спросила мужа о его поездке. Но тот ответил односложными, неопределенными замечаниями. Тогда жена спросила, имеет ли он деньги, так как она боится, что после кутежа в кино ей не хватит до конца недели, тем более, что как раз кончается запас сахара и кофе. Иванов в ответ пробурчал, что ходят слухи о закрытии мастерской. Жена поняла, что он страшно не в духе, и прекратила разговор. Про себя же подумала, что надо будет отказаться от кофе до конца недели. А может быть, совсем?

После ужина Иванов наладил свой старенький и простенький радио-аппарат, дающий возможность слушать только ближайшую станцию, да и то только с наушниками. Хороший радио-аппарат был мечтой всех троих. Конечно, неосуществимой.

Перед сном Иванов достал из кармана записную книжку и записал в нее: “Два дня у моря. Природа — просторна. Море — прекрасно. Но жизнь тесна, сера и уныла. А будущее — беспросветно и темно”... Он любил цветистые слова.

Ложась он все еще думал, как бедна его жизнь, как все в ней неустойчиво, неприятно, безнадежно. “Да придет царствие твое”... Какая насмешка! И все время под тон мыслей в ушах звучала запомнившаяся мелодия элегии, спетой Шаляпиным. Под звуки ее Иванов уснул.

Таких людей, как Иван Иванов, многие десятки тысяч, подобных ему — миллионы. И в соседних странах, и во всей Европе, и на других континентах, и под тропиками, и в арктике, под тенью берез и лип, под северными соснами и елями, под южными кипарисами и пальмами, везде такие, как он, люди живут скромной трудовой жизнью, и все они полны заботами о хлебе насущном, полны тревогами за день грядущий.

И вот, если сравнить его психологию с нашими выводами при оценке современности, то окажется явное и глубокое несоответствие. Спрашивается, почему же он не чувствует радости, если наша эпоха, действительно, такая величественная? Почему в его душе царит беспокойство, тревога и мрачные предчувствия?

Ответ на этот вопрос отчасти очень легок, отчасти же чрезвычайно труден. Он легок, если говорить только о настоящем, об оценке его. Но он становится крайне трудным, если мы затронем перспективы будущего.

Если не выходить из пределов сегодняшнего дня, то мы без обвиняков должны отбросить все жалобы Иванова, как не заслуживающие ни малейшего внимания. Иванов говорит, что его “жизнь тесна, сера и уныла”. Суровый приговор. Но справедлив ли он? Вспомним, скольких чудес коснулся он в течение одного только “неудачного” понедельника, когда мы познакомились с ним. Быстрый, как ветер, поезд, который утром примчал его с берегов моря в город, электричество, кинематограф, аэропланы и цеппелин, изображение которых он видел в газете, радио, в которое он слушал музыку и доклады, граммофон... Но Иванов так уже привык ко всему этому, что, если мы просто напомним ему обо всех этих чудесах, то он только пожмет плечами и скажет: вот невидаль какая!

Не лучший, вероятно, получится результат, если мы напомним ему, что если его день прошел сравнительно так безмятежно и спокойно, то это только потому, что его со всех сторон, как верные стражи, окружают великие принципы человеческой свободы: свободы совести, свободы убеждений, свободы политической и национальной; что досадливо им пропущенные статьи в газете говорили о Лиге Наций, организационном воплощении двухтысячелетней мечты человечества; что комиссия по разоружению тоже новое явление во всемирной истории... Но и тут Иванов просто не поймет вас, ибо

во всем этом он видит привычную и даже надоедливую обыденность и больше ничего. Над словами о политических свободах он горько и иронически улыбнется. При словах о Лиге Наций он просто перестанет вас слушать, как досадливого резонера-идеалиста, не понимающего реальностей жизни.

Но тогда попробуем произвести своего рода психологический опыт, чтобы дойти до сознания Иванова: предложим ему, если ему не нравится современная жизнь, выбрать себе по собственной воле любую эпоху в истории человечества и сказать, какая из них ему более по душе, чем современная.

Если его выбор остановится на 1920 году — всего десяток с лишним лет назад, — то он уже потеряет радио: этот великий чудодей нашего времени исчезнет из его жизни и даже мечтать о таком чуде он не осмелится. Исчезнет говорящая фильма. Исчезнет дешевое место для поездки к морю, так как удешевленный тариф введен сравнительно недавно. Исчезнет автобус, на котором он ехал со станции, исчезнет цеппелин с его рейдами в Южную Америку...

Если Иванов сбросит еще два десятка лет — исчезнут аэропланы, из быта исчезнут автомобиль, кинематограф, граммофон. Телефон делается мало кому доступной роскошью, точно так же, как и электрическое освещение.

Еще пятьдесят лет назад: исчезают телеграф, телефон, и вообще электричество, исчезают железные дороги. Но зато возрождается власть помещиков, и Иванов, если бы родился тогда, был бы крепостным предков своего товарища, у которого он только что гостил, почти без всякой надежды выбиться из своего положения. А кроме того, ему грозила бы николаевская солдатчина в течение многих, лучших, лет его жизни.

Еще пятьдесят лет назад, год 1800! Жизнь еще примитивнее, еще более убогая. Улицы городов тонут в непролазной грязи. Об освещении ночью нет почти и помину. В большинстве городов нет водопровода и канализации... В 1800 году восходила звезда Наполеона. И всем известно, что он любил быструю езду и специально строил для своих поездок дороги. Так вот всемогущий победитель в то время путешествовал с подлинно черепашьей медленностью — максимально 15 километров в час. Но, главное, Наполеон, при всем своем могуществе, не мог и мечтать о тех удобствах, с которыми сегодня приехал Иванов, лежа на скамейке третьего класса. Поездка в товаро-пассажирском поезде для Наполеона была бы невообрази-

мой быстротой и удобством. А если бы Иванов, перенесенный в 1880 год, каким-либо чудом сохранил воспоминание о своем радио-аппарате, то Парижская Академия и Лондонское Королевское Общество, вместе взятые, не в состоянии были бы понять его, если бы он попытался объяснить им свой простенький домашний прибор, и не сумели бы использовать его, если бы он этот аппарат им показал.

1700, 1600, 1500... Но тут надо быть сугубо осторожным. Пусть Иванов помнит, что надо взвешивать свои слова. За каждое слово неверия, за отказ от присяги, за свободомыслящую книжку его там ожидал бы суд и суровая расправа, а, может быть, даже сожжение на костре. Да и не он один, а вся его семья, жена, сын, жестоко заплатились бы за каждое неосторожное слово. И тогда он на своей спине почувствовал бы отсутствие современных ангелов-хранителей в виде великих принципов личной свободы, незримо оберегающих покой его и его семьи.

Но стоит ли опускаться дальше в тьму веков? Не пора ли вернуться назад к действительности? Может быть, уже у Иванова произошло ощущение величия современной эпохи, может быть, он уже почувствовал, какое счастье и небывалая удача принадлежать к тому поколению, которое впервые за все существование человечества увидело, как человек превратился в "белого царственного лебедя", о котором мечтал Леонардо-да-Винчи, и почти полностью достиг всех тех наград, о которых туманно предвещал Готамо. Может быть, и Иванов уже подумал, как в самом деле было бы глупо, нелепо и несправедливо родиться на каких-то пятьдесят лет раньше и уже не видеть ничего из этих фантастических достижений человечества!

Но, может быть, мизантропия Иванова так велика, что этой экскурсии по прошлым векам для него не достаточно. Тогда попробуем другой путь. Кроме истории человеческой реальной жизни, мы имеем еще историю человеческой мечты. В разное время разные мудрецы и мыслители давали волю своей фантазии и изображали нам идеальный строй человеческой жизни, осуществление всего, что им казалось и справедливым, и красивым, и радостным, и обеспечивающим полное счастье для всех и для каждого. И попробуем героическое средство: предложим Иванову на выбор перенестись в любую из известных человечеству воображаемых идеальных систем человеческого устройства и стать гражданами любой известной — старой или новой — утопии.

Оставив в стороне совершенно чуждые нам и абсолютно для нас неприемлемые древние изображения идеального строя, вроде "Республики" Платона или Зенона, или идеальное государство Платина, и обращаясь к более нам близким мечтам новой истории, первую попытку начертить идеальный строй человеческого общества мы увидим у знакомого нам благочестивого и стойкого канцлера английского короля Генриха VIII, Т о м а с а М о р а. Трудно сказать, что более достойно внимания и замечательно: автор или книга, что интереснее: биография Томаса Мора или его Утопия. Покамест мы скажем только, что мало имеется более характерных для склада европейской цивилизации личностей, чем Томас Мор. Теперь же отметим, что его книга, названная им Утопией (от греческих слов: "ни откуда"), описывает жизнь, организованную Утопусом на острове, лежащем недалеко от Американского континента. Чрезвычайно поучительно сравнение Утопии с Республикой Платона. Если ход мысли, привычки, задачи греческого писателя совершенно чужды, странны, неприемлемы для нас, то в духовной атмосфере книги Томаса Мора — как ни странна она для нас в отдельных местах — мы все же у себя дома. Это уже продукт новой, нашей, культуры. Прежде всего в этой Утопии видно стремление к действительному равенству. Нет разделения на касты — профессии. Наоборот, самые трудные полевые работы исполняются горожанами, которые по очереди на два года посылаются в сельские фермы или специально, во время жатвы и других полевых работ, командированы из городов. Отчасти в этом сказывается и переоценка труда: сельский труд не считается чем-то низким. Наоборот, в Утопии Мора всякий мужчина и женщина обучены ему. И новой струей входит любовь к природе в нашем современном понимании: жители Утопии сажают много деревьев, и даже города у них напоминают города-сады, как мы их теперь называем.

Человек Утопии не раб труда, а хозяин. Из 24 часов на обязательный труд отдается 6 часов, на сон — 8 часов, а остальное время каждый может употреблять по своему усмотрению и склонностям, лишь бы употреблял его на что-либо полезное. Свободное развитие и разносторонность человеческой личности составляет контраст с узким пониманием человеческих интересов у Платона.

Человеческая личность имеет возможность развиваться разно-

сторонне по своим склонностям. И для этого обладает достаточной внешней свободой. Даже религия свободна, и основной закон Утопии провозглашает свободу совести. Великий принцип, и здесь он сформулирован не от безразличия к религиозным верованиям: мы уже видели, что за стойкость своих религиозных убеждений Томас Мор заплатил головой, не желая признавать главенства короля в Церкви. И, более того, еще одну свободу провозглашает он: свободу от воинской службы и повинности: никто в Утопии не принуждается участвовать в войне.

Вообще здесь мы встречаем чисто пацифистские тенденции не любви к войне и стремление по возможности избавиться от нее или хотя бы ограничить ее. И не только пролитие крови людей, но даже животных претит автору Утопии: охоту, где слабое животное разрывается сильным, он предоставляет в Утопии исключительно мясникам, рекрутируемым из преступников.

Однако, несмотря на столько черт, сближающих Утопию с духом современности, мы все же находим в ней и черты отсталости, пережитков старины. Размеры страны маленькие — двести миль в ширину и двести миль в длину. Она отрезана от внешнего мира: обе гавани защищены естественным и искусственным образом так, что посторонний корабль не может приблизиться к берегам. Более того, прежде соединявший с материком перешеек прокопан широким каналом, чтобы обезопасить жителей Утопии.

Быт Утопии беден и примитивен. Жители носят самодельные платья, окна только отчасти имеют стекла, отчасти же защищены от непогоды пропитанными маслом тканями. При всем стремлении к равенству, страна знает рабов, которые закованы в золотые (из презрения к золоту), но все же цепи: это преступники и военнопленные. В частной жизни разводы страшно стеснены, прелюбодеяние карается рабством, а повторное — смертью. Муж имеет право наказывать жену. Воспитание юношества в руках духовенства.

Для того, чтобы составить себе представление о примитивности быта жителей Утопии, возьмем описание того, как они путешествуют по своей стране (заграничное путешествие является, конечно, в виду обособленности острова, немыслимым):

“Если кто-либо задумывает посетить своих друзей, живущих в другом городе, или пожелает путешествовать, чтобы увидеть другие части страны, он легко получает разрешение от магистратов, если только нет специальной нужды в нем дома. Такой путешествен-

ник имеет с собой паспорт, данный князем страны, который удостоверяет разрешение путешествовать и ограничивает время его. Он получает крытый экипаж и раба, который погоняет волов и присматривает за ними, но если только нет женщины в обществе, то экипаж в конце путешествия отсылается обратно, как ненужное отягчение. В пути они не берут никаких запасов с собой, так как они ни в чем не нуждаются, и повсюду с ними поступают так, как если бы они были у себя дома. Если они останавливаются дольше, чем на одну ночь, то каждый делает свое дело и хорошо используется людьми той же профессии. Но если кто-либо оставляет город, к которому принадлежит, без разрешения, и будет обнаружен бродящим без паспорта, то с ним поступают сурово и наказывают, как беглеца, и с позором отправляют домой: если же он еще раз делает то же самое, то предается рабству. Если кто-либо хочет путешествовать по окрестностям своего города, то может свободно делать это с разрешения отца и согласия жены”...

Эта краткая страничка из “идеального” строя по мысли одного из самых глубоких мыслителей нашей культуры свидетельствует о том, как убога мысль по сравнению с действительностью.

**
*

Следующее за Томасом Мором поколение мыслителей дает сразу две утопии: “Город Солнца” беспокойного монаха К а м п а н е л л ы и “Новую Атлантиду” Ф р э н с и с а Б э к о н а. Монах-авантюрист, беспокойный дух и ум, повидимому, не знал Утопии Томаса Мора, и его труд вдохновлен, главным образом, Платоном. Рассказ вкладывается в уста генуэзского капитана, который рассказывает Гросмейстеру об удивительном приключении — посещении острова, на котором находится Город Солнца, имеющий идеальное устройство человеческого общества. Черты этого устройства: общность имущества и жен, правление мудрых, разумная регламентация всей жизни до последних мелочей. Характерна, например, картина еды: с одной стороны стола сидят мужчины, с другой — женщины. Едят молча. Мальчик читает книгу. Чтение прерывается только отдельными замечаниями старших. Во главе государства стоит главный правитель, “Соль”, и три триумвира: Мудрости, Силы и Любви. Все власти выбираются, но эти 4 высшие — только добровольно уступают власть более способному. Во всем устройстве

и быту значительную роль, хотя и не такую, как у Платона, играют войны и войско вообще. Технически, конечно, культура стоит на уровне техники эпохи Кампанеллы, хотя он и упоминает корабли без весел и парусов и даже способ подниматься в воздух, правда, при этом подчеркивая, что искусство летать еще не было достигнуто солариями.

Примерно в одно время с утопией Кампанеллы была написана или, точнее, начата Фрэнсисом Бэконом его "Новая Атлантида". Корабль, плывущий по неизвестным просторам Великого океана и близкий к гибели из-за недостатка припасов, приплывает к неизвестной земле.

Вот как Бэкон описывает первую встречу с местными жителями. Когда корабль с 51 человеком вошел в бухту, то местные жители, с палками в руках, знаками дали понять, что никому не разрешается высаживаться.

"Смущенные, мы стали советовать, что делать; в это время к нам приплыла маленькая лодка с примерно 8 человеками, из которых один в руках держал жезл из желтого тростника, концы которого были выкрашены в синюю краску. Этот человек без страха поднялся на наш корабль. Когда он увидел, что один из нас стоит впереди других, он развернул свиток пергамента и передал его стоящему впереди. На этом свитке было начертано на древне-еврейском, на древне-греческом, на хорошем школьном латинском и на испанском языке следующие слова: "Пусть никто из вас не высаживается: в течение 16 дней вы должны покинуть этот берег, если не получите разрешения оставаться дольше. Но если вы нуждаетесь в свежей воде, или припасах, или помощи больным, или если ваш корабль нуждается в исправлении, — то напишите, что вам нужно, и вы получите то, к чему обязывает долг милосердия". Передав этот свиток, офицер удалился, оставив слугу для получения ответа".

После того, как ответ был передан, через три часа появилась другая лодка, которая уже остановилась на расстоянии выстрела от корабля. Начальник лодки потребовал, чтобы с корабля тоже послали лодку. Первым вопросом было: "Христиане ли вы?" Не довольствуясь положительным ответом, местные жители потребовали: "Если вы поклянетесь, все, сколько вас есть, благостью Спасителя, что вы не пираты, и что вы не пролили крови законно или незаконно, в

течение последних сорока дней, то вы получите разрешение сойти на землю”.

Так жители идеальной страны встречали маленькое суденышко, первым, после 37 лет, появившееся в их гавани. Когда экипаж корабля принес клятву, что они не пираты, и что они христиане, — им разрешили на шесть недель сойти на берег, но с предупреждением, что они не имеют права отдаляться от стен города далее, чем на 1½ англ. мили. Путникам предоставили прекрасное помещение в доме для чужеземцев, где их поместили по двое в комнате. Тут же поместили в специальных комнатках и больных людей экипажа. Окна дома для чужеземцев отчасти имели стекла, отчасти же были затянуты пропитанным маслом батистом. Во время пира женщины стояли, прислонившись к стене. Из рассказа о строе и быте Атлантиды мы узнаем только о большом значении техники, но из перечисления технических достижений мы скорее видим еще усилия приспособить силы природы на пользу человека, чем уже достигнутые результаты: упоминаются скорее лабораторные исследования, но не готовые изобретения.

Хотя описание это не кончено, но оно и в этом виде очень характерно. Не забудем, что оно принадлежало перу автора «*Novum Organum*», человека, который считается основателем индуктивного метода в науке, первым идеологом современного естествознания. И вот мы видим, как бедна фантазия даже такого человека, как убог арсенал его по сравнению с теперешними возможностями. Во всяком случае, теперь экипаж приплывшего корабля не спрашивают, не пираты ли они, не требуют определенного вероисповедания; для гостей найдется достаточно отдельных номеров в любой гостинице, для больных найдутся специальные больницы, для окон достаточно имеется повсюду, даже в самой глухой деревушке, стекла, а иностранцу не станут указывать, что он не имеет права отдалиться более, чем на полторы мили от города. Если даже такие вещи где-либо в мире сохранились, то это для нас является лишь курьезом низкого состояния культуры, а не идеалом человеческого быта и порядка.

**
*

Но перейдем к новейшим утопиям. Вот перед нами утопия одного из писателей, вышедших из кругов английских прерафаэли-

тов, друга Берна Джонсона, ученика Рескина, Вильяма Морриса, который, повторяя заглавие Томаса Мора, написал роман: "Вести Ниоткуда, утопия". Этот роман может быть охарактеризован словом "эстетический социализм". Герой романа, усталый, с издерганными нервами житель большого города, Лондона, просыпается в обстановке Англии XXI века и не находит дымных, душных, скученных больших городов. После кровавой социальной революции Англия, установив общность имущества, равенство и братство, организовала жизнь, сочетая высокую духовную и умственную культуру с простотой, здоровьем, близкой к природе и проникнутой красотой жизнью. Везде сады, пышные леса, люди проводят время на свежем воздухе, в физическом труде. Всюду достаток, все потребности всем равно обеспечены. Все просто, но очень красиво одеты. Только один является в вышитом, золотом платье. Оказывается, что это прихоть человека, по профессии мусорщика. Живут люди в небольших, простых, но уютных и окруженных зеленью домиках. Передвигаются при помощи лошадей и гребных лодок.

Как ни прелестна эта идиллия, она едва ли соблазнит нас, людей начала XX века. Не говоря о явной неосуществимости материального довольства и изобилия при примитивности средств производства, мы едва ли согласились бы жить постоянно в этой обстановке летнего отдыха. Конечно, приятно побывать на лоне природы. Но нам теперь хочется посмотреть горы, полазать по ледникам, побывать в разных краях, у разных морей, повидать разные города. Мы привыкли к быстроте движения, на моторной лодке или автомобиле. Мы ищем связи со всем миром при помощи телеграфа, телефона и радио. Мы привыкли по вечерам слушать радио и входить в непосредственную связь с чувствами разных народов. Мы привыкли к кино, которое показывает нам разные страны. Деревушки — нам не по душе. Мы теперь нашли свой собственный путь к природе, подводящий нас ближе к ней.

Вот как Моррис описывает Кенсингтонский лес около Лондона:

"Дорога шла по прекрасному старинному лесу. Мягкая благоухающая прохлада успокаивала и как бы расслабляла мой пылающий мозг и возбужденные нервы.

— Кенсингтонский лес, — произнес мой спутник и прибавил:

— Не правда ли, как он романтичен? Вы слышите запах папоротников?

Но, несмотря на всю свою романтичность, Кенсингтонский лес не имел вида лесной глуши. На каждом шагу нам встречались ехавшие в ту или иную сторону или просто совершавшие прогулку. Особенно много было детей всех возрастов: от шести—семилетних малюток до юношей пятнадцати—семнадцати лет. Веселые и оживленные, они показались мне особенно красивыми. Некоторые из них весело бегали друг за другом по лесу, другие сидели у костров с подвешенными котелками. Домов в лесу мы встретили очень мало, и меня поразило большое количество детей.

— Да ведь тут не только дети из соседних домов, — ответил Дик на мой вопрос, — здесь детвора со всей окрестности. Летом они совсем переселяются в лес, разбивают палатки и проводят время во всевозможных играх и забавах. У нас это в обычае, и притом, знаете, дети приучаются сами заботиться о себе и знакомятся с лесом и его обитателями — птицами и животными. Вообще мы считаем, что детям следует как можно меньше времени проводить дома. У нас и взрослые часто уходят в лес, чтобы пожить лесной жизнью и позаняться хоть немного тяжелой физической работой, которой так много теперь.”

Не правда ли, знакомая картина пригородов современных столиц? Но насколько ныне шире масштаб, насколько больше возможности. Мы знаем и горные местности, и пляж моря, покрытый толпой детей. И мы не видим беды в том, что эти дети не все пришли пешком, что их доставили быстрые поезда или автобусы. А с гарью, и дымом, и духотой больших городов справляются наши архитекторы, которые строят нам города-сады, справляются инженеры, которые строят нам электрические силовые станции без шума, без копоти, без гари. Новая техника дала нам такие новые эстетические возможности, которых не могла и представить прежняя жизнь. Моррис не мог предвидеть господства века электричества — вот все, что можно сказать о нем. И это лишь свидетельствует о том, как мы часто ошибаемся, как еще не понимаем того, что по существу уже имеется в наших руках: все элементы электричества, как великой технической силы, были уже известны и во времена Морриса: в королевском научном обществе в Лондоне он мог познакомиться с работами уже второго поколения учеников Фарадея, заложившего основы чудесной техники нашего времени. Но предвидеть все возможности этих работ не мог даже сам Фарадей.

Из всех утопий более других уму и сердцу современного человека говорит замечательный и непревзойденный роман американца Беллами: "Год 2000". Конечно, для того, кто ищет легкого чтения, роман может показаться слишком дидактичным, рассудительным: он на 9/10 состоит из поучительных диалогов и изложения принципов нового общества. Но кто преодолеет эту техническую трудность, тому откроются и чисто литературные достоинства книги. Романическая канва задумана искусно и, насколько возможно, правдоподобно. Двойное пробуждение героя в конце романа сперва из года 2000 в год 1887 и потом вновь в год 2000 производит впечатление неожиданностью развязки. Восприятия 1887 года человеком, только что перенесшимся из счастливой эпохи всеобщего братства и целесообразности, — незабываемы по яркости. А сознание вторично проснувшегося в 2000 году, что было бы лучше остаться в прежней эпохе и защищать дело распятого человечества перед издевающейся толпой, чем пользоваться благами, созданными теми, которых сам герой в прошлой жизни побивал камнями, — трогает как поучительный конец в рассказе Диккенса.

Но и по существу идей роман является непревзойденным, и его дидактическая часть до сих пор в значительной степени может служить иллюстрацией к социалистическим программам не хуже, чем "Женщина и Социализм" Бебеля. Более того, теперь, когда многие составители политических программ стараются свои мысли выражать сухими алгебраическими формулами, можно прямо-таки посоветовать им перед сочинением своих выцветших параграфов прочесть это поучительное и захватывающее описание. Идея трудовой повинности, идея обеспечения человека, потому что он человек, и организация этого обеспечения, братство людей, как основное существо нового общества, — все это и ярко, и конкретно, и пленительно, и составляет соединение человечности с американским практицизмом. И, слов нет, в отношении социального порядка эта утопия стоит выше действительности.

Но вместе с тем, в нашей современной действительности мы уже усматриваем элементы, которые в некоторых отношениях ставят ее не ниже, а выше того, что нарисовала фантазия Беллами. Прежде всего, современная техника рванулась вперед совсем неожиданным темпом. За время от составления романа, т. е. с 1888 г.,

до нашей эпохи, произошли потрясающие изменения во внешнем господстве над природой, и силы и могущество человечества, а значит и ресурсы для общего блага увеличились в чрезвычайной степени. Достаточно упомянуть главное: победа над воздухом, громадная сеть железных дорог, и радиотелеграфия, и телефония.

Чтобы понять, насколько фантазия бледнее действительности, стоит прочесть страничку, где автор рассказывает об организации музыки в новом обществе.

Героиня романа, девушка Нового Века, спрашивает героя, не хочет ли он послушать музыку. Услышав утвердительный ответ, она приглашает его в Комнату Музыки.

“Я последовал за ней в помещение, обитое деревом, без ковров; пол тоже был из полированного дерева. Я готовился увидеть совершенно новые и своеобразные инструменты. Но в комнате не было ничего, что можно было при всем напряжении фантазии принять за таковые. Было видно, что мое смущение забавляло Эдит.

— Вот вам сегодняшняя программа, — сказала она, подавая мне лист, — и скажите: что бы вы предпочли послушать? Не забудьте, что теперь пять часов.”

Лист был датирован 12 сентября 2000 года и заключал небывало громадную концертную программу. Разнообразие ее соответствовало обширности: в ней был громадный выбор соло, дуэтов, квартетов, пения и музыки, и много произведений для оркестра. Удивительная программа вызвала во мне замешательство, пока розовый пальчик Эдит не указал мне отделение, озаглавленное: “Пять часов после обеда”. Тут только я заметил, что эта колоссальная программа обнимала 24 часа и была разделена по часам. В отделе “Пять часов” было немного номеров, и я указал на композицию для органа, на которую пал мой выбор.

Эдит слегка повертела один или два винта, и комната наполнилась великолепными чистыми звуками мощного органа.

В дальнейшем Эдит объяснила, что комната эта соединена телефонным проводом с помещениями в городе, где в течение 24 часов исполняют разные номера программы. Таким образом, всякий по своему усмотрению в любое время дня и ночи может выбрать любую стоящую в программе вещь, соединить себя с соответствующим отделением и слушать музыку, соответствующую настроению.

Изумленный герой романа восклицает:

— Мне кажется, мисс Эдит, что, если бы мы были в состоянии

придумать подобное устройство, которое дает каждому в его доме совершенную музыку, неограниченную по времени, соответствующую настроению, по желанию начинающуюся и кончающуюся, мы думали бы, что мы достигли пределов человеческого блаженства, и перестали бы стремиться к чему-либо лучшему.”

Наивный герой! Мы теперь anno Domini 1934, имеем уже более совершенное “устройство”. Наша радио-программа на каждый день не уступает по разнообразию программе “12 сентября 2000 года”; мы так же можем выбрать по нашему настроению — пение, музыку танцев, серьезный концерт — рояль, скрипку, оркестр. И соединения мы тоже достигаем легким поворотом одного или двух рычагов и так же легко можем музыку прекратить, как начинаем ее. Правда, музыка еще не всегда совершенна. Но зато — нам не нужны связи проволокой. Но зато — мы соединяемся не только с концертными залами нашего города, но и со всеми городами всех стран. И, кроме музыки, мы слышим доклады, прения, живые голоса наших значительнейших современников.

И это не только техника. Это отражается и на всем мировоззрении. В романе Беллами, особенно в частях, где говорится о международных отношениях, речь идет о нациях, которые все же до известной степени живут обособленно. Для нас эти географические, этнографические и политические границы технически преодолены. И чувство благодарности и восторга, с каким в одной стране слушают концерт или пение из другой, — является живой, органической связью, соединяющей в братскую семью все человечество. Новая организация еще не достигнута. Но возможности и основы для нее созданы такие, какие и не снились фантазеру в 1887 году. И если поставить вопрос: отдали бы мы радио и аэроплан за прелесть социального строя по Беллами — мы, может быть, задумались бы. Новое социальное устройство все равно придет, но пусть оно придет под знаком интимной близости всего человечества, которую создают эти сверхсказочные чудеса.

**
*

Сравнительные экскурсии по прежним временам и фантастическим мирам можно было бы до бесконечности разнообразить и углублять. Поклонникам древнего мира можно рекомендовать почитать римских историков и бытописателей; апологетах средневековья

будет полезно раскрыть трактаты теологов и юристов того времени. Тоскующие по прелестям недавних эпох пусть перечтут внимательно "Путешествие" Радищева, "Мертвые Души" Гоголя, и бытовые хроники России Салтыкова-Щедрина. И пусть все они искренне поставят перед собой вопрос: охотно ли они целиком перенеслись бы в условия жизни, описываемые в этих старых и новых произведениях?... Любителям фантазий можно предложить экскурсии не только по "утопиям", которые всегда придерживаются известного реализма, но даже по мирам сказок. И вот мы увидим, что наша "гнусная" действительность смело выдержит даже такое сравнение, так как ныне в каждом селе Глупове любому Иванушке-Дурачку и любой Золушке без всякой помощи коня-горбунка или волшебной феи доступны такие возможности и такие чудеса, о которых не мог и мечтать ни один сказочный принц, покровительствуемый целой дюжиной добрых и могущественных фей. И не может быть спора: наше поколение, которое впервые все это создает, видит, чувствует, осязает, уже в силу этого является самым избранным из всех поколений человечества от сотворения мира до наших дней.

Конечно, новые силы и возможности, неожиданно нахлынувшие на нас, находятся еще в хаосе, не слажены, не согласованы. Мы только начинаем учиться пользоваться ими. Но с тем большей верой мы можем смотреть на будущее: ведь мы — первое поколение людей, которое видит реальную возможность и имеет средства перестроить жизнь на началах всеобщей справедливости и добра. И если в настоящем еще царит неуют и тревога великой перестройки мира, то надежда на будущее, когда все новые возможности будут полностью использованы, должна помочь и поддержать нас.

Будущее, будущее!.. Что несет оно нам?

Что ждет нас в будущем?

БУДУЩЕЕ

Что ждет нас в будущем?

Из множества идей, которые выделяют наше время из всех других эпох, быть может, характернее всего наше понимание Будущего.

Для прежних культур и прежних людей линия развития человечества не была заметна, настоящее было весьма похоже на прошлое, и поэтому казалось, что и Будущее должно мало чем отличаться от настоящего. Каждая отдельная личность могла заботиться о Будущем, могла думать о нем, строить предположения, гадания. Но для народа, для человечества этого вопроса почти не существовало. Быть может, впервые остро вопрос о Будущем почувствовал еврейский народ, когда от мечты о всемирном господстве был перенесен в печальную действительность порабощения соседними языческими народами. И не случайность, что как раз в среде этого народа зародилась идея о грядущем приходе Мессии, который восстановит или создаст царство истинного Бога. Идею эту с особенной яркостью восприняла христианская идеология, включив понятие грядущего царства Божия даже в самую краткую свою молитву: "Отче Наш". И простые, трогательные слова этой молитвы, повторяемые тысячелетия миллионами уст и сердец: "Да придет царствие Твое" — наложили неизгладимую печать на всю современную культуру: перед нами в туманном, неизвестном Будущем лежит царство Добра на небе и на земле. И можно только удивляться, что эта мысль за времена средневековья и господства церкви сравнительно так мало развивалась, и что так мало сделано попыток найти пути к этому обетованному царству.

Со времен Возрождения и Реформации, когда вопросы религии стали вопросами совести и ума каждого отдельного человека,

мы видим возрождение попыток искать пути к царству Добра в виде различных утопий или социально-политических учений. Проблема Будущего становится острее, властнее, пламеннее, ожидание обетованного становится нетерпеливее.

Наконец, современность, с колоссальными переменами в нашем быту, во всей обстановке жизни, переменами, модифицирующими жизнь на наших глазах, внесла новый элемент в понятие Будущего. Если раньше прошлое было похоже на настоящее, и поэтому трудно было ожидать чего-либо принципиально иного в Будущем, и это делало расплывчатыми, неясными мечты о предстоящем, то теперь мы видим, что настоящее резко отличается от даже сравнительно недалекого прошлого. Поэтому нет никакого основания думать, что линия развития остановится. Надо думать, что и Будущее так же резко будет отличаться от настоящего, как настоящее отличается от прошлого. Тут мечтательные ожидания и чаяния получают твердое, можно сказать, математическое обоснование, и проблема Будущего встает перед нами со всей остротой и силой, побеждая подчас даже заботы и злобы текущего дня.

Сила и властность идеи Будущего отличает нашу эпоху и делает ее устремленной вперед, крылатой, напряженной, нервной. Свет от грядущего становится таким ярким, что мы подчас уже не видим настоящего, не обращаем на него внимания, не ценим его.

Наряду с этим другая, уже тревожная, особенность должна быть отмечена в нашей эпохе. Если в прошлые времена идея Будущего или не играла никакой роли, или имела в виде неясного, неопределенного, туманного чаяния, то все же в Будущем люди видели или то, что в настоящем, или же лучшее, более совершенное, идеальное. Теперь же никоим образом нельзя сказать, что наше представление о новом, неизвестном Будущем непременно связано с хорошим, лучшим. И в этом отношении мы видим своего рода великий раскол умов современности. Общее всем — Будущее несет великие перемены. Но что именно сулит Будущее: Добро или Зло, Золотой Век или Гибель — об этом судят диаметрально разно. Одни — в Будущем видят хорошее, осуществление идеалов и мечтаний человечества. Другие же видят перед нами целый ряд все растущих, все увеличивающихся бедствий, несчастий, вплоть до гибели всей цивилизации, всей современной культуры или даже всего человечества.

Какое будущее нас ожидает — это отнюдь не праздный во-

прос, не пустая забава ума, не бесплодные гадания. Это вопрос очень большой реальной, конкретной важности для современной действительности. В жизни каждого отдельного человека, равно как в жизни коллективов, в жизни народов и в жизни отдельных поколений надежда на Будущее, ожидания играют значительную и действительную роль. Когда имеется уверенность в завтрашнем дне, убеждение, что Будущее несет доброе, несет благополучие, удачу, процветание, — то сразу поднимается тон жизни, является бодрость в работе, все спорится, кипит, и солнечное Будущее бросает свой свет на настоящее и дает возможность легко, бодро и радостно переносить испытания и невзгоды настоящего. Но если грядущее риснется в мрачном свете, если является уверенность, что завтрашний день несет гибель, несчастья и разрушение, то даже самое светлое настоящее омрачается, руки невольно опускаются, энергия гаснет, темное Будущее своей тенью омрачает свет настоящего.

И вот если прислушаться к разговорам о том, что ожидают отдельные народы и все человечество: если почитать книги, которые касаются этих вопросов: если просмотреть газеты и журналы, для которых Будущее является часто излюбленной темой; если послушать речи политических ораторов и проповедников; если просмотреть программы больших политических движений, — то мы должны будем констатировать, что преобладающий тон — мрачные предсказания, предчувствия всяческих несчастий и казней, предвидение всяческих гибелей, концов и разрушений. Над нашей жизнью тяготят кошмары грядущих несчастий, над нами реют мрачные призраки грядущих неотвратимых испытаний, и лучшие умы человечества, как бы заняты приисканием рекордных по мрачности изображений недалекого будущего.

Призраки будущего

Излюбленной темой является гибель от разрушения, которую принесет с собой будущая война. Разными психологическими и идеологическими источниками питаются эти представления о грядущей все разрушающей войне. С одной стороны, у многих живы воспоминания о недавно прошедшей войне, которая техни-

чески оказалась самой ужасной из всех и самой непохожей на то, чего ожидали от войны даже специалисты военного дела: и неподвижное сидение в грязи окопов, и эпические ужасы боев под Верденом, и налеты аэропланов и цеппелинов на мирные города, и удушливые газы — как новое средство убийства, и танки — как новое средство передвижения, грозящие позиционную войну снова превратить в маневренную, и знаменитые парижские пушки немцев, обстреливавшие Париж на расстоянии 150 километров.... А техника не стоит на месте, и газеты постоянно приносят нам картинки эскадрилий военных аэропланов, новые и новые образцы танков, новые взрывчатые вещества, новые средства взрывать эти вещества на расстоянии и новые методы употребления и новые виды супра-удушливых газов. Кроме того, рисуются новые возможности войны при помощи микробов самых ужасающих болезней. Поэтому будущая война естественно рисуется, как удешевление ужасов предшествующей, при чем основная мысль этих ужасов заключается в том, что новые технические средства уничтожат твердую, застывшую границу фронта, которая до некоторой степени защищала тыл и мирное население. Поэтому бедствия войны вырвутся за пределы фронта, прежде всего неся гибель в большие города, в очаги цивилизации и культуры. И не лишено доказательной силы предсказание, что в первые часы объявления войны будут уничтожены столицы и главнейшие промышленные и торговые центры воюющих держав: взорваны здания, умерщвлено население. И иллюстрированные журналы услужливо дают нам картину Эйфелевой башни, опрокинутой в воздухе вверх ногами силой чудовищного взрыва, или картину улицы большого города в час газовой атаки воздушным флотом противника.

Но ужасов войны мало для пессимистов. Война, при всей ее разрушительности, все же не является злом безусловным и всеобщим. Во-первых, она может быть или не быть. Во-вторых, если война и случится, она заденет только воюющих. Скажем, пусть вспыхнет война между Германией и Францией — она уничтожит столицу одной страны, или, в худшем случае, обеих, разрушит одну из этих стран, или даже оба воюющие народа. Но все же это еще не вся Европа, а только часть ее, и другие области, народы и города останутся невредимыми; коалиции же при быстром темпе новой войны просто не успеют образоваться. Но даже если представить себе опять коалиционную войну, то она будет связана все

же с гибелью нескольких стран Европы, но не всей Европы, причем погибнут города, а деревни останутся менее всего затронутыми. Словом, война, как ни представлять ее ужасы, не может нести всеобщее истребление, разрушение и гибель, а только частное, ограниченное границами культурных центров побежденных или, в худшем случае, воюющих стран. Этого для современного пессимизма недостаточно, и как будто приискиваются еще дальнейшие кошмары для того, чтобы апокалиптические ужасы в будущем сделать еще более всеобъемлющими, универсальными, все разрушающими и уничтожающими.

По двум главнейшим линиям идут подобные размышления пессимистов современной культуры. Одна более старая — я бы ее назвал психолого-биологической. В разных оттенках она проскальзывает у очень многих, но в наиболее ярком, парадоксальном, а вместе с тем документированном виде она выражена в устаревшей, но все же многим памятной теории **вырождения** Макса Нордау.

Основа идеи Нордау — понятие вырождения, дегенерация индивида. Понятие это он почерпает у психиатров и врачей того времени, главным образом у Мореля и Ломброзо, и дает ему следующее определение словами Мореля: “Мы должны представить себе вырождение, как болезненное отклонение от первоначального типа. Это отклонение, даже если оно вначале не сложно, включает в себе переданные по наследству элементы таких особенностей, что всякий, в ком заключается их зерно, становится все больше и больше неспособным исполнять в человечестве свои функции, и что духовный прогресс, задержанный уже в его личности, подвергается опасности и у его потомков”.

Перечисляя признаки подобного вырождения — физические и психические — Нордау рисует тип дегенерата. И затем, исследуя целый ряд массовых явлений в виде определенных течений в искусстве и литературе и наиболее выдающиеся индивидуальные явления современной ему эпохи, он приходит к безотрадному выводу, что дегенеративный физический и психический тип, вырождающиеся мысль и чувства играют и все растущую роль в нашей душевной и умственной жизни, накладывают печать на наши вкусы, привычки и образ жизни, господствуют над умами и от верхов общества проникают, заражая, в толщу народных масс.

Как на причину этих явлений он указывает на чрезвычайное

и всеобщее нервное напряжение, вызванное ростом техники (например, громадная сеть железных дорог), переменами во внешнем образе жизни, выросшей необходимостью напряженного, неустанного труда. Непосильные затраты нервной энергии массы восполняют алкоголем, наркотиками, курением, и это еще больше и глубже расшатывает духовные и физические силы. Люди рано начинают стареть и хиреть. Преждевременно слабеет зрение. Психическая неустойчивость выражается во все растущем числе самоубийств и преступлений. Жизнь людей становится все короче. И если Нордау не ставит точки над "i", то читателю и так уже ясно: в физическом и моральном вырождении, как калеки и истерики, новые поколения не в силах будут поддерживать сложный аппарат современного общественного устройства, и здание культуры, подточенное в его основах, должно будет рухнуть.

Не противореча этой концепции, а лишь как бы подтверждая ее и делая этот духовный упадок еще более неизбежным, ибо он является закономерным, приходит историческая теория конца современной культуры, высшее и наиболее яркое выражение которой дано в книге Шпенглера о конце западно-европейской культуры. На основании исторических исследований Шпенглер пришел к убеждению, что в судьбах народов, государств и цивилизаций можно подметить, что каждая цивилизация проходит определенный период или цикл: рождение, юность, расцвет, упадок и исчезновение. И эти пределы краткосрочны. Они определяются немногими сотнями лет, по истечении коих всякая зародившаяся культура вырождается, застывает в формах цивилизации затем, чтобы, внутренне ослабев и разрушившись, уступить место носителям новой культуры. И в применении к современной западно-европейской цивилизации пессимистический вывод — эта цивилизация гибнет, — доживает последние свои дни. "Гибель Запада" — озаглавлен главный труд Шпенглера.

Не так резко отточен и рекламно-парадоксален, но гораздо более влиятелен и распространен, можно сказать, общепризнан другой оттенок универсального пессимизма. Чрезвычайное развитие техники и небывалое господство над природой человека рассматривается не как положительное, не как доброе, не как прогресс, а как злое, греховное, как источник всяческих бедствий. Сюда мы должны отнести и чрезвычайно влиятельное учение Толстого, с его отрицанием науки и культуры, во имя нарушенного равновесия мо-

рали, и эстетическое направление Рескина и его школы. Сюда надо отнести многие из анархических учений, сюда относятся все, кто в прежней простоте и примитивности видит источник счастья и духовной устойчивости.

Явление это чрезвычайно сложно и многогранно. При анализе соответствующих настроений мы найдем и влияния христианско-монашеской, аскетической идеологии, которая видит в сложности жизни греховное, а спасение находит в величайшей простоте и бедности, и старую идею Руссо о том, что культура разрушает близость человека к природе, наконец, в этих представлениях на нас кошмаром давит с малых лет знакомый, но загадочный и тревожный образ вавилонского столпотворения, когда ослепленное в своей гордости человечество поставило своей задачей построить башню высотой до неба, и Бог, рассерженный этой гордыней, смешал языки и тем приостановил эту богоборческую попытку человечества. Все эти смутные ощущения и представления заставляют многих, а может быть, даже большинство, с тайной или явной тревогой взирать на рост внешнего могущества человека: гордая башня культуры подымается все выше и выше... Не повторяется ли грех гордыни и заносчивости строителей Вавилона? Не рухнет ли эта башня на головы зазнавшихся строителей?

Но и этого мало для современной мысли, не знающей меры в пессимизме. Даже вырождение, даже смешение языков, даже гибель культуры, при всей всеобщности этого явления, все же недостаточно всеобщно, недостаточно физично. Все же жизнь остается. Все же остаются люди, остаются души. Это все-таки, может быть, и не так уже страшно. Нужно придумать идею, которая несла бы физическое уничтожение, массовое, всеобщее. Здесь и апокалипсиса и вавилонского столпотворения недостаточно. Только в темных сказаниях Библии о всемирном потопе можно найти картины и образы, которые вполне утолят нашу жажду крайнего пессимизма, жажду рисовать будущее в мрачных красках. И вот мы видим, как один из самых талантливых писателей нашего времени, Мережковский, все силы своего таланта посвящает изображению грядущих библейских ужасов. Для этого он пускает в ход тяжеловеснейший аппарат эрудиции, где в фантастическом переплетении легенды и мифы всех народов и всех стран соединены с темными историческими преданиями, с данными новейших исследований точных наук, в особенности геологии, все сдобрено громадной порцией чу-

дравищного мистицизма и некоторой дозой российского кликушества, и, как результат научных исследований, философских размышлений, моральных исканий, звучат многократно повторенные угроза и предупреждение: "Ветер всемирного потопа дует во все щели современной Европы". И достаточно прочесть талантливейшие, хотя и безумнейшие писания последних лет, чтобы видеть, что этот рефрен не является метафорой, что автор не чужд физического, реального понимания этого предсказания, что ему подлинно рисуется картина физического уничтожения живущего человечества.

До сих пор — это рекорд. Здесь при свете приближающейся и заливающей весь мир волны пламени, кажутся детской игрушкой все ужасы войны, кажется пасторалью и идиллией гибель, изображенная Шпенглером и Нордау.

И вот мы, склонные ко всему наиболее яркому и острому, сидя в квартирах с центральным отоплением, при немерцающем, ровном электрическом свете, видим, как всюду открываются мистические щели, и ежимся, зажимаем уши от свиста и корчимся от холода дуновений вихря, предвестника всемирного потопа, который со всех сторон обдувает нас.

**
*

Я не знаю, является ли это последним словом и пределом пессимизма, или воспаленное воображение наших писателей принесет нам что-либо еще более страшное. Одно только ясно, что, действительно, волны чудовищного пессимизма, даже, можно сказать, отчаяния переливаются, перекачиваются над нашими головами, над всеми странами и над всеми материками, захлестывая нашу веру в будущее, подтачивая радость жизни, разрушая в корне энергию.

И не следует думать, что это только досужая игра нескольких умов. Наоборот, это основной тон оценки Будущего, который доминирует во всех областях жизни. Пусть не всегда картины так страшны и безнадежны. Но найдите хоть одно течение в жизни, которое не видело бы страшных испытаний или, во всяком случае, страшных опасностей в Будущем. Почитайте программы партий и общественных движений, прислушайтесь к речам политиков, говорящих о Будущем, — вы всюду и постоянно, как основной припев, найдете, что всем народам, всем государствам, всем классам, всем

профессиям, всем возрастам и всем полам грозят неисчислимые бедствия. Уже по цветам — сколько опасностей существует в настоящее время: Красная опасность с Востока — излюбленная тема для политиков Запада, Белая опасность с Запада, — как основной лозунг практических мероприятий на Востоке, Желтая опасность, Черная опасность, Коричневая опасность... Да есть ли хоть один цвет, который миновала бы участь быть выразителем какой-либо опасности, кошмаром давящей на те или иные десятки миллионов современников? Мы не живем, мы доживаем последние дни. Последние лучи солнца нас озаряют, а затем хаос и мгла. Мы, как затравленные звери, трясемся от ужаса перед со всех сторон подступающими всевозможными гибелями.

И что может быть противопоставлено этим голосам пессимизма? Религия, внушавшая нам две тысячи лет надежду на приход царствия Божия? Ее официальные представители склонны со вздохом смотреть назад, не чая ничего доброго в Будущем. Глашатаи социальных учений, которые должны быть, так сказать, оптимистами по профессии? Да, они утверждают, что будущие поколения дождутся радостных дней и увидят Золотой Век. Но нам, теперь живущим, и ближайшим поколениям они сулят только бедствия социальных катаклизмов, ужасы социальной революции, пожары гражданской войны и, как спасение, рекомендуют усиление и организацию взаимной ненависти.

Эта эпидемия пессимизма заслуживает чрезвычайного внимания. Ведь подобные умонастроения сами по себе являются фактором действительных несчастий, усиливая значение действительных бедствий, если они случатся, и подчас вызывая бедствия, когда для них нет никаких оснований. Так в театре если кто-либо крикнет: "пожар!", "горим!", — если публика сохранит спокойствие, то даже при действительном пожаре все легко могут спастись, выйдя через двери. Если же поднимется паника, то, даже если не было пожара, давка у дверей может потребовать десятков и сотен жертв задавленных и искалеченных.

Не пора ли в самом деле трезво и объективно разобраться, насколько правильны, насколько обоснованы мрачные прогнозы относительно Будущего? Не пустые ли кошмары, не призраки ли все эти страхи, которыми пугают нас?

Мы, конечно, не станем останавливаться на космических ужасах, которыми грозят нам. Судить о признаках приближения нового мирового потопа — дело современных пророков. Мы можем сказать лишь одно: если телерешнее человечество будет предано гибели, то это будет величайшей, космической несправедливостью. Лучшего человечества, чем нынешнее, более справедливого, более действительно стремящегося к осуществлению и исполнению высших нравственных заветов — мир не знал никогда. Если волны космической силы захлестнут его — это будет торжество Зла, а не Добра.

Точно так же видения гибели культуры, вроде вавилонского столпотворения, не должны смущать нас. В вавилонском столпотворении было восстание человека, богоборчество. Ныне же человечество не восстает против законов природы, наоборот, никогда не было такой глубокой, органической гармонии между природой и человеком, как теперь. Было бы странно, чтобы, установив глубочайшую гармонию между своим разумом и законами движения даже бездушных камней, человек не мог бы установить гармонии с другими, подобными ему людьми.

Не страшны нам также пророчества Шпенглера и старика Нордау. Нордау просто не знал статистики. Любая страница сравнительных данных о гигиене и здоровье убеждает нас, что культура несет удлинение жизни, улучшение здоровья. Его размышления о Толстом, Вагнере и Ибсене ныне во всех вызывают улыбку. Его опасения о влиянии на нервную систему железных дорог развеселят даже мрачного Иванова, спавшего в вагоне третьего класса лучше, чем дома. Шпенглер тоже уже устарел, хотя, можно сказать, чернила, которыми написана его книга, еще не высохли. Как можно говорить о “гибели европейской культуры”, когда все страны Европы, не исключая родины Шпенглера, полны напряженным брожением, когда все значительные современные движения зарождаются на “Западе”, когда от одного соприкосновения с западной культурой на наших глазах преобразуются магометанская Турция и Афганистан, браминская Индия, буддийский Китай? Притом о гибели “культуры” можно было говорить в те эпохи когда носителями ее были отдельные нации. Но теперь ее носителями являются все народы. По древним фактам роста и гибели национальных греческой или израильской культуры нельзя судить о судьбах культу-

ры общечеловеческой, в состав которой входят все народы, без различия расы и веры: арийцы, семиты, монголы, буддисты, христиане и магометане.

Более серьезного внимания, чем эти кабинетные угрозы, заслуживают опасности в виде экономической анархии, в виде разрушений от политических и социальных революций и в особенности в виде новых бедствий войны. Эти опасности реальны, тем более, что как раз современность уже носит в себе зародыши их в виде свирепствующего экономического кризиса, в виде кризиса демократии, в виде социальной революции в России, в виде повсюду растущих средств новой войны.

Голод? Холод?

Из грозных предвестников мрачного будущего более всего ощутительна уже ныне экономическая анархия. Современный мировой экономический кризис затрагивает жизнь до самых глубин ее. Цифра 25 миллионов безработных во всем мире свидетельствует о космическом масштабе этого явления.

Но уже в этом кризисе мы видим не только слабые, но и сильные стороны нашей эпохи. Прежде всего универсальность кризиса воочию подчеркивает жизненную связь всех народов и всех континентов между собой. Никакие перегородки не помогают: опустошения, причиненные кризисом в одной стране, неуклонно проявляются в другой. За падением марки в Германии последовало падение франка во Франции, которое повлекло падение фунта в Англии и в конце концов, падение доллара в Америке.

С другой стороны, современность не остается беспомощной перед лицом этого кризиса. Идея человеческой солидарности выразилась в никогда небывалом масштабе, воплощенная в сложной системе современного социального обеспечения. Из года в год государства выплачивают безработным только во имя того, что они люди, известную ренту, которая обеспечивает им, пусть ничтожный, но все же минимум для существования. Социальная помощь не в порядке частной милостыни, а в порядке социального принципа, в порядке долга государства перед гражданином, никогда не получала такого широкого и универсального выражения.

Возможность такого рода помощи является до известной степени следствием совершенно исключительного характера современного кризиса. Если вообще экономические кризисы нашей эры являются кризисами перепроизводства, то нынешний кризис достиг в этом отношении рекордов. Наряду со статистикой безработицы и нужды, кризис освещается цифровыми данными изобилия и излишков всяческих земных благ: слишком много хлеба, слишком много мяса, слишком много кофе, слишком много кожи, слишком много льна, слишком много шерсти, металлов, угля, нефти, продуктов химической промышленности, сахара... Даже курьезно видеть заботы, как уничтожить, как справиться с излишками, которые некуда деть. Особенно поразительны меры борьбы с излишком кофе в Бразилии, где этот замечательный продукт топят, жгут и, наконец, не имея иного исхода, просто перестают разводить.

И никак нельзя сказать, что здесь видимый только излишек, излишек от того, что все слишком бедны, чтобы покупать. Это видно прежде всего по продуктам самого широкого потребления. Как ни бедственно положение, но известный минимум еды всегда нужен. И, например, в Европе, если нет средств на покупку пшеницы, риса, мяса, сахара, то тем сильнее потребность в картофеле и во ржи, из которой делается самая примитивная пища — черный хлеб. Но вот и этих продуктов все же оказывается слишком много. И, во всяком случае, никто не скажет, что встретились бы какие-либо трудности, если бы понадобилось запасы всех продуктов или производство удешевить: фабрики завалены сырьем и фабрикатами и работают в малую часть своей возможной продуктивности. Дайте только волю машинам и тракторам, инженерам, механикам, крестьянам и рабочим, фермерам и плантаторам: горы товаров вырастут со всех сторон... И ничто не может красноречивее свидетельствовать о парадоксальности экономического кризиса, как официальная американская программа его преодоления: меньше работать и больше зарабатывать!...

Как бы ни были страшны условия и последствия кризиса, все же, принимая во внимание сущность явления, его нельзя даже назвать бедствием. Бедствие это то, что неотразимо, неустранимо человеческими руками: мор, голод от засухи, наводнение, землетрясение. У нас же несчастье происходит от изобилия, от неумения распределить. Причины его кроются в психологических и органи-

зационных моментах, а не в моментах создания ценностей и предметов потребления.

Да позволительно будет для иллюстрации существа современного явления экономического кризиса дать сравнение его с одним недавним событием из русской истории. Как известно, торжества коронации последнего русского императора Николая II были омрачены кровавыми событиями катастрофы на Ходынке. Существо этой катастрофы несложно. Для собравшегося на торжества народа были заготовлены подарки, под грудой которых ломились столы. В определенный день и час эти подарки должны были быть распределены между всеми желающими. В виду недостатка организованности, громадная масса народа ринулась в одном направлении, образовался затор человеческих тел; в то время, как первые ряды остановились, задние давили на них, и люди, оказавшиеся в середине, были сдавлены потоком людских тел. Тысячи задавленных, десятки тысяч раненых и изувеченных были результатом этого. Подарки же остались нетронутыми.

Так вот и в современности мы видим аналогичные черты. Столы ломаются под грудой всяких благ. Лишь неорганизованность, лишь неумение, непривычка не дает нам возможности распределить эти блага правильно.

Но может ли это служить поводом, чтобы падать духом, проклипать современность, или даже хотя бы отрицать ее величие и чудесное своеобразие? Разве можно из-за этого обилия пророчествовать о гибели нашей культуры? Разве не правильнее верить, что, сумев вызвать эти творческие силы, сумев создать это изобилие, человечество сумеет создать аппарат распределения для использования этих богатств?.. Иисус когда-то пятью хлебами накормил пять тысяч человек. Мы совершаем обратное чудо: имея пять тысяч хлебов не можем накормить ими пяти человек. Но будем надеяться, что чудеса прекратятся, и законы природы будут восстановлены в своей силе.

Причина экономического кризиса лежит не в экономике, не в недочетах аппарата распределения, словом, не в материальной области, а в духовной. Достаточно перечислить, сколько стран в настоящее время переживают политические или социальные перестройки, сколько народов втянуты в длительные политические кризисы, чтобы экономические перебои стали понятны. Мы видим, что Германия, еще сравнительно недавно пережившая пер-

вую революцию, ныне уже переживает вторую, национальную, революцию, потрясающую весь аппарат производства и обмена. К такому же состоянию близка Австрия. Напряженное политическое положение мы видим во Франции. Политическая неустойчивость царит в Ирландии. Еще не улеглась недавно происшедшая революция в Испании. Человеческие громады Китая и Индии уже много лет переживают чрезвычайное брожение, губительно отражающееся на их экономическом положении. Наконец, в России этот процесс политических и социальных сдвигов достиг апогея в виде уже пятнадцать лет продолжающейся социальной революции, небывалой еще глубины. Если подсчитать население перечисленных стран — то мы получим свыше одного миллиарда, т. е. половину всего человечества. Но и те страны, где нет такой остроты политической борьбы и социальных перемен, все в той или иной степени затронуты этим потоком правовых сдвигов и обвалов. И внутренняя жизнь современных народов, их труд и творчество нарушены или парализованы кризисами политическими или социальными.

Но и внешняя жизнь даже во время господствующего мира носит в себе элементы прямого разрушения производительных сил современности. Таможенные заборы и стены, вносящие анархию и хаос в мировую экономику, вызывают политические конфликты. Где дело ограничивается только накоплением сил и тратой средств и богатств на сооружение никому ненужных крепостей и фантастических подземелий, военных кораблей и пушек, где переходит в стадию среднюю между миром и войной, и, наконец, то там, то сям вспыхивают настоящие вооруженные конфликты. А в виде утешения говорят: это только местные вспышки, но в ближайшем будущем перед нами новая мировая война. Прекрасные условия для развития современных производительных сил. Право, можно лишь удивляться, как мы еще с грехом пополам одеты и сыты, а не умираем миллионами от голода и холода.

Война?

Война... Самая нелепая, но вместе с тем самая реальная, а также самая страшная из всех заложенных в современности угроз будущему. Мы недавно имели войну, и мы знаем, как неожиданно разворачивается, к каким бедствиям и страданиям приводит она

при современной технике. Описание боев у Вердена, на Сомме, картины жизни в окопах, картины газовых атак, картины боя в море, когда из-за взрыва одной невидимой мины, пущенной с невидимой подводной лодки, гибнет весь громадный корабль со многими сотнями человеческих жизней, в памяти всех. При страшном темпе техники, при гигантском росте всех сил, несомненно, что новая война принесет небывалые опустошения. В сущности, никто даже не знает, как она фактически разовьется. Будет ли это позиционная война застывших на голы фронтов, превратится ли она в новую маневренную войну сотен тысяч быстро движущихся, не знающих препятствий ни на земле, ни на воде танков, решится ли она под землей, в виде подкопов под линию позиций противников, или под водой, или перенесется она в воздух, в виде целых стай аэропланов, которые прежде всего принесут гибель в самые населенные центры, решится ли она, наконец, в области стратосферы, откуда невидимые аппараты ночью забросают столицу противника снарядами, будет ли это война взрывчатых веществ, ядов, удушливых газов, смертоносных лучей или бактерий? Во всяком случае, ужасы новой войны без сравнения превзойдут ужасы прежней.

Новая война была бы ужасной. Но будет ли новая война?

Конечно, еще не мало имеется людей, немногим возвысившихся над психологией того пугана, который на вопрос, что он сделал бы, если бы его выбрали царем, ответил: "Украл бы сто рублей и удра". Война, при современном обилии поистине царских чудес, которые окружили всякого современного человека, которым можно мирно радоваться, конечно, соответствует психологии этого пугана. Но все же надо надеяться, что единомышленники этого пугана должны ныне задуматься. Дело, конечно, не в том, что на них действуют принципы человечности, что их поколеблет агитация пацифистов, или что они, наконец, поймут простую истину, что ныне война стала бессмысленной уже потому, что основные цели древних войн: захват рабов, покорение чужих народов, грабеж чужих богатств, стал немыслим, неосуществим, потому что своих рабочих рук всем странам некуда девать, и все страны от своих соседей хотят одного, чтобы те у них покупали. Мы знаем: эти аргументы развивались уже до войны, когда англичанин Норман Энджел в пророческом предвидении действительных результатов говорил, что если бы немцы захватили Лондон и богатства Английского Банка, то на другой же день потерпел бы крах Рейхсбанк.

Истинность этого предвидения не меняется от того, что фактически после мировой войны крахи этих банков произошли в обратном порядке... Но как до войны эти аргументы не остановили кровопролития, так и теперь нельзя слишком полагаться на их эффективность.

Наши надежды лежат в другом. Когда началась война, когда два колосса почти нетронутого абсолютизма, Германия и Россия, встали друг против друга, в пределах человеческого предвидения были три возможности: война окончится победой Германии, война окончится победой России, война окончится вничью. Между тем, война окончилась совершенно иным образом, чем можно было ожидать: война окончилась поражением обеих систем правления, разгромом обеих держав и победой окраинных народов, что привело к созданию новых государственных образований: национальных правительств Польши, Чехословакии, Литвы, Латвии, Эстонии, и окончательному освобождению Финляндии. Война никого не поработила, а лишь освободила. Поистине: если хочешь победить, не участвуй в войне.

Нельзя сказать, что это освобождение было связано с поражением Германии и России. В то же самое время, когда Германия потеряла Верхнюю Силезию, над которой властвовала в течение 600 лет, победительница Англия, под влиянием тех же событий и в виду тех же политических причин, фактически потеряла политическое господство над Ирландией, которой правила в течение 800 лет. Конец войны и фактические результаты ее лежат в плоскости иной, чем прежние категории "победы" и "поражения".

Конечно, уроки войны поняли прежде всего те, кто в этих уроках не нуждался. Отчасти это происходит потому, что, благодаря силам современной культуры, материальные последствия войны очень быстро рассосались. Через 15 лет после войны кто в настоящее время в реальных условиях быта народов отличит, кто вышел формально победителем, кто побежденным? И война рассосалась не только политически, но также технически и экономически. Современный экономический кризис никто не связывает непосредственно с разрушительной стихией, распоясавшейся во время войны. Раны войны внешние уже залечены. Разрушенное — уже восстановлено. Сгоревшее, взорванное — уже давно отстроено. То, что поистине ново, необычно и характерно для современности в войне — это ее быстрое преодоление, а не ее явление.

В легкости этого технического и экономического преодоления последствий войны лежат причины того, что в широких массах она еще не вполне преодолена психологически. Растущему влиянию пацифизма противопоставляется восстание против идей мира в Германии. В этом отношении, несомненно, Европа еще не довоевала, урок не был достаточно суров. Поэтому можно сказать, что никто не должен так желать новой войны, как пацифисты: ибо в новой войне все потерпят поражение, победят только они одни. В огне первого выстрела на полях Европы властно воскреснет дух Ремарка. В конце первого месяца войны на всех книжных витринах будет надпись: "милитаристическая литература здесь не продается". Новое "Воззвание ко всем народам мира" явится скорее, чем в прошлой войне. Но это настолько понятно и неизбежно, что в этом залог мира: современные властители Европы достаточно дальновидны, чтобы не знать: новую войну они могут только начать, до конца же ее никто из них политически не доживет.

Слова об "интересах нации" и "нуждах государства", об "исторических задачах" — не должны нас пугать. И когда Италия заявляет, что ей нужна Корсика, Савойя, Сирия и разные области Африки, когда Германия говорит о необходимости колоний, когда Англия заботится о своих интересах в Средней Азии, когда Япония ищет на Далеком Востоке просторов для своей экспансии — все они не прагмы: им нужно не только это, но гораздо больше. Не только каждому государству, каждому народу, но и каждому самому скромному гражданину современности нужен весь мир. Но не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы мирно жить и творить. То, что звучало утопией во времена царя Асоки, то ныне стало наиболее реальной, наиболее многообещающей политикой для каждого энергичного и творческого народа. Современная "истинная" победа — в работе над организацией всего человечества.

Социальная революция?

Восемьдесят лет тому назад Маркс писал: "Призрак коммунизма бродит по Европе", начиная этими словами коммунистический манифест. И до нашего времени этот призрак не побледнел, не испарился, но, наоборот, во всех странах превратился в открытое

или подпольное народное движение, а в России приобрел плоть и кровь социальной революции.

И если этот призрак считать опасностью, то эта опасность грознее внешней войны. Цели внешних вооруженных конфликтов почти всегда основаны на недоразумении, на заблуждении. Это миражи, которые, надо надеяться, скоро рассеются. Цели же социальной революции никак нельзя назвать миражем, и основная задача социального переворота — установление общности имущества или, во всяком случае, общности средств производства — неизбежна, неустранима и надвигается на мир с верностью смены ночи днем.

Общность имущества — идеал старинный, извечный.

“Все же верующие были вместе и имели все общее”...

“У множества уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее”....

Так повествуется в Деяниях Апостолов о первоначальной христианской общине. Этот принцип выражал подлинное, жизненное братство верующих и давал окончательное осуществление принципу семейственности, распространенному на всех людей.

Принцип общности имущества не был впервые придуман христианской общиной. Его знало буддийское монашество. Его считал идеалом Платон. Оно было принципом секты терапевтов в Александрии и ессеев в Палестине. Поэтому можно сказать, что эта идея в той или иной форме всюду и всегда сопровождала высшие кульминационные точки развития каждой культуры. И всегда поблизости к источнику идеи космополитизма мы находим идею действительного, жизненного братства и общность имущества, как практический вывод его.

Этот принцип братства всех людей и общности на протяжении всей европейской истории никогда не был забыт. И опять, как во многих других явлениях жизни новых народов, мы видим, что тут сливаются две крайности, две противоположности, мы видим, как самые конечные достижения прежних, умерших культур неразрывно сочетаются с воспоминаниями о примитивной жизни, о кочевом, пастушьем, или охотничьем, периоде, когда все леса, все степи, все поля, реки и озера, со всеми просторами и богатствами в них, принадлежали равно всем. “Земля божья”, как говорил русский народ, дольше всего сохранивший живое воспоминание об этой старине и этим выражением неразрывно сочетавший старое с новым.

Европейская история на всем протяжении своем полна мыслей об общности имущества, полна попыток осуществления его, полна эпизодами борьбы за его проведение. Монашество с его обетом бедности и общностью имущества было живым воспоминанием его в течение всего средневековья. Все утопии, от первой до последней единственно в этом сходятся с Республикой Платона, на разные лады восхваляя установленную в идеальном строе общность имущества. Различные политические учения и грозные социальные движения постоянно с новой и все растущей силой требовали его осуществления. Нет страны, где бы неоднократно, на более или менее длинные периоды, жизнь не была взбудоражена смутами во имя этих идей. Всюду мы видим, что обездоленные, как бы следуя примеру английских баронов, заставивших короля обеспечить их древние свободы, восстают и требуют, как древнего права и как осуществления евангелия, социального равенства. И почти всегда рядом со светскими вожаками мы видим монаха, священника или теолога, подкрепляющего слова нужды и аргументы грубой силы отчаяния ссылками на св. Писание.

Эти движения лишь яркие молнии, выявляющие громадное противоречие воли людей и действительности. И это настроение на протяжении всей истории ни на один миг не рассеивается, не исчезает. Оно в разных формах, в разных видах, видимо и невидимо сопровождает весь ход европейской истории и, все накапливаясь, все сгущаясь, сливается в мощный поток социализма и коммунизма наших дней. И в тонких выкладках самого блестящего публициста Франции, Сен-Симона, и в неуклюжих поворотах мысли Фурье, и в практических усилиях немедленно осуществить идеал на земле реалиста-англичанина Оуэна, и в гневной проповеди израильского пророка современности Маркса, и в цепкой организаторской деятельности рабочих партий мы видим не выдумку, вызванную временными условиями и потребностями, не случайные слова и лозунги, а осуществление неизбежного, органического закона человечества.

К этим исконным морально-историческим силам европейской культуры, толкающим к мысли об общности имущества, присоединяются новые, небывалые. Еще совсем недавно из необходимых для всех даров Божьих — земли, воды света и воздуха — в сущности, только земля была разделена на мелкие клочки, находившиеся в руках немногих, оставляя большинству лишь мечту о новом переделе. Ныне же и с водой вопрос становится сложнее: громадные гид-

ротехнические сооружения ставят с остротой вопрос, кому принадлежит вода: Божья она, т. е. всех, или принадлежит избранным. Кроме света днем, мы теперь не можем обойтись без света вечером и ночью, который нам дает электричество. Но почему электрическая энергия, которая нужна всем, принадлежит только отдельным лицам?... К этим совершенно новым вопросам экономики присоединяется целый ряд новых проблем. Не так давно еще вопрос о снабжении водой, об уборке мусора, о средствах снабжения — каждый разрешал сам для себя в зависимости от обстановки. Ныне же вода в городах дается из общего водопровода, отбросы отводятся общей канализацией, вопрос о средствах сообщения разрешается устройством трамваев, железных и подземных дорог. Раньше люди, даже имея “общее сердце и общую душу”, вынуждены были каждый иметь отдельный колодец и своего отдельного коня или осла. Ныне же, даже думая и чувствуя врозь, люди вынуждены пить из общего колодца и пользоваться общими средствами передвижения. И во всех этих областях коллективного обслуживания потребностей уже, в сущности, нельзя ограничиться частной инициативой: ведь нельзя строить две электрических станции в городе, нельзя проводить две системы канализации, несколько водопроводов, или соединять два города несколькими железными дорогами. Сама организация мыслима лишь в порядке концессии и монополии. Но это связано уже с контролем, или разрешается просто, таким образом, что государство или муниципалитет берет эти отрасли в свои руки.

Но к этим, так сказать, по существу самой своей задачи, коллективистическим отраслям современной промышленности, неммыслимым вне участия и прямого содействия со стороны государства или муниципий, присоединяются чуть ли не все другие отрасли промышленности и торговли. Новая техника дает наиболее выгодные результаты лишь при массовом производстве, при котором только и можно поставить мощные, совершенные, выгодные машины и с предельной рациональностью организовать и распределить всю работу. Поэтому во взаимной борьбе за существование крупные предприятия побеждают мелкие: завод вытесняет мастерскую, фабрика вытесняет завод, громадная фабрика вытесняет меньшую, и, точно также, большой магазин вытесняет мелкие лавки. Но когда на сцене остаются Левиафаны современной промышленности и торговли, то невольно встает вопрос: возможно ли их существование без контроля и содействия государства? Можно ли допустить борьбу таких Ле-

виафанов между собой? Если два завода с десятками тысяч рабочих начнут борьбу на жизнь или смерть, так все равно, кто победит: государству придется считаться с перспективой десятков тысяч безработных проигравшего бой завода. И вот вопрос: может ли, например, Чехословакия, наряду с обувным заводом Батя или заводом Шкода, позволить построить новый завод такого же гигантского масштаба? А если нет, если каждая отрасль таким образом превращается в монополию, то следует ли государству ограничиваться контролем или следует брать в свои руки?

Еще недавно всякое предложение государству взять в свои руки какую-либо отрасль производства, какое-либо предприятие наталкивалось на возражение, что в порядке бюрократического управления нельзя вести завод или фабрику. Но теперь это соображение решительно опровергнуто жизнью. Во-первых, мы видим, что государственные железные дороги и почта, телеграф и телефон справляются со своим техническим делом отнюдь не хуже, но почти всегда лучше, чем частные предприниматели. Не хуже работают и муниципальные электрические станции, водопроводы и трамваи. А к тому же громадные частные заводы, принадлежащие неведомой массе акционеров, управляются ныне, в сущности, в том же бюрократическом порядке, как и государственные.

Все эти тенденции к расширению функций государства и самоуправлений со все растущей силой сказываются даже в периоде экономического подъема и процветания. Но они делаются непреодолимыми во времена депрессии и кризиса. И как только анархически и хаотически работающий аппарат производства и обмена начинает давать перебои, так со всех сторон несется зов к государству о помощи. Каждая затронутая кризисом фабрика, каждый банк, каждая выброшенная на улицу семья рабочего требуют, чтобы государство вмешалось и помогло. И государство не отказывается. Оно берет в свои руки целые отрасли промышленности, оно финансирует или поддерживает заказами шатающиеся предприятия, оно спасает вклады в банках, оно организует помощь безработным. Но если, таким образом, государство оказывается способным вести наиболее трудные предприятия, почему же оно не могло бы вести сильные и здоровые? А в конце концов невозможно государству вечно вести политику социализации одних банкротств. Помогать во время кризиса можно, только накапливая средства во время процветания. Поддерживать слабые предприятия можно, только получая доход с

сильных. За социализацией пошатнувшихся предприятий автоматически следует социализация всех предприятий.

Таким образом, целая система понятий, принципов и фактов толкает мысль современного человека в сторону коллективного хозяйства, заменяющего хозяйство индивидуальное. И заветы высших достижений прежних культур, сливающихся с новыми, вновь нарождающимися, ощущениями братства всех людей, и воспоминания о прежнем диком привольи, и новые народившиеся ценности, и техника современного производства, и игра сил новой экономики, и все существо современной обстановки жизни — все питает идеологию социализма и коммунизма. О силе этих идей можно судить уже потому, что из современных властителей Европы Макдональд, Муссолини, Гитлер, Пилсудский и Сталин так или иначе начали свою карьеру под лозунгом социализма, и слово это, еще недавно под страхом суровых кар запрещенное в России и в Германии, теперь написано на знамени правящих в этих странах партий.

**
*

Конечно, социализм в России и социализм в Германии мало кого может порадовать. За словесной победой скрывается такая действительность, которая надолго может отбить охоту увлекаться социализмом. Но не будем торопиться и постараемся трезво разобраться, в чем дело, почему социализм вместо путеводной звезды для нового человечества стал болотным огоньком, заводящим в политические и социальные топи.

И русский большевизм и германский национал-социализм неразрывно связаны с именем Маркса и марксизма. В России потому, что Маркс для большевизма является величайшим гением и пророком. В Германии потому, что для национал-социализма Маркс является величайшим политическим преступником, а марксизм — духовной язвой современности. И здесь и там применяются к населению радикальнейшие хирургические приемы: в России, — чтобы внушить уважение, в Германии — чтобы создать отвращение к идеям Маркса.

Уже эта безграничная преданность одних и безграничная ненависть других свидетельствует о духовном величии Маркса и силе марксистских идей. И, несомненно, после Платона мы не находим другого мыслителя, который так резко и остро поставил бы вопрос

о путях и способах достижения идеала справедливости на земле. Но если Платон считал, что достаточно иметь правильное представление об идеальном строе, и он сам собой создастся, то после двухтысячелетнего опыта и разочарований в силе идей Маркс значительно осторожнее и все свое внимание обращает на то, чтобы найти исторические силы, которые приведут человечество к желанной цели. Мало иметь правильные идеи. Надо, чтобы за ними стояли внушительные социальные и политические реальные силы. Политическая программа должна строиться на точном понимании соотношения сил и на правильном прогнозе экономического развития.

И вот в своих экономических и политических трудах Маркс указывает на те силы, которые влекут человечество к его идеалу, к социализму или коммунизму. И читая страницы Капитала, где указываются тенденции современности ко все большей концентрации средств производства и к совершающейся таким образом подготовке к их обобществлению, даже теперь, после 80 лет, мы должны только удивиться прозорливости Маркса. И, несомненно, в этом отношении Маркс на голову выше всех социалистов-предшественников. Сен-Симон, несомненно, был талантливее Маркса и понимал лучше его историю. Оуэн, бесспорно, правильнее подходил к практическим вопросам рабочего движения. Но они говорили о социализме, как о желательном. Маркс же первый понял и доказал его неизбежность.

Но все же и Маркс не дооценил силы социализма! При всей остроте и титанической силе мысли, Маркс конечно, мог исходить только из того, что ему было известно, из условий, которые были в 50-х годах в Англии. Но не забудем: при Марксе железные дороги делали только первые младенческие шаги, при нем океан переплыли первые пароходы, электричество было еще только предметом лабораторных опытов и почти не имело применения в жизни. Поэтому Маркс не мог предвидеть всех изменений, которые создала новая техника. И прежде всего из внимания у него ускользнуло, что, кроме собственника и рабочих, каждая фабрика предполагает еще потребителя, что массовое производство предполагает массового потребителя, что таким массовым потребителем, в конце концов, является тот же рабочий, и что поэтому если отдельные фабриканты могут быть заинтересованы в том, чтобы по возможности все выжать из рабочего своей фабрики, то буржуазия, как класс, заинтересована в том, чтобы рабочие могли покупать. Он не заметил, что современная техника дает человечеству такие богатства, что даже при самом

анархическом и хаотическом использовании новых возможностей благосостояние всех стремительно увеличилось. И вот вся система мер к поднятию благосостояния масс, которое органически необходимо во имя основных интересов буржуазии, даже понимая их чисто материально, совсем оказалась не предусмотренной Марксом. Сила кооперативного движения, все новое социальное законодательство, обеспечивающее минимум человеческого существования за каждым индивидом, весь дух современного англо-саксонского правотворчества — все осталось за полем зрения Маркса.

Не предвидя этих сил, не учитывая их, Маркс свои чаяния построил на другом. И на вопрос о том, каким образом приблизится час желанного нового строя, он рисовал картину не английского законодательства, а французской революции. Как буржуазия свергла феодализм, так пролетариат свергнет буржуазию. На смену политической революции идет революция социальная. Ее надо готовить, разжигая страсти, сея и организуя ненависть. Идея классовой борьбы, идея социальной революции, идея диктатуры пролетариата — все это является выводом из этой концепции. Говоря фигурально, Маркс ближе всех подошел к источнику живой воды, который должен оживить и преобразовать человечество. Но, желая приблизить час осуществления заветной мечты, Маркс к этому источнику подмешал такую порцию яда, что живая вода надолго превратилась в воду мертвую.

Но будем справедливы к Марксу. Если введенные им в оборот термины социальной революции, борьбы классов и политической диктатуры приобрели такую печальную известность в наше время, то это вина отнюдь не его одного. При нормальных условиях увлечения теорией были бы преодолены жизнью. Ревизионизм в Германии, меньшевизм в России, жоресизм во Франции, тред-юнионизм — во всей Европе вводили социалистическое движение в русло реальной и соответствующей условиям современности работы. И если бы не было мировой войны — марксизм стал бы достоянием истории, и во всех странах социалистические партии были бы похожи на английскую рабочую партию.

Но война началась. Миллионы солдат неведомо зачем были посланы на фронт. И там, где война была особенно парадоксально не нужна и нелепа, в России, военные походы кончились военным бунтом. Русский солдат сообразил, что ему незачем идти за землей на Балканы и в Восточную Пруссию, и что имея в руках ружье го-

раздо скорее и безопаснее можно добыть землю у соседнего помещика. Война превратилась в политический переворот, политический переворот — в социальную революцию. И так как массы русской интеллигенции, увлеченные националистическими лозунгами и угаром войны, не сумели понять народа, он пошел за вождями, которые воспользовались его дикой, примитивной яростью. И так из сочетания коммунистической идеологии, военного одичания, фантастического ослепления и беспомощности темных, не прошедших школы демократии масс создалась великая русская социальная революция. Забытые слова Маркса как бы превратились в плоть и кровь; уже опровергнутая жизнью словесность — получила неожиданно ореол исполнившегося пророчества.

Маркс в своей концепции будущей истории стремился в колесницу добра запречь зло. И тут оно оказалось впряженным, взнузданным, направляемым крепкой рукой. Но очевидным, наглядным, неоспоримым осталось только зло. А где же добро? Никто не мог удивляться, что оно не наступило в первый год, в первые пять лет, пусть даже в первые десять лет. Но теперь уже прошло целых пятнадцать лет со времени неоспоримого господства большевиков в России. Никто ей не мешал, никто с ней не воевал. Громадные ресурсы страны были в полном бесконтрольном распоряжении новых хозяев. Почему же, когда во всем мире излишек всяческих благ, и недостает только аппарата для их распределения, в одной России имеется прекрасный аппарат для распределения, но зато вечная и повсеместная нехватка всех необходимейших благ. Почему страна, имеющая по принципам самую правильную в мире систему производства, по результатам самая убогая и нищая из всех земных стран?

Это вопросы громаднейшей актуальности не только для России, но и для всех других стран. Картина бедствий в ней парализовала реформаторские порывы в тех странах, где для этого были политически благоприятные условия. И в Германии и в Англии рабочие партии долгое время были у власти. Но они не только не провели никаких глубоких социальных реформ, но даже не осмелились выдвинуть осязательную программу их только потому, что опыт русских экспериментов стоял угрожающим предостережением перед глазами. С другой стороны, прокламируя борьбу классов и имея такое количество сторонников во всех странах, воинственный социализм русского типа не мог ожидать, чтобы классы, которым он объ-

являл войну до полного истребления, пассивно дожидались, пока диктатура пролетариата сметет их с лица земли. На угрозу диктатуры пролетариата явился ответ в виде национальных диктатур, объединивших не только врагов пролетариата, но и осторожных друзей его. В этом смысле буря национальной революции в Германии была естественным ответом на вечные угрозы коммунистической революции. И даже объективно нельзя отказать в известной обоснованности европейской реакции: если в земледельческой России социальная революция привела к перманентному недоеданию, то что было бы в промышленных странах Европы? После первого года социальной революции миллионы населения, и прежде всего сами рабочие, буквально вымрут с голода.

Но надо думать, что не только в такой форме будет использован урок России. Всем ясно, что в России большевизм мог появиться только в результате войны. События в ней показывают не столько опасность марксизма и проповеди социальной революции, сколько опасность войны. В результате мобилизации небывалых полчищ, выставленных самым могущественным властелином, царствовавшим над $1/6$ частью земной тверди, в России началась война внутренняя, окончившаяся осуществлением программы немецкого еврея Маркса, вдохновившего русского эмигранта в Швейцарии Ленина. Урок и предостережение любителям бряцать оружием во всех странах! И везде теперь, в особенности где коммунистическое движение загнано в подполье, должно быть живо ощущение опасности, что после первой неудачи или при первых действительных трудностях запрятанные красные знамена зареют в воздухе.

Но в этом урок и для сторонников преобразования человечества в соответствии с новыми условиями, потребностями и возможностями: для осуществления добра рассчитывать не на зло, а на органически сродные силы... Мир солидарности и справедливости создан будет не гневом и насилием, а при помощи солидарности и справедливости. Социализм не умер в Европе. Но он пойдет путем не марксизма, а английского реформизма. Будет ли это путь английской рабочей партии, или в рамках современных господствующих течений в других странах найдется место для развертывания созидательных сил — это вопрос уже второстепенный.

Во всяком случае, тем, кто думает, что вопросы социализма сняты с очереди, можно опять таки указать на Россию. Мы столько уже говорили о ее недостатках и неудачах, что теперь имеем право

указать и на другую сторону медали. Слова, что в России, несмотря на пятнадцать лет новых условий, такая нищета, как нигде, так часто произносятся, что можно показать и на другую поучительность этого. В одной из новелл Боккаччо рассказывает об еврее, который, посетив Рим и увидя всю мерзость, которая окружает папский двор, решил принять христианство. На удивленный вопрос христианина, как это понять, еврей объяснил ему: "Если, несмотря на всю эту мерзость, окружающую папу, христианская религия все же еще существует, то, очевидно, в ней имеется что-то правдивое, что дает ей такую жизненную силу". То же самое можно сказать и о современной России: вероятно, в ней имеется что-то правильное, если она, несмотря на все, сохраняет этот строй в течение целых пятнадцати лет. Русские политические силы, нетерпеливо и резко сбросившие гнет монархии — уже убедились, что это было не только благо, но соединено было с большим злом. Ниспровержение большевизма, которое было бы соединено с безудержным разгулом реакционной анархии, будет новым злом, которое едва ли искупит доброе. Россия принесла столько жертв для того, чтобы создать новый строй, что было бы жаль, чтобы все эти жертвы оказались только как поучение для иностранцев, и не дали ничего для самой России. После пятнадцатилетних жертв всякий должен желать России достойных результатов. И для их ускорения нет иного пути, как смягчение внутренних распрей, примирение сил, слияние в поисках нового творчества. Ведь надо быть объективным и по отношению к явлениям, развернувшимся в России. Как ни тяжела там жизнь, как ни страшны испытания русского народа, нельзя отрицать того, что тот социальный и исторический опыт, который в ней производится, является небывалым и по своим масштабам и по глубине затрагиваемых вопросов, новым по высоте возглашаемых и претворяемых в жизнь конечных идеалов и напряжению массового героизма и идеализма. Да и направление, которое уже давно принял большевизм, стремящийся к развитию техники, к победе над природой, к организации труда, при всех неудачах и заблуждениях является все же несравнимо более высоким и человечным, чем идеи, воодушевлявшие прежних властителей России и двинувшие массы народные на войну, которая ничего ни России ни миру не могла дать.

И, наконец, то, что составляет первородный грех большевизма то, что несомненно отталкивает и будет отталкивать от современной России — стеснение свободы, террор, оторванность от внешнего

мира — является в конечном счете результатом современного психоза боязни. Устраните из идеологии большевизма паническую боязнь “белых” и возьмите от европейских политиков паническую боязнь “красных”, которая, во всяком случае, в настоящее время не имеет под собой никакого основания и может стать реальностью только в момент новой войны, — и, быть может, сразу смягчатся черты жестокости, непримиримости, насилия, которыми пропитана система большевизма. Взаимный страх, взаимное недоверие, беспочвенная нервность создают наиболее мрачное и страшное в системе большевизма, разрушают то творческое, что лежит в основе ее великого порыва, приводят к тому, что по идее наиболее целесообразная человеческая организация связана с наибольшими бедствиями для людей.

Гибель демократии?

Спокойнее по форме, но страшнее по существу еще один призрак, стоящий перед миром: гибель демократии. Война внешняя — окончится, разрушения, причиненные ею, — будут восстановлены творческими силами. За бурей социального переворота виднеется лучезарный берег нового справедливого строя. Но когда нам говорят: “гибель демократии”, понимая под этим не только изменение форм и учреждений, но уничтожение самого принципа народоправства, то перед нами невольно рисуется апокалипсическая картина установления императорской власти в Риме, когда свободные, гордые граждане превратились в жалкую, трусливую, пресмыкающуюся перед тиранами толпу, в которой даже сенаторы стали похожи на рабов. Такое будущее страшнее войны и социальной революции. Здесь нет надежды, здесь, действительно, гибель культуры.

Но было бы величайшей исторической несправедливостью, если бы современную демократию, действительно, ждал такой конец. Мы знаем, что в прошлом наиболее демократична была культура свободолюбивых греков. Но вместе с тем мы знаем, что эллинская культура была самой высокой, самой продуктивной, самой счастливой из всех нам известных. Современные демократии идут по следам своей великой предшественницы. Мы знаем, что ни одна страна не может сравниться по творческой продуктивности с наиболее демократичной современной страной — Англией. В Англии родились

все главнейшие научные идеи современности, начиная от идеи всемирного тяготения Ньютона до изменчивости видов Дарвина. В Англии впервые были сделаны химические опыты разделения составных частей воздуха (опыты Пристлея с кислородом), разложения и искусственного синтеза воды (Кевэндиш); в англо-саксонских странах впервые на землю была человеком низведена молния (Франклин), впервые заходил поршень паровой машины, впервые двинулся поезд, в них впервые была передана по телеграфу человеческая мысль, в них заговорил телефон, в них впервые аэроплан оторвался от земли, между ними пронеслось первое слово, переданное через океан по радио-телеграфу, в них впервые запел граммофон, задвигались фигуры на экране. То же самое мы видим в области духа. Все новые принципы, о которых мы говорили: свобода совести, принцип равенства, принцип неотъемлемых прав личности, пришли из англо-саксонских стран. Европа тридцать лет воевала из-за вопросов религии и покрылась развалинами; но религиозные споры раз навсегда разрешил англо-саксонский мир, выдвинув принцип религиозной свободы. Европе грозила гибель национальных распрь; англо-саксонский мир их разрешил принципом самоопределения народов. Нет ни одного нового начала права — будем ли мы говорить о президентской власти, об ограниченной власти короля, о представительных учреждениях, о разделении власти, об организации судебной власти или о принципе местного самоуправления, — которое не сложилось бы в этих странах. Все замечательное в области уголовного права: идея тюремной реформы, прогрессивная система, патронаты, система мер воспитания малолетних преступников, условное освобождение — словом, все, чем новое уголовное право может похвалиться, заимствовано из англо-саксонских стран. Там впервые во всей широте поставлен был вопрос о всеобщей отмене рабства. Там создались могущественные частные свободные союзы, начиная от библейского общества, кончая кооперативами и трэд-юнионами. Там в грандиозных размерах повторяется незабываемый пример греческой федерации в виде соотношения метрополий и доминионов, там, наконец, сложилась идея Лиги Наций. Там в горниле сотрудничества личности, свободных обществ, всей нации и государственных учреждений создан впервые великий синтез начал греко-римского и израильского права. Не римским, а англо-саксонским правом живет современный мир. И что всему этому потоку животворящих идей может противопоставить идеология “но-

вых" направлений? Римскую идею диктатуры — личной, или классовой, или партийной, — которая в сущности погубила Рим? Средневековую идею принудительных корпораций? Массовое применение смертных казней и концентрационные лагеря для инакомыслящих граждан? Восстановление инквизиторского преследования евреев? Если прислушаться к существу критики демократии, то мы почти всегда найдем, что причина лежит не в недостатках демократии, а просто в неумении осуществить ее требования.

Демократический строй не только наиболее соответствует заветным человеческим идеалам, он не только самый продуктивный во всех отраслях творчества, но он к тому же самый устойчивый, самый крепкий. Греческие свободные республики разбили азиатскую деспотию. Греческое городское самоуправление, носитель и хранитель гражданских вольностей, оказалось наиболее устойчивым элементом античной цивилизации, и, переживая тиранию эллинских сатрапов и господство Рима, оно в порядке непосредственной неумирающей традиции дошло до наших дней. Точно так же недавно, во время великого испытания мировой войны, наиболее слабыми оказались наиболее антидемократичные режимы, и наиболее сильными — режимы чисто демократические. Никакие извороты политической фразеологии не могут умалить это неоспоримое свидетельство о преимуществе демократии. Говорят, что при объявлении войны, в то время, как неограниченные владыки воинственно обнажали мечи перед приветствующими их толпами подданных, в это самое время английские министры плакали настоящими человеческими слезами. Но это не помешало тому, что к концу войны народы свергнули неограниченных самодержцев и с той и с другой воюющей стороны, но английские министры пережили войну, несмотря на все ее перипетии и испытания, даже без серьезного правительственного кризиса, и Ллойд-Джордж, бывший душой кабинета до войны, остался главой кабинета и во время заключения мира. Настоящая демократия умеет подбирать и выдвигать нужных людей.

***

Но демократия — не застывшая форма, а вечное видоизменение, поиски наиболее совершенных форм и приспособление к потребностям жизни.

В древней Греции мы видели целый калейдоскоп чисто демо-

кратических правлений, с различными государственными учреждениями, с разными системами распределения и назначения властей, надзора за ними. Точно так же в настоящее время демократия Америки разнится от демократии Англии или скандинавских стран. И в каждой стране формы постоянно меняются, одни учреждения исчезают, другие нарождаются. В этой приспособляемости государственных форм к меняющимся потребностям и интересам людей можно даже видеть один из основных признаков истинной демократии, в противовес антидемократичным идеологиям, которые на протяжении двух тысяч лет не могут выдумать ничего иного, как слепое повиновение подданных диктатору.

Формы демократии меняются постоянно. Но нельзя отрицать того, что в настоящее время противоречие между существующими демократическими учреждениями и тем, что жизнь требует от государственной власти, стало необычно напряженным, и кризис форм демократии затрагивает одно из самых существенных исконных демократических начал: выборное начало. Это начало, корни которого мы должны искать в Греции, широкое применение которому в космополитическом масштабе было дано христианской церковью, в свое время было поистине величественно и гениально. Начало это не умирало за все время средневековья. Оно было орудием борьбы с абсолютизмом. В рамках борьбы за избирательное право совершился величайший исторический и социологический процесс, какой только знает мировая история: если принцип абсолютизма свободных граждан превращает в рабов, то принцип выборной власти массы рабов превращает в граждан. В постепенном расширении избирательного права на все более широкие круги населения совершался двойной процесс: завоевание государства гражданами и завоевание граждан государством.

И вот как раз избирательный принцип, этот, казалось бы, устой и основа демократизма, вызывает в настоящее время у друзей самые тревожные сомнения, а со стороны врагов — самые веские и трудно опровержимые нападки.

Первый, основной и покамест как бы неустранимый недостаток всякой выборной системы — господство партий. Теоретически партий может и не быть, но практически осуществление без них выборов почти не мыслимо. Исторически партии сыграли большую роль. Да и в настоящее время далеко не все партии одинаково плохи. Но все же имеется что-то шокирующее в том, что беспартийный канди-

дат почти не имеет шансов на выборах. Таким образом, прежде, чем получить возможность служить государству, политический деятель должен заслужить расположение своей партии. Прежде, чем быть патриотом родины и человечества, прежде, чем прикоснуться к аппарату власти в государстве, он должен пройти через все закоулки подчас темных партийных инстанций. А в каждой партии почти неизбежно царит тон полу-правды. Все явления рассматриваются через призму не только интересов страны, но и партии; всякое действие ее сторонников должно встречать похвалу и поддержку, во всяком действии противника надо найти недостатки. Условный энтузиазм, условное воодушевление, условная правда царят вместо подлинного энтузиазма и правды. Общенациональная программа становится немыслимой, и между личностью и государством, как средостение, встают партии. С этим борьба до сих пор была невозможной. Пропорциональная система выборов, которая должна была создать возможность участвовать в выборах помимо партий, привела лишь к сугубому господству партийных центров и создала "осколочные" мелкие партии, в лабиринтах которых парламентаризм стал буквально задыхаться. Поэтому партии всюду вызывают самые ожесточенные нападки, и они, несомненно, являются наименее популярным учреждением демократизма. Их исчезновение мало в ком вызывает сожаление. Даже в Англии и в Соединенных Штатах партийный механизм переживает перманентный кризис.

К этому, так сказать, органическому недостатку современной выборной системы присоединяются новые тенденции и явления, которые создает наша замечательная техника. Если количество граждан в современных государствах сделало невозможным прежние формы непосредственного участия граждан во власти, то новая техника перегнала эти трудности и опять восстановила то, что, казалось, безвозвратно ушло: непосредственный контакт гражданина с носителями власти. Уже книгопечатание, газеты, журналы создали то, что называется "гласностью", и каждое мероприятие правительства самым разнообразным образом оценивается и освещается в печати. Таким образом фактически чуть ли не каждый день производится опрос всех влиятельных групп граждан, и это ослабляет значение представительных учреждений не только в пользу власти, но и в пользу самих избирателей. Члены парламента ныне тоже все время оглядываются на пославших их, и каждое их слово, действие и даже

жест контролируется общественным мнением. Но если так, то к чему этот аппарат? Общественное мнение и так может контролировать действия исполнительной власти. И мы видим, что очень часто даже в странах, сохранивших всю обрядность парламентаризма, особое значение имеют речи министров, произносимые не в парламенте, а на публичных собраниях перед большим количеством граждан; сказанная и потом напечатанная речь делается как бы речью перед всей нацией, и отзвуки общественного мнения составляют как бы возрождение древнего веча или народного собрания.

Но и этого мало. В последнее время появились новые способы, благодаря которым политические деятели, действительно, могут говорить перед всей страной. Это сделал волшебник современности — радио. Государственные деятели получили возможность говорить так, что все граждане, хотя бы их были десятки миллионов, со всеми чадами и домочадцами непосредственно внимают их словам. И когда ныне министр произносит речь в парламенте, которую слушают все граждане страны, и на которую непосредственно реагируют все живые силы народа, роль сидящих перед ним депутатов становится какой-то призрачной, нереальной, неестественной.

Более того, при современных способах сношений, речь, произнесенная в Париже, Лондоне, Берлине или Риме, становится в тот же час, а то и в то же мгновение известной не только во всей стране, но и во всех других странах мира, и фактором, реально контролирующим, направляющим действия правительства, является не только общественное мнение своей страны, но и всего мира.

Все это по существу не только не ослабляет демократизма, но, наоборот, усиливает и углубляет его значение. Но прежние формы демократизма становятся явно анахронизмом. Парламенты, с их продолжительными сроками между выборами, с их "сессиями", решительно не могут поспевать за быстрым темпом современной жизни. При колоссальной быстроте смены явлений и событий для того, чтобы парламент выражал мнение народа, нужно его выбирать ежемесячно. Но мнение народа известно ныне, в сущности, ежечасно.

Таковы причины, расшатывающие значение выборного начала. К этому присоединяются еще новые моменты — новые требования к исполнительной власти.

Анализ сил, толкающих современность на социальные преобразования, уже указал нам, какие новые, небывалые задачи жизнь ставит в настоящее время перед государством. Раньше в нем виде-

ли или разросшийся семейный союз (Израиль), или военную организацию (Рим), или орудие осуществления божественного порядка на земле (средневековая концепция), или союз свободных граждан (греческая и англо-саксонская концепция). Но при всех этих представлениях о государстве и при всех комбинациях этих представлений, деятельность государства заключалась в том, что оно следило за нравственностью и благочестием, воевало, издавало законы, карало нарушителей права и тем давало возможность гражданам заниматься своим трудом. Но само государство никогда не пахало, не сеяло, не торговало, не было фабрикантом или предпринимателем. И даже, когда государство управляло своими именьями, заводило свои заводы и рудники, то эта деятельность считалась как бы исключением и регулировалась не публичным, а частным правом.

Но вот новые потребности жизни заставляют государство расширить свою деятельность. Дело даже не только в том, что государство строит дороги, организует транспорт, заботится о водоснабжении, о строительстве жилых домов, и что, таким образом, частно-правовая сфера его деятельности безгранично расширилась. Является тенденция, что государство должно регулировать, направлять и даже управлять всей совокупностью экономической жизни в стране. К прежним образам государства присоединяется новый образ: государства-хозяина, государства-сверх-земледельца, сверх-предпринимателя, сверх-торговца. Во время французской революции, под влиянием голода появилось требование, чтобы король был "булочником". Ныне государство становится булочником и во время кризисов и во время процветания.

Каждый образ государства выдвигает свой тип правителя. В Израиле это был "патриарх", в Риме — военачальник, в Греции и Англии — избранный народом сменяемый правитель. Не будет преувеличением сказать, что новый образ государства требует правителя типа директора-распорядителя. И вот перед умами современных людей витает образ правителя-хозяина, организатора творческих сил. В жажде труда, в жажде использования возможностей нашей культуры и богатств, которые нас потенциально окружают со всех сторон, мы, если бы только нашли соответственных людей, готовы предоставить им широчайшие полномочия, а сами готовы встать в строго дисциплинированную трудовую армию. Но весь вопрос, как их найти, как обеспечить постоянный и правильный их подбор? Каждый тип правителя имеет свой способ подбора: патриарха вы-

двигает Божье избрание или наследственность, военачальника создает военная карьера, демократического выборного правителя создает карьера политического трибуна. Но как найти “директора-распорядителя” в государстве? Ясно, что мы не станем ожидать указания небес, не будем искать его в рядах армии, не станем требовать от него ораторских данных и политической изворотливости.

Но жажда в правителях нового типа так остра, нужда иметь хорошего хозяина, директора колоссального предприятия, в процветании которого мы все кровно заинтересованы, так велика, что массы готовы идти за первым, кто только пожелает взять в свои руки громадную ответственность. И при виде современных масс, шумно приветствующих своих новых правителей, было бы неправильно отпевать демократию. В готовности подчиняться — внутренняя самодисциплина, которая только показывает, что демократия далека от того, чтобы выродиться в охлократию. Нити, связывающие современных правителей с массами — не только слепое подчинение, но энтузиазм, воодушевление, вера в победу. Тут не гибель демократии, но лишь какое-то хаотическое, ломающее все формы, стихийное проявление ее.

В этой стихийной ослепленности и подчас болезненной воспламененности масс имеются, конечно, свои грозные опасности. Недавняя война оставила глубокий след в душах людей, разбудила дремавшие темные инстинкты. И фразеология войны незаметно для нас самих вмешивается во все наши даже самые мирные, самые благие начинания. И вот в то время, как современность требует, чтобы во главе государства встали всенародные, энергичные специалисты-организаторы с широким объемом полномочий для творческой деятельности, во главе народных движений появляются “вожди”, “диктаторы”, как будто дело идет о командовании римскими легионами, а не об управлении современным трудовым государством. И эта словесность влечет за собой целый ряд других явлений. “Вожди” ставят перед собой бюсты Цезаря и Наполеона, забывая, впрочем, о конце того и другого, а в массах на наших глазах совершается величайший подмен лозунгов. В то время, как люди ждут, чтобы осуществилось то, что само стучит в дверь нашей эпохи, чтобы были использованы все колоссальные возможности современности, и для этого жертвенно готовы отказаться от многих прав и добровольно встать в дисциплинированные и послушные ряды трудовой всенародной армии, в это время из музеев вытаскиваются обветшалые

знамена, из архивов достаются старые, отжившие лозунги, и вдруг вместо людей современности перед нами появляется толпа дикарей, словно вышедшая из примитивных лесов, повторяющая лозунги, которыми воодушевлялись орды во время переселения народов или во время покорения израильскими племенами Ханаана.

Но не станем отчаиваться и падать духом. Наряду с этим процессом своеобразного вырождения народного энтузиазма и воодушевления, мы в современных политических условиях видим и противоположные тенденции. Те же “вожди”, пришедшие ко власти со всеми атрибутами военного победителя, с первого же часа своего правления сталкиваются с вопросами, не имеющими ничего общего с воинственной идеологией. Вопросы снабжения населения, борьбы с безработицей, вопросы организации промышленности, развития внутренней и внешней торговли волей или неволей поглощают все их внимание. Комментарий Цезаря “О галльской войне” приходится отложить в сторону, а в руки берутся статистические таблицы, проблемы военной тактики и стратегии вытесняются проблемами фордизма и тейлоризма. И трудно себе представить смелого, энергичного, сильного человека, который, лицом к лицу соприкоснувшись с творческими силами современности, не поддастся бы их влиянию, не увлекся бы теми мирными возможностями, которые жизнь в настоящее время со всех сторон предоставляет ему. И вот “вождь”, сам того не замечая, превращается в строителя, в хлебопашца, в инженера, в подлинного сверх-директора, который нужен стране. В Риме было замечено, что власть делала даже хороших людей плохими. В наше время мы можем сказать наоборот: власть даже самых плохих людей может сделать добрыми. И в стране, в которой совершается наиболее интересный политический опыт создания новых форм власти, в Италии, мы на каждом шагу видим, как воинственная словесность сменяется мирным творчеством. Вместо завоеваний соседних стран — осушение болот около Рима. Вместо походов против соседей — проведение дорог, постройка гигантских вокзалов, мостов.... Фашистская Италия не совершила ни одного военного похода, но она снарядила две полярных экспедиции и два полета эскадрилий через океан. Арка Константина не дождалась триумфального возвращения победителей с полей сражения. Но она уже увидела то, что является прямым контрастом воинственному Риму: триумф мирных летчиков, слетавших через океан на всемирную выставку в Чикаго. И, нет сомнения, если бы эти летчики во

время войны разрушили Париж или Берлин — встреча не могла бы быть такая радостная. Но зато она, может быть, была бы еще радостнее, если бы летчики были не военными, а итальянскими Линдбергами. Может быть, Муссолини в мечтах видел лавры Цезаря. Но после десяти лет его правления газеты серьезно обсуждают вопрос о присуждении ему нобелевской премии мира. Для понимания и правильной оценки современности нет ничего более поучительного, как чтение анналов Тацита и Светония и сравнение их с биографиями современных властителей. Современные диктаторы, ставящие в своем кабинете статуи римских цезарей и тем как бы дающие право сравнивать себя с ними, сами не понимают, какое глубокое и незаслуженное оскорбление они наносят самим себе!

Но не будем самообольщаться. Как ни близко некоторые из современных диктатур подходят к потребностям нашей эпохи, проблема, поставленная жизнью, все же еще не решена. Фашистский режим воцарился без единой смертной казни. Но через несколько лет власти ему пришлось отказаться от славной традиции Италии и ввести смертную казнь, которой некоторые части Италии не знали уже со времен Беккарии. Ни один из новых режимов не окреп настолько, чтобы допустить то, что допускает самое слабое из демократических правительств: свободу критики. Ни один не создал устойчивой системы власти. Ни один не решил даже основного вопроса: как замещать пост “диктатора”, и проблема эта остается также открытой в Риме нашего времени, как была открытой в Риме Цезаря и Августа. Словом, демократия, как система, ничем не заменена, и ею самой выдвинутые проблемы до сих пор остаются без решения. Очевидно, что ей самой придется решение взять в свои руки. И не нужно быть пророком: те страны, которые создали все основы современного права, скорее всего сумеют найти органическое решение и новым, выдвинутым потребностями жизни, проблемам. Англо-саксонский мир, под видом консервативного сохранения обрядностей парламентаризма, в сущности, уже меняет формы правления. Для гражданина европейского континента, привыкшего к благоговейному почитанию всех форм и обычаев английской политической жизни, могло показаться странным, что лидер рабочей партии возглавил избирательную кампанию консерваторов и остался во главе правительства после победы его вчерашних противников. Но это лишь показывает, что лучшие умы Англии уже почувствовали, что жизнь переросла партийные рамки и ищет новых пу-

тей для организации правления многомиллионными массами, жаждущими доброй и сильной власти. Из истории нам известно: когда Англия ищет каких-либо путей, она их находит. И для себя и для других.

Но, может быть, не Англия, а другая страна найдет новое слово и новую систему. Может быть, это будет корпоративная организация трудового представительства по типу корпоративного устройства Италии или трудовых "советов" России. Может быть, в какой-либо другой стране будет найден совершенно новый, неожиданный в своей простоте, ответ на запросы жизни. А может быть, ответов не один, а много, и разные страны разными путями достигнут той же цели. Во всяком случае, современная Европа и Америка представляют собой невиданную в истории картину массовых опытов, напряженных исканий. То, что в античном мире являли греческие города, соперничавшие между собой в поисках лучшей формы правления, то ныне с колоссальным, небывалым напряжением повторяется в масштабе почти всего мира. Искания совершаются всюду. Где тихо, но упорно и вдумчиво. Где с криком, гамом, факельными шествиями, барабанным боем. Но всюду с напряжением, с энтузиазмом, с верой в свои силы. Каждый народ убежден в своем мессианизме: по крайней мере, полдюжины наций об этом заявляют официально; остальные же тихо про себя мечтают о роли всемирного спасителя. В этом брожении нет усталости, нет уныния, нет отказа от творчества, нет ни малейшего признака превращения граждан в рабов. Демократия не гибнет, а, наоборот, она, как никогда, полна бурного кипения творческих сил.

Перед нами золотой век!

Анализ важнейших событий прошлого и объективный, не затуманенный взгляд на настоящее показывает нам фантастическое величие современных человеческих достижений. Исторический генезис всех основных и новых элементов современности показывает, что это не случайное явление, не прихоть, не игра судьбы, не каприз причудливого сочетания условий, а органический, стихийный, неудержимый рост того, что составляет самое важное, самое характерное, самое непреложное в жизни и отдельных людей, и народов, и всего человечества.

Почему же уныние царствует в наших сердцах? Почему тревога в душах и сомнение в умах? Почему нам кажется, что линия развития, все время подымавшаяся ввысь, должна остановиться и стремительно оборваться вниз? Почему думать, что мощный поток современной культуры, в котором сливаются все глубокие, тысячелетние потоки судеб человеческих, вдруг иссякнет или повернет вспять?

Думая о будущем, надо исходить не от атавистических идейно преодоленных в прошлом и органически чуждых нашей жизни элементов в ней, а от новых, от тех, которые отличают нашу жизнь от прошлых веков. А если так поставить вопрос, тогда перед нами развертывается ряд сил и факторов, которых уже достаточно для окончательного преобразования к лучшему человеческой жизни. Даже будучи самым черным пессимистом относительно будущего, даже решив, что с сегодняшнего дня люди ничего нового не изобретут, не придумают ни одной новой идеи, ни одного нового организационного принципа, словом, если думать, что вся дальнейшая история человечества должна слагаться только из тех элементов, которыми уже

современность обладает, то при неограниченных производственных возможностях современной техники и чрезвычайной гибкости тех принципов, которые организуют наши взаимоотношения, мы все же должны думать, что будущее принесет такие значительные изменения, что жизнь в ближайшее время преобразуется самым фантастическим образом. Ведь, в сущности, самых незначительных и легко достижимых поправок в уже достигнутом достаточно для того, чтобы заявить: "Золотой Век пришел".

Не верите? Так слушайте.

Счастливый день Ивана Иванова.

Иван Иванович Иванов-младший просыпался всегда в радужном настроении. Сегодня же утром ему казалось, что солнце, сияющее чрез гирлянды цветов на веранде в большое окно спальни, по особому радостно и ласково, что небо по особому сине, а весь мир прямо-таки невыносимо прекрасен. Хотя, в сущности, для такой особой радости не было никакой причины: был понедельник, и начиналась трудовая неделя.

Полощась под душем в залитой солнцем комнате с бассейном — она же служила для гимнастики — Иванов с улыбкой вспомнил, что мало таких консерваторов, как он. В этом же доме и даже в той же квартире жил его отец, Иван Иванов, а теперь, после возвращения родителей в Россию, живет он с женой и сыном. Правда, квартира была переделана: были соединены в одну две квартиры, и это было тем легче сделать, что он женился на дочери соседа по квартире. Кроме того, весь дом был перестроен: одна часть была совсем снята, сумрачный, грязный и вонючий двор превратился в роскошный сад с цветниками и фонтаном. Повсюду пристроены были веранды и балконы. Всюду проведена холодная и горячая вода, на лестнице устроен лифт, которым, впрочем, почти никто не пользовался, ибо вбежать на пятый этаж для всех, закаленных спортом, казалось истинным удовольствием.

Утреннее кофе жена подала на веранде, утопающей в ярких, редкостных цветах. В комнате запел радио: слышались изумительной чистоты звуки рояля. Пластинка Шопена, в исполнении Падеревского, — сказала жена. Глядя на неуклюжий, старомодный ящик радио, Иванов в очередной раз подивился замечательным свойствам этого аппарата, приобретенного еще отцом. Он до сих

пор несколько десятков лет служил исправно: пришлось за все время переменить только систему лампочек и одну часть громкоговорителя.

Иванов работал в той же мастерской, как и его отец. Правда, мастерская была значительно переделана, расширена и принадлежала не частному лицу, а городу. Но он работал даже на том же самом станке и так же точил по дереву. После целого ряда колебаний в конъюнктуре, после нескольких опустошительных кризисов, при всеобщем распределении работы городку вернули его специальность — изготовление резных и точеных работ, и он был известен во всем мире по тонкости и красоте изготавливаемых вещей.

Станок Иванова стоял в отдельной просторной и светлой нише, с большим окном, на подоконнике которого всегда стояли вазы с цветами. Обязательные рабочие часы были сокращены — всего три часа, от девяти до часу. Но, по общему мнению, каждый рабочий и мастер в среднем успевал сделать не меньше, чем раньше делали в восемь и даже десять часов. При тщательной организации всех деталей работы, правильном распределении, при необычной сноровке и даже виртуозности всякого в своей отрасли, во все время работы стоял непрерывный, неумолкаемый гул станков, визг пил, сверл, стук молотков, жужжание моторов. Так как в этой отрасли работа была очень индивидуальна, и один рабочий не был неразрывно связан с другими, то очень многие по своей воле работали значительно дольше указанного времени.

Как только станок зажужжал, как только резец оставил первые следы на обрубке дерева, Иванова, как всегда, охватило восторженное состояние порыва. Мотор гудел, стружки и опилки летели непрерывной струей, и фигура поразительного изящества вырисовывалась все яснее. Иванов не замечал часов. Только звонок телефона, висящего на стене, вырвал его из своеобразного транса.

Жена сообщила, что часы работы давно уже кончились, и что она с сыном ждут его возвращения, чтобы поехать к морю. Погода, действительно, располагала к этому, и Иванов, сложив работу, выбежал на улицу. Так как надо было торопиться, то он решил поехать на автомобиле. У ближайшей стоянки он нашел несколько прекрасных машин, стоявших в полной готовности и ожидающих любого, желающего ехать, конечно, без шофферов — Иванов, как и всякий гражданин, с детства прекрасно владел автомобилем. Дома Иванов только быстро переоделся в купальный костюм; вся се-

мья поверх костюмов надела красивые плащи, изготовленные по специальным рисункам жены-художницы, и живописной группой Ивановы покатали на аэродром. Оставив автомобиль у стоянки, они убедились, что до отбытия аэроплана оставалось еще десять минут. Этим временем они воспользовались, пообедав в роскошном буфете аэродрома. Кофе же они пили, сидя у широкого окна аэроплана, глядя с высоты на развертывающуюся панораму страны.

Аэроплан летел над прямой дорогой к морю, пролегающей как бы среди огромного парка с непосредственно друг за другом следующими живописными группами домов. В сущности, границы города не было: вся страна казалась бесконечным рядом роскошных усадеб, окруженных садами, парками и цветниками; и всюду и во все стороны простиралась картина как бы беспрерывных садов, среди которых пестрели огороды, желтели нивы, белели изящные виллы.

Полет к морю продолжался всего около получаса, и Ивановы весело побежали на пляж. Жена и сын смешались с оживленной пестрой толпой, втянулись в игры и танцы. Сам же Иванов был в "рабочем" настроении. Он помнил, что через неделю начинался его трехмесячный отпуск, во время которого он собирался через Скандинавию, Землю Франца Иосифа и Новую Землю полететь на Урал, повидать своих родителей, которые поселились там, вернувшись из эмиграции. Перспектива этой поездки заставляла его торопиться поработать, и он вынул из дорожного чемоданчика листки корректуры своей книги об "утопиях". Странички, которые он выправлял, относились к книге Беллами. И, перечитывая изложение основных начал будущего строя, который рисовался этому утописту, Иванов в очередной раз подивился его проницательности. В сущности, им предвидены были все основные черты того устройства, которое теперь господствовало во всем мире, начиная от трудовой повинности и расчетных карточек, кончая системой издания книг. Беллами не предвидел только возможностей, заложенных в фантастическом развитии техники...

К вечеру сын Иванова заявил, что он со своими товарищами остается в лесу, в лагере скаутов. Поэтому "старик", как они в шутку называли себя, вернулись домой одни. На обратном пути они с высоты трех километров любовались картиной заходящего солнца. Аэроплан летел круглым путем, поэтому они могли видеть,

как все постепенно стемнело, как всюду стали зажигаться яркие разноцветные огни, делавшие картину подлинно сказочной.

Спустившись в городе Ивановы отправились в Народный Дом. В сущности это был не дом, а целый город, состоящий из сложной системы соединенных между собой домов-дворцов. Тут были театры, кинематографы, залы для собраний, для танцев, библиотеки, залы для чтения. Повсюду кроме того укромно, незаметно расположены были стойки для закусок, чаще всего автоматические: люди эпохи Иванова-младшего уделяли мало внимания процедуре еды и были очень умеренны в еде и питье, обилие пищи заменяя ее качеством и разнообразием.

В Народном Доме сосредоточивалась вся общественная жизнь города и до известной степени всей области. Все известия со всего мира неустанным потоком стекались туда. И каждое более или менее важное событие моментально находило себе отклик в виде летучих митингов-собраний, которые, если только было нужно, превращались в народные собрания всего города, а подчас и всей области, для всякого количества собравшихся находилась соответствующая зала или площадь около Народного Дома; кто не мог лично присутствовать, тот при помощи радио соединялся из своего дома или мастерской и мог все видеть, слушать, а если хотел, то и сам участвовать в обсуждении вопросов.

Ивановы на ходу поужинали, посмотрели в кинематографе хронику событий дня во всем мире, послушали короткий доклад о новейших открытиях в области химии. Попутно они повстречали массу знакомых. В большинстве случаев ограничились веселыми, шутливыми приветствиями; кое с кем поговорили подробнее, обсуждая вопросы совместных работ и занятий.

К 11 часам они были дома. Но Иванов не хотел спать, и он сел за стол обдумывать работу на завтра. Ему оставалось дописать последнюю главу, о переходе от утопий к действительности. Эта глава была самая интересная, но вместе с тем самая трудная, так как нельзя было провести грани, где кончалась старая эпоха и начиналась новая. В сущности, со времени перелета через океан на аэроплане и создания радиотелефонии началась новая эпоха. Но, изучая исторические документы Иванов видел, что современники этих событий их как бы совсем не заметили и долгое время, уже живя по-новому, все еще думали и чувствовали по-старому, чего-то опасались, чего-то боялись.

Иванов вспомнил, что его отец вел дневник. Он порылся в шкапу с семейными документами и нашел его. Открыв записную книжку наугад он нашел запись летом 1933 года, кончавшуюся словами: "Жизнь тесна, сера и уныла. А будущее беспросветно и темно".

— Странные люди, — подумал Иванов. — Чего они горевали и тужили, живя в эпоху, которая, несомненно, была самая интересная во всей мировой истории! Ведь они, и только они, своими глазами видели, как человечество перешагнуло порог Новой Жизни!

Он открыл книжку в другом месте, ближе к концу. Тон записи был совершенно другой: бодрый, веселый. Говорилось о строительстве, об успехах, достижениях, как личных, так и общественных... Иванов решил прочесть дневник с начала до конца, чтобы уловить переход от одного настроения к другому. Но было уже поздно. С сожалением оставляя работу до утра, Иванов лег в постель. Запах роз с балкона и порывы ночного ветерка слились со спокойными и веселыми мыслями Ивана Ивановича Иванова, и он тихо уснул.

**

"Утопия"... скажет с досадой читатель.

Но почему эту картину маленьких поправок к уже существующему быту считать утопией?

Техническая невозможность? Но даже не нужно быть сторонником технократии, чтобы убедиться в том, что современная техника вполне обеспечивает нам достижение всего, что мы видели в течение счастливого дня Ивана Иванова. Даже если допустить, что с сегодняшнего дня не будет сделано ни одного нового изобретения, ни одного нового открытия, не будет придумано, ни одного нового технического принципа, не будет найдено ни одного нового организационного производственного начала; словом, если исходить из того, что в нашем распоряжении будут только такие машины и аппараты, которые мы уже имеем, и такие способы производства, какие мы уже применяем, — то и тогда в самое короткое время вполне возможно покрыть любую потребность любого количества живущих на земле людей. Если и теперь во всем культурном мире все люди так или иначе одеты и так или иначе накормлены, то не забудем: 25 миллионов рабочих сидят без дела, фабрики не только не развиваются, но многие совсем не работают.

Поля обрабатываются не в полном размере, поезда железных дорог ходят полупустые, пароходы целыми флотилиями бездействуют в гаванях, запасы сырья уничтожаются, предаются гниению, запасами фабрикатов ломятся склады. Подумать, что было бы, если бы дать волю всем гигантским современным производительным силам, дать волю всем фабрикам работать полным ходом, поставить у станков всех людей, способных к этому, использовать все силы матери-земли, в соединении с силами современной агрикультуры? Несомненно, что тогда любая разумная потребность любого человека в мире могла бы быть удовлетворена и покрыта в десятки раз. И не только изысканный стол, прекрасное и здоровое гигиеническое платье было бы у всех в изобилии.

Хотите, чтобы у каждого был свой дом? Нет ничего легче. Во время войны воюющие страны потратили такие суммы, что на эти средства можно было всякому гражданину воюющей страны воздвигнуть не только собственный дом с садом, но и летнюю виллу в придачу. Деревянные, крытые соломой, хижины всюду исчезнут. Всюду волшебной силой вырастут кирпичные и каменные, мрамором и изваяниями украшенные, домики-виллы, с красными фантастическими крышами, с большими светлыми окнами, с уютом, комфортом и широчайшей возможностью творчества для каждого человека. Мало того, не только дом с садом, но, кроме того, на берегу моря, озера или реки, или в горах у каждого будет свой маленький домик для праздников и "конца недели".

...Хотите, чтобы всякий всегда в своем распоряжении имел автомобиль? Дайте волю организационным талантам Форда и его сотрудников, дайте ему на помощь Ситроена и Опеля, дайте им силу безработных инженеров и техников, и в несколько лет эта задача будет исполнена и каждая семья во всем мире будет иметь свой автомобиль. В добавок, в виде бесплатного приложения, вам проведут дороги по всем материкам, во всех направлениях, обсадят эти дороги фруктовыми и декоративными растениями, построят у всех притягательных мест дешевые и удобные гостиницы и предоставят еще на выбор: кто не хочет иметь автомобиль, тот получает аэроплан.

...Мало книг, мало библиотек? Дайте волю книгоиздателям, дайте полную возможность работать жадным ротационным машинам — и мир будет завален книгами на всех языках, новыми, древними, иллюстрированными, научными, историческими, и во

всех городах и местечках вырастут не библиотеки, а громадные книгохранилища.

...не хватает машин, поездов, пароходов? Разрешите работать полной силой машиностроительным заводам, дайте работу пустующим верфям, дайте право организаторам строить новые заводы и верфи — и любое количество машин будет сооружено, любое количество людей и товаров будет перевезено.

...Радиоаппараты? Они и так уже имеются почти в каждом доме. И не заведем: они появились в годы послевоенной нищеты и экономического кризиса. Но дайте волю электротехникам, и в самое быстрое время они снабдят нас всех аппаратами-телевизорами, позволяющими из каждого уголка не только слышать, но и видеть происходящее во всех странах.

Поэтому в картине счастливого дня Иванова нет ничего фантастического, нереального, неосуществимого. Наоборот — все это неизменно, неустранимо, и притом в очень недалеком будущем. Более того, это достижимо и в настоящем. Лишь фантастическая, кошмарная, преступная наша неумелость отделяет нас от этой светлой и такой близкой действительности. Всеобщее богатство, изобилие и могущество — вполне реально и достижимо. Фантастичны лишь наше бессилие использовать то, что уже имеется у всех под руками.

В далеком прошлом прозвучали слова: “Мы все цари”... Мы, современники, с еще большим правом можем произносить эти слова. Более того, это не только наше право, но наш долг. Тот только действительный сын современности, в котором действительно живо сознание, что он могущественный царь. Пусть подчас какое-то наводнение вражеских сил лишает нас способности пользоваться нашим могуществом и богатствами. Мы должны сознавать, что это лишь временное и незаконное лишение нас принадлежащих нам прав. Ограбленный и плененный царь — все же должен в душе оставаться царем.

Но зато и по отношению к другим мы должны чувствовать то же самое. И когда мы видим перед собой голодного — это наше преступление. Когда мы видим не одетого — это наше преступление. Когда видим бесприютного — это наше преступление. Преступление двойное, потому что голоден, наг и бесприютен царь, и потому что ныне всех накормить, всех одеть и всем дать приют так легко и так просто, и не нуждается ни в чьих жертвах. Нам ниче-

го не надо отдавать, нам нужно только суметь использовать свои богатства и силы.

Все эти возможности находятся в нашем распоряжении, если даже мы будем исходить только из того, что уже имеется, в предположении, что человечество в будущем будет располагать только теми творческими элементами, которыми обладает современность, что не будет сделано ни одного нового изобретения, ни одного нового открытия. Но такое предположение само по себе является утопией, несбыточной химерой. Если до сих пор каждое десятилетие, а то и пятилетие, приносит для нас новый переворот, новые чудеса, то почему мы должны думать, что с сегодняшнего дня этот рог изобилия, сыплющий дары на человечество, иссякнет? Ведь мы знаем: армия изобретателей, исследователей все растет. К профессионалам техникам и ученым присоединяются целые сотни тысяч и миллионы дилетантов-самоучек, которые подчас, в своем дилетантизме и маниачном увлечении одной идеей, подмечают то, что ускользает от внимания ученых и специалистов. Все растущие досуги людей и все растущие возможности самостоятельной работы у масс создают чрезвычайный, небывалый натиск на фронте борьбы с природой. И было бы праздной затеей гадать об этих новых, неизвестных для нас будущих возможностях. Мы можем сказать лишь одно: до сих пор никаких пределов, никаких граней не видно. Если за мыслимо мельчайшей и неделимой частицей вещества, за атомом, открылся для нас целый сложный и могущественный мир, то разве мы можем сказать, что скрывается за каждой теоремой, за каждым известным законом природы, за каждой шепоткой вещества? Поистине мы дети, играющие у ямки на берегу Великого океана: мы знаем, что в нашей ямке, но что таит в себе бесконечная стихия природы — это только постепенно открывается нам. И мы верим: перед нами, при нашем напряженном творчестве, будут открываться дальнейшие страницы волшебной книги природы, первые строчки которой мы осилили до сих пор. И кое-где уже брезжит свет яркого будущего. Новая атомная теория показывает, что в каждой мельчайшей частице вещества имеются неисчерпываемые запасы энергии; умение освободить ее перестроит всю нашу технику и в миллионы раз увеличит наше физическое могущество.

Удлинение жизни людей совершается на наших глазах, и мы не видим никаких пределов этому процессу. Сношение с другими мирами, если на них существует жизнь, открыло бы сверхъестественную эру в жизни человечества.

В ответ на все эти бесспорные соображения о реальных и потенциальных возможностях современного знания и техники со всех сторон слышится вздох. Да, наше знание велико, наши технические успехи громадны, наши машины мощны, наши фабрики совершают чудеса. Время наше велико и обильно. Но порядка в нем нет. И не может быть, пока на земле господствует современный тип *homo sapiens*, современный “культурный” человек, пока на ней хозяйничают современные человеческие массы.

Сомнению этому нельзя отказать в известной логичности и убедительности. Действительно, — и это прежде всего надо твердо помнить — от всех благ и возможностей в нашей физической и духовной жизни нас отделяют не силы природы, не органически присущие природе бедствия и препятствия, а исключительно наши несовершенные взаимоотношения между собой. Мы сами себе мешаем, мы сами, вместо того, чтобы дружно подходить к пышному, прекрасному, полному величайших богатств столу природы и всем дружно наслаждаться, — ругаем, толкаем, давим, калечим друг друга.

Картина эта так нелепа, что она каждый момент может смениться другой. Взаимные распри и взаимоуничтожающая борьба тоже не прирожденные, а случайные свойства теперешних людей. Наоборот, характеристика человека современности и сравнение его со всеми известными нам историческими типами показывает чрезвычайное умственное и духовное превосходство современного человеческого материала. Мы просто еще не научились пользоваться им. И, может быть, не так страшно и не так нелепо то, что мы в годы кризисов сжигаем душистый хлеб и мягкий хлопок, топим кофе, что мы заставляем нашу величавую технику служить задачам вооружения, как то, что в условиях современной действительности люди, способные на величайшие достижения, на величайшие самопожертвования, впитавшие в себя и органически претворившие в гармоническое целое все самое великое и совершенное

из всех эпох и от всех народов превращаются в загнанную, запуганную, озлобленную, раздраженную человеческую массу. И каждому из нас ежедневно приходится наблюдать, как милый, спокойный, тихий, дружелюбный, трудолюбивый, талантливый, на все откликающийся, все душой в себя впитывающий гражданин, как только почувствует себя частью какой-либо толпы, тотчас как бы перерождается: становится кровожадным, воинственным драчуном, машущим во все стороны кулаком, становится по принципу вором и грабителем, готовым у всякого соседа оттянуть, что только плохо лежит. И вместо духовного потомка Леонардо-да-Винчи мы перед собой видим вышедшего из девственных лесов примитивного дикаря.

Но надо быть справедливым и к современным массам, в особенности к современной молодежи. Перед собой они видят сказочные возможности, перед которыми бледнеют чудеса 1001 ночи. Поэтому каждый не только может и хочет, но ведь даже обязан чувствовать себя царевичем и желать, чтобы его жизнь и жизнь других близких людей волшебным образом развертывалась перед ним. Юные силы стремятся проявиться во всю ширь в порыве радостного творчества. А вместо этого ему говорят: "Теперь безработица. Ты никому не нужен, ты лишний, ты обуза, ты одна из единиц миллионного перепроизводства интеллектуальных или физических человеческих сил. Перед тобой длинные годы испытаний, обивания порогов в поисках работы, за которую ты должен благодарить, как за милость. "Современный человек хочет чувствовать себя гражданином и хозяином всего мира. А вместо этого ему говорят: "На расстоянии часа полета — граница, которую ты не имеешь права перешагнуть, там чужое, там не твое, там стоит препятствие перед твоими силами и твоим мощным размахом". Человек всей структурой своей души способен радоваться и наслаждаться жизнью, а вместо этого ему говорят: "Теперь экономический кризис. Ты обречен на недоедание, недоодевание, необеспеченность". Разве не понятно, что современный человек бунтует, что в особенности молодежь готова идти за всяким, который показывает дорогу к такому будущему, где имеется применение силам, где имеется возможность индивидуального и коллективного творческого размаха, где имеется возможность использовать все то, что в таком обилии дает нам наша мать-земля? И не вина масс, что до сих пор появлялись лишь такие вожди, которые или к добру ведут путем зла или путем доб-

ра ведут к злу. Дайте молодежи программу радостного, доброго творчества, дайте ей достойный величия современности выход для ее накопившихся сил, для ее энтузиазма, кликните ей клич манифестом радости и творчества, дайте ей возможность проявить героизм во имя действительного блага, и вы увидите, какие потоки все ниспровергающей энергии соберутся на этом пути. Не забудьте: никакая демагогия зла и ненависти не может сравниться с теми реальными перспективами, которые людям, народам и человечеству открывает добро и солидарность. И не хлебом единым жив человек. Не только для хлеба шумят и волнуются массы людские. В массовых движениях современности мы всегда находим искания, идеализм, героизм и беззаветность. Даже народное движение в Германии, стоящее в таком непримиримом контрасте к англо-саксонскому духу современности, надо рассматривать не только в момент его торжества, когда оно разбушевало и распоясало в опьянении победы, но в то время, когда вождь его с семьей первыми сторонниками решили плыть против течений и против всех ветров, подвергаясь величайшей личной опасности. И всякое значительное движение современности, как бы оно себя ни называло, является проявлением чрезвычайного идеализма. Пусть этот идеализм создает мираж, пусть заводит по ложному пути в исторические болота и топи. Жизнь скоро внесет свои коррективы, и на том же знамени могут появиться совсем новые лозунги.

Настроения массы как быстро являются, так быстро и проходят. Рассказывают, что во время одной из громаднейших морских катастроф, когда тонул большой пассажирский пароход, в толпе началась паника, давка. Все усилия навести порядок казались тщетными. Тогда музыканты оркестра расположились на открытой палубе и стали играть. И вот пример музыкантов и ритмические звуки музыки так успокоительно подействовали на толпу, что давка прекратилась, и в людях, только что, казалось, превратившихся в зверей, проснулись не только человеческие чувства, но и дремлющее героизм. Само собой вышло так, что первыми были посажены на лодки дети и женщины, и спасение людей совершалось с максимальным спокойствием и целесообразностью. Конечно, эти музыканты были герои. Но не такого ли героизма жаждет теперь весь мир?

Говоря о людях и массах мы исходили до сих пор из предположения, что истории придется иметь дело с таким человеческим материалом, какой мы теперь имеем. Но, поскольку речь идет о будущем, о новых, грядущих поколениях, такое предположение так же неверно и противоречит всем данным истории, как и предположение, что знание и техника остановится. Прошлое человечества показывает, что дух человеческий не стоит на месте, а постоянно развивается. И мы видели направление этого развития у разных, даже друг на друга не похожих, народов. В новой истории мы видим ту же картину. Меняются не только внешние условия жизни, совершенствуется и развивается не только техника, накаплиются не только внешние формальные знания, но накапливается самое существенное в общежитии: ощущение человеческой солидарности, родственности. Рождается чувство семейственной близости всех людей, и под влиянием опыта и тяжких испытаний приобретают плоть и кровь веками повторяемые слова о братстве людей.

В значительной степени в этом процессе развития новых народов можно видеть как бы повторение тех стадий и этапов, которые были пройдены в прошлом духовным развитием древних народов. Правда, вершины нами еще явно не достигнуты. Мы уже с симпатией и радостью повторяем слова великих учителей древности; нам душевно близки Сократ и Эпиктет; мы уже способны понять истинный смысл слов Эпикура; нас увлекает порыв царя Асоки; нас захватывают и поражают моральные парадоксы Нагорной Проповеди... Но все же мы здесь в лучшем случае только повторяем чужие слова, проникаемся чужим настроением. Мы с а м и еще так не говорим, не мыслим и не чувствуем. Словом, можно сказать, что по историческому типу развития мы находимся на духовном уровне учителей и прелшественников Готамо, на уровне Платона и Диогена, на уровне Иоанна-Предтечи. В наших душах — предчувствия, ожидания, готовность приятия. Но мы еще не достигли завершения. Отсюда напрашивается вывод: значит, в будущем, и может быть ближайшем, мы достигнем тех высот, которых достигли прежние народы, значит, перед нами люди с душой Эпиктета, перед нами политики с космополитическими творческими планами царя Асоки, а может быть, перед нами новые духовные чудеса Галилеи. Динамика мировой истории заставляет нас при-

стально всматриваться в черту исторического небосклона: не брезжит ли уже свет восходящей новой звезды Вифлеема?

История повторяется. Но каждый раз по-новому. И если человечеству суждено снова достигнуть прежних вершин духа, то совершится это в совершенно новой, небывалой еще обстановке. Дело не только в том, что новому царю Асоке не придется свои эдикты долбить на скалах, а их в тот же день разнесет по всему миру волшебное радио и в миллионах экземпляров напечатают все газеты, на всех языках. Важнее этого, что новый царь Асока не будет одинок. Если раньше высоты духа достигали отдельные личности, то ныне одновременно взбирается в высь все человечество, десятки миллионов людей. Это, быть может, замедляет ход развития, но это делает его устойчивым. Поток развития стал бесконечно шире и глубже, и засохнуть он может только с гибелью всего человечества. Всматриваясь в явления духа мы видим, что всюду, где раньше была одна личность, один мыслитель, один пророк, один законодатель, теперь действует громадный коллектив. Мы видим, что истину и путь к добру ныне ищут не отдельные люди, но многомиллионные массы. Мы видим, что и искушения являются не к одинокому, ушедшему в пустыню учителю а к целым народам. Но зато мы видим также, как всякое, даже давно посеянное и, казалось, забытое и заглухшее, семя добра всходит ныне тысячекратной жатвой. Если мы захотим искать в современности самоуглубляющегося Будду, мы найдем вместо него сотни тысяч ученых, мыслителей, искателей, в неустанном напряжении воли проходящих не четыре, а десятки стадий познания. Вместо Солона и Ликурга древности — мы в современности видим англо-саксонскую нацию, давшую всему миру принципы нового права. Вместо римского Спартака — мы находим профессиональные союзы. Вместо Гракха, вместо царя Агиса — мы видим разных оттенков радикальные, рабочие и социалистические партии. Поэтому и новые вершины духа, которые предстоят перед нами, будут достигнуты не отдельными личностями, а соборно, коллективно. Явятся непреодолимые настроения в миллионах сердец, явится в широких народных массах неудержимый позыв к осуществлению добра на земле, явится всеобщее радостное сознание близости и осуществимости подлин-

ного братства, явятся народы-пророки, народы-реформаторы, народы-законодатели, народы не только глашатаи, но и осуществители величайшей мечты человечества. Кто первый?

И если мы знаем, что никакая фантазия человеческая не в силах предугадать все возможности, которые нам несет дальнейшее развитие знания и техники, то тем более бессильны мы предсказать, что будет собой представлять этот грядущий не только Золотой, но и Добрый век. Но, может быть, тогда лишь мы поймем, что и все наше внешнее могущество дано не только затем, чтобы удовлетворять наши материальные потребности, но и для высших целей, которые теперь рисуются нам еще более туманно, чем перспектива сношения с другими мирами. Только в атмосфере царства добра и справедливости проявится все значение, вся внутренняя необходимость и божественная закономерность данного человечеству господства над природой.

Зачем думать о мрачном, когда перед нами уже пылает долгожданная заря счастливого века? Зачем бояться будущего, когда перед нами жизненное сочетание справедливости, добра, радости и силы? Зачем ожидать гибели, когда перед нами небывалое цветение духа человеческого?

НОВЫЕ НАРОДЫ	102
Варвары	102
Св. Римская империя	104
Личность в новой истории	107
Личность, церковь и государство	113
Новые правовые принципы (Англия)	117

Н А С Т О Я Щ Е Е

НОВЫЕ СИЛЫ	131
НОВЫЙ ДУХ	145
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И МЕЧТЫ	171

Б У Д У Щ Е Е

ЧТО ЖДЕТ НАС В БУДУЩЕМ?	191
Призраки будущего	193
Голод? Холод?	201
Война?	204
Социальная революция?	207
Гибель демократии?	218
ПЕРЕД НАМИ "ЗОЛОТОЙ ВЕК"!	229